

...РУТ...

РЕНДЕЛЛ

ДРЕВО СКОРБНЫХ РУК

ОПАСНО ДЛЯ ЖИЗНИ

Annotation

После внезапной смерти ребенка в жизни Бенет, дочери душевнобольной, начинается новая страшная глава. Ложь, мошенничество, похищения, убийство — преступления множатся, в хитросплетения сюжета втянуты совершенно посторонние люди. За плотно закрытыми дверями разворачиваются семейные драмы, на преданную любовь отвечают подлой изменой, физическое насилие — в порядке вещей, итог неясен, благополучие маловероятно. Блистательный и завораживающий роман Рут Ренделл «Дерево скорбных рук» — впервые на русском языке.

- [Рут Ренделл](#)
  - [Книга первая](#)
    - [1](#)
    - [2](#)
    - [3](#)
    - [4](#)
    - [5](#)
    - [6](#)
    - [7](#)
    - [8](#)
    - [9](#)
    - [10](#)
  - [Книга вторая](#)
    - [11](#)
    - [12](#)
    - [13](#)
    - [14](#)
    - [15](#)
    - [16](#)
    - [17](#)
  - [Книга третья](#)
    - [18](#)
    - [19](#)
    - [20](#)
    - [21](#)

- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)

Рут Ренделл
Древо скорбных рук

*Франческе, моей
крестнице, с любовью*

Книга первая

Однажды, когда Бенет не исполнилось еще четырнадцати, они всем семейством ехали в поезде в полупустом вагоне, и Мопса вдруг бросилась на нее с мясницким ножом. Вернее, угрожала это сделать. Бенет поинтересовалась, зачем мать захватила с собой в дорогу такую большую сумку, ярко-красную, совсем неподходящую к ее одежде. На замечание дочери Мопса громко и злобно расхохоталась, стала выкрикивать какие-то дикие слова, а затем вытащила нож из сумки, угрожающе помахала им перед носом ошеломленной девочки и сунула его обратно. Все это сильно напугало Бенет, и в панике она дернула за «стоп-кран» или, как потом выразилась Мопса, «сигнальный шнур». Поезд затормозил, получилась ужасная суматоха, отец разозлился и потом был мрачен.

Давняя сценка в поезде более или менее стерлась из памяти Бенет, но ожила сейчас, когда она встречала Мопсу в аэропорту Хитроу. Хотя с тех пор они виделись неоднократно, даже некоторое время жили под одной крышей, и Бенет могла наблюдать за переменами в психическом состоянии матери в лучшую сторону, самым ярким впечатлением от прошедших лет все-таки оставался образ исхудавшей женщины с всклокоченной седой шевелюрой, вечно кутающейся в шарфы и шали, несмотря на теплый испанский климат. Именно такую женщину она высматривала из-за ограждения в цепочке пассажиров, прошедших таможду, стоя в толпе гидов с табличками турфирм на шее, говорливых азиатов и жен бизнесменов, встречающих супругов, возвращающихся из командировок

Джеймс так и норовил выбраться из прогулочной коляски, ему было плохо видно, и он явно чувствовал себя неважно. Наконец она взяла сына на руки, посадила на бедро.

Любое ожидание — будь то в аэропорту или на вокзале — всегда волнующе. Кто покажется первым на глаза встречающим, кто первым помашет рукой, узнав знакомое, а может, любимое лицо. Людей, проходящих барьер, как бы выпускали на свободу, и они рвались туда, словно бы в невесомости.

Бенет помнила, как она встречала здесь же Эдварда, и как он был прекрасен тогда. Пассажиры, спешившие, озабоченные, обтекали их. Пестрота одежд и чемоданов — это все превращалось в черно-белое кино, потому что только для них одних был приготовлен цветной кадр.

Встреча с Мопсой не будет похожа на ту... Прошлое не повторится. У

Бенет не осталось другого в мире, кого бы она ждала с замиранием сердца, с надеждой и любовью. Она замкнулась в пространстве, где есть только они с Джеймсом, и пройдет много лет, пока неумолимая судьба их не разлучит. До этого еще минуют годы и годы, и пока она может быть спокойна.

Ей пришлось распечатать еще пачку бумажных салфеток и утереть ему сопливый носик. Бедняга Джеймс. Но он все равно лучше всех, даже с распухшим от насморка красным носом.

Барьер миновала супружеская пара — мужчина и женщина дружно катили объемистые чемоданы на колесиках. За их мощными фигурами почти скрывалась неприметная дама с невесомой ручной кладью — портфельчик-дипломат и молодежный рюкзачок. Бенет едва не проглядела мать, столь непохожую на прежнюю. Ее словно долго мыли в турецких банях и отмыли до полного исчезновения облика. Она стала никакая, точнее — как все.

Мопса узнала дочь первой, отчего на мгновение Бенет стало стыдно. Лишь когда глаза Мопсы, неподвижные, безо всякого выражения, уставились на Бенет, дочь осознала, кто перед ней.

Был какой-то момент нерешительности, когда Бенет вдруг заколебалась — стоит ли подпускать мать к себе и к сыну.

И все же это была Мопса. Ее психически больная мать принялась целовать и тискать дочь, отмахнувшись от сопливого Джеймса, как от досадной помехи, с плачем уткнулась в плечо Бенет. Это была Мопса, облаченная в строгий серый костюм и блузку с золотой булавкой под горлом, с коротко остриженными седыми волосами.

Легковесные чемоданы из искусственной кожи не требовали услуг носильщиков. Бенет сама погрузила их на ручную тележку и разместила в багажнике машины, запаркованной на стоянке. Всю процедуру встречи Джеймс наблюдал с круглыми от удивления глазами, и даже перестал сопливиться, настолько его заинтересовала бабушка.

Свою ручную кладь Мопса предпочла нести сама, двигаясь твердой уверенной походкой, держа осанку и вытянув тощую гусиную шею. Когда-то она брала уроки у Айседоры Дункан, и балетная школа до сих пор сказывалась. А может быть, это было все вранье, миф... Двадцать лет назад Бенет, как глупая девчонка, боготворила мать, а потом иллюзии рассеялись.

По дороге Бенет задала вопрос об отце.

— Он в порядке. Что с ним сделается? Шлет тебе привет.

— Тебе нравится Испания?

— Мне все равно, где жить, но папе с его астмой это, кажется, подходит. Уже три года у него не было приступов. Ну и я, соответственно,

себя чувствую лучше.

Мопса говорила о разделении семьи так, будто астма отца была тому причиной. Она беспечно улыбнулась, словно ее недуг был сродни легкой форме астмы. Она ворковала точь-в-точь, как ее соседки по Эджвэру, как, например, миссис Фентон — бодрая, словоохотливая домохозяйка.

— Я считаю, что являться сюда на все эти тесты — сплошная нелепица, пустая трата времени и денег. Я убеждала врачей, что со мной сейчас все нормально, но они говорят, будто вреда это не принесет, и почему бы не устроить себе маленькие каникулы и не сменить обстановку. От каникул я, честно говоря, устала, когда они так долго тянутся, но вот сменить обстановку не помешало бы. Надеюсь, мы поедем на метро. Должно быть, прошло лет семь или восемь, как я не спускалась туда.

— Я на машине, — сухо оборвала болтовню матери Бенет.

В юности она неустанно внушала себе, что не должна ненавидеть мать, но подобные уговоры редко приводили к желаемому результату. Мать неизлечимо больна, и помочь ей Бенет ничем не может. Она испытывала жалость к безумной женщине, прощала все, что в силах была простить, но не хотела находиться рядом с ней.

Поступив в университет, Бенет твердо решила не возвращаться домой никогда, разве только на короткие праздничные дни. И следовала этому решению неукоснительно. Когда отец достиг пенсионного возраста и ушел от дел, они с матерью купили себе маленький домик в Испании близ Марбеллы.

Южное солнце покрыло лицо и руки Мопсы загаром. Рядом со смуглой бабушкой Джеймс выглядел бледной северной былинкой.

— Он у тебя здорово простужен, — заметила Мопса, когда малыш снова расхныкался и зашмыгал носом. — Незачем было вытаскивать его на улицу в такую мерзкую погоду.

— Мне не с кем его оставить. Ты же знаешь, что мы только что переехали на новое место.

На заднем сиденье машины располагалось специальное детское креслице, в котором Джеймс обычно чувствовал себя комфортно. Бенет усадила и пристегнула малыша, а вещи Мопсы поместила в багажник. Она бы предпочла, чтобы мать уселась сзади рядом с Джеймсом, но та уже заняла соседнее с водительским место, накинула ремень безопасности, защелкнула пряжку и степенно сложила на коленях руки в черных перчатках из грубой кожи. До нее, видимо, даже не дошло, что бабушке стоило обратить на внука хоть какое-то внимание, произнести пару ласковых фраз. Он выглядел таким несчастным и одиноким там, позади,

чихая и жалобно похныкивая. Бенет, ведя машину, заговаривала с ним иногда, указывая на то, что могло его заинтересовать, — собак, причудливо одетых прохожих, яркие витрины, но вскоре она поняла, что Мопсу это раздражает.

Мать желала говорить только о своих проблемах и планах, об Испании и о том, что она собирается делать в Лондоне. Никогда раньше Бенет не приходило в голову, что излеченные от душевной болезни люди совсем необязательно, как это принято считать, превращаются в личности, освобожденные от прежних пороков. Их эгоизм, их способность взрываться злобой по самому пустяковому поводу и прочие малоприятные качества характера остаются при них, и лишь слегка сглаживаются, прячась за внешне нормальным поведением.

Впрочем, так и должно быть, удивляться тут нечему. Ведь лечат болезнь, а не создают новых идеальных людей. В самом нормальном мозгу может таиться столько же мерзости, сколько и в больном. Впрочем, как и возвышенных мыслей, доброты и обаяния. Возможно, беда Мопсы заключалась в том, что под коркой ее безумия, едва она была удалена, обнаружилась самая крайняя форма эгоцентризма, вера в то, что весь мир создан ради нее и вокруг нее вращается.

Дом в Хэмпстеде, в Долине Покоя, куда они сейчас направлялись, еще не стал для Бенет тем пристанищем, где можно обрести тепло и уют. Она поселилась в нем всего лишь три дня назад, и все казалось ей там чужим. Требовались большие усилия воли, чтобы как-то начать его обживать.

Машина плавно скользнула в узкий проход меж высоких, поросших смешанным лесом насыпей, ведущий к обширной поляне, расположенной на полуострове, омываемом тихими водами сразу двух притоков Темзы.

Половину своей сознательной жизни, с того дня, когда Бенет с друзьями попала сюда на праздник, устраиваемый ежегодно в августе в день Святого Варфоломея, она мечтала жить именно здесь. Потом пространство это стали застраивать, и ее мечта вполне могла осуществиться, что и произошло в конце концов. Правда, Мопса оставалась в неведении по поводу дочерних планов.

Казалось, она вообще никогда не слышала о существовании в пределах Лондона столь прославленного, укромного уголка, втиснутого в городскую громаду, где произрастали благородный каштан и редкая монтерейская сосна, а у корней некоторых старых деревьев виднелись мемориальные таблички в честь давно ушедших из жизни поэтов, художников, великих артистов. Здесь Шелли пускал бумажные кораблики в пруду, а Колридж, сидя на поросшем мхом пне, сочинял свои магические эпосы. Все

связанное с искусством просто не доходило до сознания Мопсы, а литература представлялась ей набором пустых слов.

Выйдя из машины, она окинула взглядом приобретенный Бенет дом в викторианском стиле, вытянутый кверху и небольшой по площади. На лице ее явно отразилось разочарование.

Что она ожидала увидеть? Архитектурный шедевр, наподобие дворцов, загромождающих Бишоп-авеню?

— Что ж! Я и не предполагала, что ты подберешь что-то более амбициозное, будучи одной с младенцем на руках.

Бенет хотелось возразить, что Джеймс уже не младенец. Ему год и девять месяцев, он произносит множество слов, а понимает гораздо больше, но этого она не стала говорить матери и отперла входную дверь молча. Мальчик сразу же устремился внутрь, к своим сокровищам, рассыпанным в кухне, временно превращенной в игровую комнату. Он был счастлив, что вновь очутился дома, но Мопса бесцеремонно переступила через него, оказавшись в помещении первой, и критически огляделась по сторонам.

Далее, вероятно, следовало ожидать неминуемого тягостного разговора о положении матери-одиночки и о том, что Джеймс растет без отца. Вот только насколько хватит такта у Мопсы потерпеть с таким разговором какое-то время, не омрачать и без того не очень радостную атмосферу встречи через много лет и знакомство с новым домом? Или, несмотря на все старания врачей и заметное улучшение ее психического состояния, в Мопсе по-прежнему таилось злобное неприятие всего выходящего за рамки ханжеских правил, характерное для провинциальной дамы среднего возраста, что и определяло ее поведение? Трудно было надеяться, что удастся избежать объяснений по поводу Эдварда, рассуждений о том, в какое невыгодное — если не выразиться резче — положение ставит Бенет не только себя, но и своего незаконнорожденного ребенка, чем чревата для нормального взросления мальчика жизнь без отца, в неполной семье.

Бенет, пожалуй, должна была испытывать облегчение, что ей придется иметь дело только с Мопсой и что отец не удостоил дочь визитом. Он пребывал еще в таком шоке от случившегося, что, кажется, не верил до сих пор в существование Джеймса.

В доме еще царил полный хаос. Коробки и ящики с кухонной утварью и посудой, картины в чехлах и пачки книг загромождали холл и коридор. Собираясь в аэропорт, Бенет терялась, за что взяться в первую очередь, и впопыхах оставляла все сделанным наполовину. Скорее всего, ей хотелось

привести в порядок комнату, которую она отвела под свой кабинет и где соорудила книжные полки до потолка. Там на полу были свалены издания на шестнадцати языках ее первого и единственного романа — «Брачный узел», ставшего бестселлером и источником временного материального благополучия Бенет, что, в свою очередь, привело к покупке этого дома.

Только сюда, в эту комнату, не допускался Джеймс, чтобы он ненароком не принялся рыться в книгах и отрывать бумажные обложки.

И сейчас, по возвращении из аэропорта, Бенет поспешила запереть дверь кабинета на ключ. Но Джеймс повел себя не совсем так, как от него ожидалось. Он не набросился на книжки и не занялся новой игрушкой, от которой до поездки был в восторге. У ксилофона клавиши представляли все семь цветов радуги, а добавочная восьмая сияла, как золото. Вместо этого Джеймс тихонько взобрался на плетеный стульчик и сидел там молча, засунув в рот пальчик. У малыша опять потекло из носа, а когда Бенет взяла сына на руки, то слышала хрипы у него в груди.

Это было не просто тяжелое дыхание. Хрипы доносились откуда-то из глубины хрупкого детского тельца. В кухне, расположенной в цокольном этаже, было уютно и тепло, сюда заглядывало солнце, поблескивая на новеньких дубовых панелях, радостно светился красный флорентийский ковер, которым Бенет покрыла пол, чтобы Джеймс мог на нем играть, но вот сам мальчик внушал тревогу.

Мопса, разложив свои пожитки на кровати в комнате, подготовленной для нее дочерью, незамедлительно спустилась вниз и бодро заявила:

— Теперь я предлагаю нам всем отправиться куда-нибудь перекусить.

— Я думаю, что Джеймса больше не следует вывозить из дома, — возразила Бенет. — Ему что-то нездоровится. Мы можем поесть здесь. У меня есть все, чтобы приготовить ланч.

Мопса недовольно скривилась.

— По-моему, на улице совсем не холодно, даже для такой почти коренной испанки, как я. — Она рассмеялась, и в смехе ее слышался металл, как будто ударили по самой толстой клавише ксилофона. — Ты, должно быть, уж чересчур заботливая мать.

Бенет промолчала. Она сама удивлялась тому, какое важное место занял в ее жизни ребенок. Все ее мысли и тревоги обращены были только к нему. Конечно, иначе и быть не могло. Ведь она сознательно, будучи незамужней женщиной, взяла на себя обязанности обоих родителей и поклялась, что всеми силами обеспечит сыну счастливое детство, любовь и заботу, что он ни в чем не будет испытывать недостатка и никогда не почувствует себя ущемленным.

Но предугадать, какая тяжесть ляжет на ее плечи с самого момента его рождения, как она будет привязана к нему накрепко бесчисленными нитями, все равно было невозможно.

Бенет готовила и накрывала на стол — суп, хлеб из непросеянной муки, паштет из утки и салат для себя и Мопсы, яичницу, гренки и шоколадное мороженое для Джеймса. В ожидании ланча Мопса устроилась в ярком солнечном пятне на широком подоконнике, откуда был виден небольшой цветник и декоративная горка из камней. Она углубилась в чтение газеты, прихваченной с собой из самолета, и даже не сделала попытки усадить мальчика к себе на колени.

Бенет не выдала своего разочарования подобным поведением матери, даже убедила себя, что ей это безразлично. Ее больше встревожило, что любимые блюда Джеймса остались почти нетронутыми.

— Ему надо хорошенько выспаться, — сказала Мопса. — Он устал, оттого и капризничает.

«Вероятно, она права», — подумала Бенет, хотя была уверена, что бабушкин совет продиктован скорее желанием избавиться от присутствия внука, чем заботой о его самочувствии.

Бенет отнесла Джеймса наверх вместе с его любимой игрушкой — пушистым тигренком с гибкими лапами — и уложила их обоих в кроватку.

Обычно Джеймс не любил, когда его укладывали спать посреди дня, и если таковое случалось, он не закрывал глазки, а сидел в кроватке, выпрямившись, и забавлялся, выкручивая тигренку лапы и придавая ему смешные позы. На этот раз он покорно улегся в обнимку с игрушкой. Его личико покраснелось, он странно шевелил губами, словно предстояло долгожданное расставание с молочным зубом.

Бенет надеялась, что особо опасного с ним случиться не может. Она оградила его от детских инфекций положенными прививками, он не общался с другими детьми и вряд ли мог подцепить где-то заразу. Обыкновенной простуде он был, конечно, подвержен, и тогда его грудь отзывалась на это затрудненным дыханием. Она посидела с сыном минут пять, пока малыш не уснул.

— Я и не представляла, что в тебе так силен материнский инстинкт, — такими словами встретила ее Мопса внизу, где она успела обнаружить среди всеобщего беспорядка еще неубранные в бар запасы спиртного. Она не была особо пьющей личностью, но выпивать ей нравилось, и иногда даже небольшое количество алкоголя действовало на нее непредсказуемо и странно. Бенет помнила их с отцом попытки отлучить Мопсу от бутылки хереса. Сейчас мать, кажется, уже глотнула рюмку, и по лицу ее блуждала

глуповатая улыбка.

— Частенько бывает, что ты совсем не желаешь появления ребенка, но раз он появился, то делать нечего, и ты начинаешь его обожать.

— Я хотела появления Джеймса и своего добилась, — сказала Бенет и, зная наверняка, каким способом можно перевести разговор на другую тему, спросила: — Какие же тесты с тобой проводили? Расскажи поподробнее.

— У них там, в Испании, очень скромные возможности. Я всегда говорила, что во мне присутствуют какие-то ферменты или что-то такое во мне, наоборот, отсутствует. Вся проблема в этом. Кажется, теперь они пришли к такому же выводу и разделяют мою точку зрения.

Долгие годы Мопса вообще отрицала, что больна. Это все другие больны, или, сговорившись, вредят ей и не способны понять ее. Но когда осознание собственной ненормальности неизбежно пришло к ней, когда в периоды просветления услужливая память прокрутила, как киномеханик ленту, все ее прежние кошмары, она возложила вину за свои поступки не на психику, а на какие-то биохимические дефекты своего организма.

— Возьмем, к примеру, историю с Георгом III, — доказывала Мопса. — Годами все считали его сумасшедшим, подвергали его чудовищным пыткам. А теперь стало известно, что у него была порфирия — недостаток какого-то вещества — минерала «порфира» — так он называется. И если бы ему давали этот «порфир», он был бы вполне нормален.

Возможно, она была права. Но если даже какой-то химической субстанции и не хватало ее организму, сама природа восполнила этот недостаток, и ее безумие отступило. Когда Мопса с увлечением рассказывала о проводимых с нею сеансах психотерапии, с остроумием отмечала все детали, давала характеристики лечащим врачам, Бенет преисполнялась надеждой на лучшее. Безумие ведь коварно и не всегда выдает свои симптомы. Даже глаза матери приобрели сейчас прежний цвет — зеленоватый с голубизной, который когда-то мог очаровывать и дочь, и всех окружающих. Лишь бы сейчас не сорваться с тоненькой ниточки им обеим, поддерживать друг друга, как партнерам опасного аттракциона в цирке.

Мопса обшарила глазами комнату и удивилась.

— А где телевизор?

— У меня его нет.

— Совсем нет телевизора? Я пропаду без него, хотя ТВ в Испании — не лучший вариант. Я надеялась, что наконец доберусь до настоящего британского телевидения. Разве это нормально — жить без телевизора? Не

думала, что ты на этом экономишь.

— Я пишу, пока Джеймс спит, а так как это происходит в основном в вечерние часы, телевизор мне ни к чему.

— Сейчас он уснул, и ты что, собираешься заняться сочинительством? Махнуть на меня рукой? Сунуть мне в руки какую-нибудь книжонку, чтобы я не мешала?

Бенет попыталась найти приемлемое объяснение для матери. Для литературного труда требуются особые условия — соответствующая атмосфера, определенная степень уединения, отрешенности от окружающих мелочей. Такое удается растолковать не всякому человеку, не знакомому с процессом творчества, а уж труднее всего это будет внушить Мопсе.

Она сама была фактически новичком в этой профессии, и еще толком не знала, как организовать писательский труд. Ее заметки в блокноте, обрывки фраз, зарисовки пейзажей и жанровых сцен, а также общие впечатления от пребывания с Эдвардом в Индии как-то сами собой сложились в книжку, неожиданно ставшую бестселлером. Только не было бы никакого бестселлера, если бы ей в какой-то миг вдохновения не пришел в голову сюжетный узел, который дал название книге и обеспечил ей успех. Случаен ли был этот подарок небес или это свидетельство ее таланта? Тайну эту Бенет сама постичь не смогла.

Теперь ей предстояло написать нечто иное, пусть не такого уровня, как «Брачный узел», но, по меньшей мере, не унижающее ее репутацию. Она стала в очередь тех авторов, кто будет допущен в заветную издательскую дверь вторично. А для этого надо работать и работать, пока Джеймс спит. То, что писательство есть тяжелый труд, сродни любому, даже физическому, Бенет уже успела понять.

И тут она вспомнила, что Джеймс спит, не просыпаясь уже более двух часов. Она поднялась наверх поглядеть на него. Беспокоиться вроде бы было не о чем, хотя личико оставалось пылающе красным, а дыхание хриплым.

Глядя на малыша, она отмечала в нем сходство с Эдвардом, особенно в изгибе губ и форме лба. Когда-нибудь он превратится в образцового английского джентльмена, даже превзойдет отца в совершенстве и соответствии параметрам идеальной модели, поставляемой в общество английской аристократией, как пекарь выпекает свои стандартные булочки.

Он будет голубоглаз, как Эдвард, с таким же неподвижно-холодным, рыбьим взглядом, льняными волосами, крепким подбородком, способным держать любые удары. И еще — только не дай бог — он унаследует

помимо внешнего сходства и отцовские пороки.

Терпеливо ожидая пробуждения сына, она смотрела в окно на солнечный закат. Алые и золотые краски быстро померкли, как только солнце ушло за горизонт, но вершины сосен еще золотились, а поверхность пруда, где, по легенде, Шелли пускал в плавание бумажные кораблики со своими стихами, мягко светилась серебром.

Хорошее место выбрала Бенет для жилья и для того, чтобы здесь рос ее сын. Она не сомневалась в правильности своего решения.

То ли какие-то детали пейзажа, то ли навеянные ими воспоминания детства резко развернули корабль ее размышлений вспять, к тому жуткому дню двадцатилетней давности, когда обнаружилось, что ее мать психически больна. То событие Бенет старательно прятала в потаенных уголках памяти и запрещала воскрешать его в своем воображении. Это было первое выступление Мопсы в роли, которую она потом играла долго, с неизменным постоянством и с ужасающей убедительностью. Бенет слышала слова «паранойя», «шизофрения», произносимые в доме вполголоса, не понимала до конца их глубинный смысл, но оттого становилось еще страшнее.

Ей было восемь лет, а ее кухне, гостившей в их доме в Колиндейле, всего три или четыре. Мопса завела девочек в столовую и сказала, что убьет их, а потом себя. Смысл ее поступка не поддавался объяснению. Была ли это простая угроза, что она собирается держать их взаперти, пока не будет выполнено какое-то ее требование? Или она действительно жаждала пролить кровь — и детей, и свою? Истина была где-то посередине между этими двумя версиями. И была ли щеколда на двери столовой, и уж так ли был крепок замок, запиравший столовую? Эти детали не запомнились Бенет.

Зато она очень ясно помнила, как мать доставала ножи из ящика буфета, как отчаянно вопила маленькая кузина, как Мопса с невиданной силой двигала мебель, баррикадируя французские окна, выходящие на веранду, чтобы пришедшие на выручку мужчины не успели помешать ей перерезать девочкам горло.

Самым ярким впечатлением было то, как полетели щепки, и рухнула под ударами дверь в столовую, и на нее вступил грозным героем ее дядюшка, а за ним и отец. Они не прибегли к чьей-либо помощи во избежание огласки перед соседями и естественно неминуемых последствий расследования постыдного инцидента.

Никто не пострадал, не получил ни малейшей царапины, а Мопса вела себя так спокойно, что не верилось в ее причастность к переполоху. Все

словно сговорились забыть об этом, и так они жили до тех пор, пока она не начала воровать, причем без всякого повода, без всякого толчка извне.

Трудно было заметить, когда и с чего начался этот процесс, только потом стало понятно, какая извращенная логика руководила ее поступками. Однажды отец обмолвился в гостях, что ему понравилась пластинка с записью Генделя «Музыка на воде». Стараясь угодить мужу, Мопса обегала множество магазинов и, найдя искомое, унесла ее тайком, хотя вполне могла уплатить за диск через кассу.

Она воровала какие-то мелочи, чтобы дарить их тем, кто был ей близок и нравился, а элемент риска при краже повышал в ее глазах цену подарка, как объяснял отцу очередной психиатр.

Проявления ее ненормальности были разнообразны и все учащались. То Мопса впадала в беспричинную ярость, то полностью теряла ощущение реальности, то совершала поступки, опасные для нее самой, причем спонтанно, без всякой на то необходимости.

Джеймс перевернулся с боку на бок в кровати, что-то сердито выкрикнул, приподнялся и стал кулаками тереть глаза. Его крик перешел в натужный кашель, сопровождаемый хрипами в груди. Бенет достала сына из кровати, прижала к себе.

Его грудная клетка напоминала музыкальный инструмент, из которого исходили бессвязные звуки самой разной тональности. Идея, высказанная Мопсой и поначалу показавшаяся Бенет здоровой — позвать кого-нибудь в гости и отметить ее приезд — сейчас уже казалась кошунственной. Джеймсу явно стало хуже, и все внимание Бенет сосредоточилось на нем.

В доме было очень тепло. Бенет порадовалась, что до переезда сюда наладила центральное отопление. И то, что она сейчас не одна с больным ребенком, а рядом мать, которая уже по-хозяйски разложила свои вещи в отведенной ей комнате и ведет себя вполне нормально, что две женщины могут сообща похлопотать над больным ребенком, немного успокаивало Бенет. Ведь когда-то у Мопсы тоже была маленькая дочь, и она растила ее, беспокоилась о ней, приобрела определенный опыт в таких ситуациях, и вот Бенет, уже сама ставшая матерью, могла понадеяться на ее помощь.

За прошедшие годы Мопса сыграла в жизни немало ролей, но ведь она была и доброй женой своему мужу, и заботливой матерью Бенет до восьми лет, до первого приступа своего безумия, когда ее мозгом и душой овладела другая личность.

Возможно, толчком для этого переселения душ послужила нелепая и никем не отмеченная случайность. Раньше она носила самое обычное имя — Маргарет, которое ей очень подходило, а не то, что прилипло к ней

после роли в школьном спектакле, блестяще исполненной в пятнадцать лет. Дикое, колдовское существо, созданное фантазией Шекспира в «Зимней сказке», — порождение жутких болот, обросшее зелеными корнями, с глазами тритона и жабьими лапами так сошлось в этом образе с ее потаенным желанием быть не просто заурядной девушкой, что она стала охотно отзываться на Мопсу.

Маленькую Бенет поначалу удивляло, что матерей ее школьных подруг зовут Мэри или Элизабет, но потом она привыкла к прозвищу матери, тем более что отец произносил его ласково, с доброй усмешкой. Чем-то в юности, да и потом, после рождения Бенет, Мопса действительно напоминала молодую ведьму, как ее представляют в мультфильмах, — с худым, остреньким личиком и пышной гривой светлых, всегда растрепанных волос. В этом была своя особенная присущая ей красота. Затем зло, угнездившееся в мозгу, начало проступать все яснее. Теперь же возраст и длительное лечение как бы тяжелым катком прошли по ее лицу, сгладили остроту черт и оригинальность облика, а короткая стрижка довершила превращение ее в персону, неотличимую от многих подобных ей пожилых женщин.

Спустившись вниз в кухню, Бенет увидела, что Мопса хозяйничает там и готовит себе чай. Такого раньше за ней не наблюдалось. Обычно мать ждала, чтобы ее обслуживали. Если бы Джеймсу стало получше, то они могли бы вместе отправиться куда-нибудь. С ребенком такого возраста, как он, можно было посетить какое-нибудь тихое кафе или перекусить на воздухе в парке. Пора уже появляться с ним на людях.

Она могла бы завтра отвезти мать на консультацию в клинику, подождать ее с Джеймсом в машине, а затем, если погода продержится такой же отличной, как сейчас, они прокатились бы в Хэмптон-Корт и с удовольствием провели там время среди развлекающейся публики.

Самочувствие у маленьких детей меняется мгновенно, это Бенет уже успела усвоить. То малыш хнычет или даже орет благим матом, то заливается смехом и уже вполне здоров. Но сейчас состояние Джеймса внушало ей слишком большую тревогу. Предстоял тягостный вечер с Мопсой, не знающей, чем себя занять. Завтра, конечно, Бенет постарается взять напрокат и установить в доме телевизор.

— Когда ты укладываешь его спать? — спросила Мопса.

— Обычно в половине седьмого, но, очевидно, сегодня так не получится. Он уже выспался.

— Ты его испортишь, не соблюдая режим.

Бенет не нашла нужным что-либо возразить, и Мопса перекинулась на

тому, как лучше добраться до клиники, где будут проводить тесты. Туда такой долгий путь, и в подземке все так кардинально изменилось с той поры, когда она жила в Лондоне.

Она изучала схему линий метрополитена и план города. Бенет, разумеется, заявила, что отвезет ее на машине и что если Джеймса нельзя будет взять с собой, она найдет кого-нибудь, кто посидел бы с ним дома.

Когда Бенет жила на прежней квартире в Тавнелл-парке, она иногда приглашала няньку, но выбирала кого-то из соседских девчонок-подростков, которые все не прочь были хоть немного подзаработать. Здесь же она не знала никого из соседей. У Бенет даже не было знакомых с маленькими детьми, за исключением Хлои, но та, как нарочно, проводила летний месяц на побережье.

Мопса всегда отличалась умением читать мысли дочери, особенно, когда у той возникали проблемы.

— А на сегодня у тебя нет никого на примете? Я бы предпочла где-нибудь с тобой вместе пообедать.

— Я не могу оставить Джеймса.

Мопса сразу же надулась, но Бенет проигнорировала это и не стала вдаваться в объяснения. Вопрос был совсем не в том, оставаться ли ей с Джеймсом или покинуть его на какое-то время — надо было без дальнейших колебаний решаться на конкретный шаг.

Лоб у мальчика был горячий и потный. При затрудненном дыхании у него иногда в груди раздавались странные звуки, будто кто-то там нажимал на автомобильный рожок. Он попытался поиграть на ксилофоне, но почти тут же потерял к нему интерес и опять взобрался к матери на колени. Каждый вдох давался ему все с большим трудом, и все тревожней было это слушать.

— Я позвоню доктору.

— Сейчас уже семь часов. Стоит ли беспокоить уставшего за день мужчину только из-за того, что малыш простудился?

— Наш доктор — женщина, — сказала Бенет и этим ограничилась.

В прошлом вступать с Мопсой в какие-либо пререкания означало лишь впустую тратить нервную энергию. Однажды мать своим упрямством довела Бенет до настоящей истерики и вынудила дочь сдаться, хотя правда была на ее стороне. То было давным-давно, но старое не забывается. Поэтому Бенет решительно взялась за трубку, но тут аппарат зазвонил сам.

— Должно быть, это твой отец, — высказала предположение Мопса и угадала, что немедленно отразилось на ее лице. Оно излучало самодовольство. Его беспокойство она, естественно, отнесла на свой счет.

— Привет, папа, как ты? — Бенет отвела трубку подальше от захлебывающегося плачем и криками несчастного Джеймса. — Прости... Это бедняга Джеймс подает голос. Он подхватил простуду.

Хотя ситуация не достигла такого накала, чтобы Бенет была отлучена от семьи и никаких определенных обвинений открыто ей не предъявляли, все же отец был крайне шокирован и оскорблен, не будучи в свое время проинформирован о ее беременности и рождении внука.

Положение усугублялось еще и тем, что была уязвлена его отцовская гордость. Он перестал уважать дочь. Как могла она, женщина высоко образованная, а теперь еще и хорошо обеспеченная материально, совершить такой необдуманный, нелепый поступок, живя в обществе, где существует столько возможностей помешать появлению на свет внебрачного ребенка! Он даже ни разу до сих пор не упомянул про Джеймса, словно не смирился с самим фактом его существования.

Когда Джеймс, как это случилось недавно, заинтересовался телефоном и захотел поговорить с невидимкой, который прячется в аппарате, дедушка растерялся, прорычал что-то рассерженно, выпалил: «привет» и «пока», а затем рывкнул, чтобы трубку немедленно возвратили Бенет. Сейчас, когда она сообщила о простуде Джеймса, он ограничился невразумительным: «ну, понятно» и умолк.

Пауза затянулась настолько, что обоим собеседникам на разных концах провода даже стало неудобно.

— А как твоя мать? — возобновил он разговор. — В порядке?

— В полном порядке. Хочешь поговорить с ней?

Снова наступила пауза. Бесспорно, Джон Арчдейл когда-то любил свою супругу. Но с тех пор слишком многое ему пришлось вынести на своих плечах. Это не была ее вина. Ее можно было только пожалеть. Болезнь превратила ее в существо, беспомощное перед злыми духами, живущими в ней, но случилось неизбежное — любовь умерла, осталось лишь чувство долга. Он нес крест, который с годами становился лишь тяжелее. В данный момент он, вероятно, воспользовался короткой, честно заработанной им передышкой, которую проводил в тесной компании близких друзей, таких же изгоев, как и он, покинувших свое отечество по разным причинам, попивая вино в баре в Мирамаре за партией в бридж. Голос жены по телефону не сделал бы этот вечер более приятным для него, но Бенет не могла не передать трубку Мопсе.

— Только на пару слов, — предупредил он дочь.

Раньше Бенет доводилось слышать, как мать обрушивала на него потоки грязных слов, среди которых «мешок с дерьмом», «душегуб» и

«мерзкий извращенец» можно было счесть нежнейшими фиалками. Сейчас Мопса, взяв трубку, предстала в роли разумной, заботливой супруги.

— Привет, дорогой...

Далее последовал обмен слащавыми словесными нежностями.

Бенет не могла не ощутить болезненного укола в сердце из-за того, что имя Джеймса ни разу не было произнесено. Он успокоился, перестал плакать, но зато, обмякнув, тяжело повис у нее на руках и дышал все более сипло.

— Да, полет прошел замечательно. У путешествий по воздуху главное преимущество в том, что они не длятся долго. Едва села в самолет, и вот ты уже на месте. Меня встретили и привезли сюда с шиком. Ровно в десять утра, минута в минуту. Ты лучше позвони снова завтра. Обязательно. Буду ждать. А пока — до свидания.

Мопса повесила трубку и уставилась на Бенет, прижимающую к себе сына. Ресницы ее часто заморгали. По прошлому опыту Бенет знала, что это предвещало резкую смену настроения.

Внезапно Мопса заговорила, но уже визгливым тоном, торопливо выбрасывая фразы, хотя безумия не ощущалось в ее речи.

— Я не была тебе хорошей матерью, Бриджит, я это знаю. Я пренебрегала тобой, не уделяла тебе достаточно внимания. Но я была больна. Я была больна задолго до того, как ты и твой отец это поняли. Все случилось из-за гормонов, которых я вдруг лишилась. Без них я начала сходить с ума. Я забыла, что я твоя мать, что я жена своему мужу. Я разрушила семью. Можешь ли ты простить меня?

Такие эмоциональные всплески повторялись раз от разу, ничего нового в них не было, и они всегда крайне смущали Бенет. Во-первых, ей нечего было ответить на эти истерические самообвинения. Во-вторых, во время таких припадков мать обращалась к ней по имени, которое она ненавидела с детства. Она считала, что ее так называли в насмешку, в честь ее полной противоположности — популярной тогда сексапильной французской актрисы. Большой глупости и более жестокой шутки, как казалось подрастающей девочке, родители ее не могли придумать. Бенет была худой, угловатой, с жесткими темными волосами. Каково ей было постоянно объяснять появляющимся в ее жизни новым знакомым и приятелям, что ее называли в честь Брижит Бардо?

Она сама придумала себе имя Бенет, и на «Бриджит» перестала откликаться. В упорной борьбе она отстояла свое решение. Отец смирился, но у матери прежнее имя часто срывалось с языка.

— Можешь ли ты простить меня, Бриджит? — повторила Мопса.

Мать стояла перед ней, жалкая, сникшая, безмерно одинокая, жаждущая хоть капли любви и сочувствия. У нее даже дыхание стало таким же прерывистым, как у Джеймса.

Хранить молчание и дальше было невозможно. Из одного состояния Мопса легко могла перейти в совсем иное, причем происходило это неожиданно, без какой-либо прелюдии. Просто в мозгу щелкнет и переключится какой-то невидимый тумблер.

— Мне нечего прощать. Ты была больна. И, кроме того, ты вовсе не была плохой матерью.

Прижимая к себе Джеймса, Бенет протянула другую руку и обняла мать за плечо. Она заставила себя это сделать. Мопса дернулась и мелко задрожала, словно напутанное животное.

Бенет поцеловала мать в щеку. Кожа ее была горячая, сухая, а в водянисто-голубых глазах светился разум.

— Мне нечего тебе прощать, поверь, — повторила Бенет. — Давай забудем все, что было. Давай... постараемся.

— Я все сделаю для тебя... В мире нет ничего такого, чтобы я тебе не достала... Все для твоего счастья.

— Я знаю.

Бенет осторожно разжала объятия, дотянулась до телефона, набрала номер врача.

— У него круп.

Безмерное облегчение, которое ощутила Бенет, готовая броситься на шею доктору Макнейл, по силе чувства могло последовать только после глубокого отчаяния, владевшего ею до диагноза врача.

— Я думала, что этим болели дети в викторианскую эпоху.

— Так было. Но болеют крупом и сейчас. Только современная медицина в состоянии сделать для бедных детишек гораздо больше, чем тогда. — Никак не желая пригасить эйфорию, охватившую успокоенную мать, доктор все же из осторожности прибавила гирьку к грузу, который Бенет уже собиралась сбросить с плеч. — Я все-таки советую положить его в больницу.

— Разве это необходимо?

— Это было бы правильнее. Там есть все оборудование для подобных случаев. Не думаю, что здесь вы смогли бы держать его в помещении, постоянно наполненным горячим паром. Ведь я права?

Доктору Макнейл было уже за шестьдесят. Через неделю-другую она собиралась уходить на заслуженный отдых. Бенет колебалась. Не чересчур ли устарели ее методы лечения? Паровая камера? Что это такое? Она представила горячий душ, включенный на полную мощность, ведра с чуть ли не кипящей водой, опрокидываемые в ванну, плотно закрытые двери и окна ванной комнаты. Но в ее доме одна ванная вообще не имела душа, а в другой он был безнадежно засорен и нуждался в замене.

— А все-таки, что из себя представляет круп?

— Если угодно, можно применить иное название — ларингит.

Оставив доктора у телефона, чтобы та дозвонилась в больницу, Бенет взяла Джеймса в кухню, где Мопса, следуя всем правилам образцовой хозяйки — в фартуке и резиновых перчатках — мыла чашки и блюдца. Тревога Бенет вновь поутихла. Круп — это всего лишь ларингит.

— Я поеду с тобой, — сказала Мопса.

Бенет предпочла бы оставить мать дома, но не знала, как тактичнее отказать ей. К тому же, вероятно, Мопсу не следует оставлять надолго одну, особенно ночью в малознакомом месте. К несчастью, получилось, что визит матери совпал с болезнью малыша. Стечение обстоятельств вынуждало Бенет сомневаться, насколько полезно будет вмешательство матери. Ее не покидала мысль о том, что когда люди говорят, что готовы

сделать все для твоего блага, это совсем не означает согласие держаться в стороне, воздерживаться от ненужных советов и без обсуждений исполнять лишь то, что требуется в данный момент.

Как бы там ни было, но в конце концов Мопса с Джеймсом на руках расположилась на заднем сиденье машины. Ночь была ясная, но безлунная. По дороге Бенет вдруг вспомнила, что сегодня как раз празднуется День всех святых, Хеллоуин.

Она внесла закутанного в большое шерстяное одеяло Джеймса в просторный сводчатый вестибюль готического здания больницы, и оттуда их направили вверх на лифте в приемное отделение.

Не очень знакомая с больницами — она попадала туда лишь однажды, когда рожала Джеймса, — Бенет представляла себе больничную палату как протяженное пространство, уставленное вплотную кроватями в два ряда.

Но клиника Эдгара Стэмфорда состояла из маленьких комнаток с широким коридором в центре. Здание, как она слышала, служило в старину рабочим домом, где жили и трудились отторгнутые обществом бедняки, но после случившихся там пожаров его неоднократно перестраивали и наконец отдали под детскую больницу. О девятнадцатом веке напоминали лишь окошки с разделенными на маленькие квадраты стеклами и стрельчатыми арками.

В палате, предназначенной Джеймсу, его ожидал натянутый над кроваткой шатер, куда накачивался пар. Нянечка назвала это устройство ингаляторной палаткой. Малыш пробыл там около десяти минут, вначале протестуя, потом лежа спокойно, сжав в пальчиках руку матери, когда появился врач, чтобы его осмотреть. В дверях он предварительно снял с себя медицинский халат и аккуратно сложил на столике медсестры.

— У детишек обычно проявляется фобия к белым халатам. Приходится так поступать. Вообще-то я и сам не очень люблю щеголять в белом. Могут принять за мясника. — Он добродушно улыбнулся и представился. — Иэн Рейборн. Я регистрирую поступающих больных и ставлю предварительный диагноз.

Бенет обратила внимание на койку рядом с кроваткой Джеймса. Она была аккуратно застелена — простыни, одеяла, подушка.

— Можно мне остаться здесь с ним?

— Разумеется, если хотите. Для этого и приготовлена кровать. Туалет и ванна за соседней дверью. Мы как раз поощряем присутствие родителей. И гордимся заведенным у нас порядком — не то что в былые времена. Все меняется к лучшему.

— Я с удовольствием воспользуюсь вашими новыми правилами.

Забывая на время, Мопса выглядела потерянной и жалкой.

— А как же я? — робко подала она голос.

— Все на ваше усмотрение, как вы решите, — сказал доктор Рейборн. — А пока я вас ненадолго покидаю. Я думаю, что теперь в палатке Джеймсу станет легче.

Но пальчики Джеймса так и не разжимались. Бенет по-прежнему была встревожена.

— Ты можешь вернуться домой на такси, мама. Я спущусь с тобой и вызову тебе машину. Тебе не о чем беспокоиться. Тебя доставят домой в полном порядке.

Лицо Мопсы побелело, словно его макнули в известь. Казалось, она поддалась необъяснимому страху.

Палата была освещена очень слабо, единственная тусклая лампочка горела над умывальником, но и в этом сумраке от Бенет не укрылось, что глаза Мопсы остекленели. Впервые после ее приезда она заметила у матери такой взгляд, который предвещал любые неприятные неожиданности.

— Лучше я останусь здесь. В самолете и то было плохо... потому что там не было никого из знакомых... Меня нельзя оставлять в одиночестве в незнакомом пустом доме.

— Всего на одну ночь...

— Почему ты должна оставаться с ним? Он спит. Он не знает, здесь ли ты или тебя нет рядом. Родители никогда не дежурят в больнице возле своих детей. Я про такое впервые слышу. Персонал не имеет права допускать такие вольности.

— Слышала, что сказал доктор? Правила меняются.

— Да, но к худшему. Твой отец никогда не позволил бы мне лететь сюда, если бы знал, что ты бросишь меня на произвол судьбы, Бриджит. Я заболею опять, если ты оставишь меня одну.

Бенет осторожно высвободила палец из цепкой хватки Джеймса. Он не пошевелился. Неприязнь к матери переполняла ее, она уже почти ненавидела ее. Когда Мопса рассуждала подобным образом — причем весьма рационально — хоть и выказывая при этом все признаки крайнего эгоизма, у Бенет возникало чувство, что все ее сумасшествие — игра, затеянная с целью привлечь к себе внимание окружающих. Конечно, такое заключение ошибочно. Невозможно притворяться сумасшедшей, имитировать душевную болезнь на протяжении долгих лет и с такой изобретательностью.

«Ты не должна поддаваться ненависти. Ты должна жалеть ее», — внушала себе Бенет.

— Мама! Ты будешь в полной безопасности. На окнах крепкие ставни, дом надежно запирается. На каждом этаже телефонный аппарат. И район наш совсем не хулиганский.

— Я не уйду отсюда без тебя, Бриджит. Ты не заставишь меня. Я могу спать на стуле. Я могу спать на полу.

— Тебе этого не позволят. Оставаться разрешают только родителям. Слушай, давай поступим так... Я отвезу тебя домой, потом вернусь сюда, а рано утром опять буду дома.

— Рано утром мне надо быть в клинике, чтобы проходить тесты.

Лицо Мопсы превратилось в каменную маску. Ничего, кроме непробиваемого упрямства, не выражал ее взгляд. Она уже не смотрела на дочь умоляюще, а отвела глаза в сторону, и тут Бенет показалось, что мать сделала это, чтобы скрыть нарастающую в ней злобу.

Бенет поглядела на спящего Джеймса. Испаритель непрерывно накачивал в прозрачную палатку пар. Она встала, взяла со спинки кровати свое пальто.

У нее создалось впечатление, что дежурная сестра крайне удивилась, услышав от Бенет, что та не намерена оставаться с ребенком на ночь. Более того, у медсестры во взгляде мелькнуло нечто вроде осуждения. Зато Мопса, проведшая достаточно долгие периоды своей жизни в различных клиниках, откровенно обрадовалась тому, что они покидают не лучшим образом действующее на ее нервы помещение. Она бодро зашагала к лифту.

По сравнению с больницей дом, конечно, манил уютом, несмотря на не разобранные пожитки и голые, без картин и фотографий стены. В нем было тепло, светло и относительно комфортабельно.

Но Бенет не находила себе места при мысли, что Джеймс просыпается в своей влажной парилке и обнаруживает, что ее нет рядом. Зачем она покинула своего сына? Какую пользу принесло это Мопсе?

Мопса проглотила дозу снотворного, лишь только они вошли в дом, и через десять минут уже мирно почивала у себя в комнате.

В шесть утра, проходя мимо ее двери, чтобы приготовить на кухне чай, Бенет слышала, как та безмятежно похрапывает.

Она позвонила в больницу, поговорила с дежурной сестрой, и ей сообщили, что Джеймс в прежнем состоянии. Ночь он провел беспокойно. Сестра не сказала, звал ли он маму, плакал ли из-за того, что ее не было рядом, а сама Бенет не набралась мужества спросить об этом. Ее сердце подсказывало, что именно так и было. Малыша раньше никогда не отрывали от нее. Они были неразлучны.

Если б только тесты Мопсы проходили в этой же больнице! Так нет же. Как назло, ей предстоял многомильный путь на другой конец города по лабиринту разросшихся лондонских пригородов, а обратно к Джеймсу придется пробиваться через уличные пробки.

Со дня появления сына на свет она впервые чувствовала себя виноватой перед ним, ощущала, что предала его.

Мопса спустилась вниз ровно в восемь в серой юбке от выходного костюма и светло-голубом джемпере из ангоры с ниткой жемчуга на шее. В это утро она предстала не в роли скромной замужней леди из среднего класса, а скорее элегантной и в меру самоуверенной деловой женщиной. Даже ее волосы, обычно растрепанные и неумело остриженные, выглядели аккуратно. Неброский макияж омолодил ее, не оставив и следа вульгарности, свойственной дамочкам легкого поведения.

Она не спросила про Джеймса, а Бенет не сказала ей, что звонила в больницу. Мысли Мопсы были заняты предстоящими тестами и тем, как она выглядит. Стоит ли ей накинуть голубой плащ или пиджак от костюма? Или и то и другое вместе?

Джеймс как бы не существовал для нее. Такое пренебрежение больно ранило Бенет. Она не в состоянии была даже проглотить чашку чая в присутствии матери. Ее душило негодование. Ей хотелось с силой встряхнуть мать за плечи, выкрикнуть прямо в лицо все, что накопилось со вчерашнего дня, за ночь и за это утро: все свое возмущение безразличием к ее сыну, к ее ребенку, к самому дорогому, что у нее есть на свете.

Она знала, что порыв ее не принесет пользы никому. Ждать сочувствия или хотя бы понимания от Мопсы бессмысленно, требовать — жестоко.

«Как бы она ни вела себя, я не должна ее ненавидеть. Она больна, и она моя мать».

Уже в машине, выезжая из Хэмпстеда, Бенет обрела нужный тон в общении к материю — заговорила холодно, безапелляционно.

— Я высажу тебя у Ройял-Истерн и поеду к Джеймсу. Когда освободишься, возьми такси до дома или до детской больницы. Это очень просто, и с тобой ничего не случится. Видишь, я записала для тебя оба адреса.

Она ожидала бурю протестов, но ошиблась. Мопса вновь впала в состояние эйфории, готовая угодить дочери, упрекала себя в эгоизме, великодушно обещая, что подобное никогда не повторится. Она жалела, что заставила Бенет вернуться с ней домой прошлой ночью, но в такое сияющее утро трудно поверить, как может человек быть напуган и растерян в глухой ночной час. Бенет возвращалась той же дорогой, через те же узкие

улочки, по которым везла Мопсу в клинику Ройял-Истерн в Тоттенхэме, по возможности срезая путь, но на повороте с Редьярд-гарденс на Лордшип-авеню все же застряла в пробке.

На перекрестке шли ремонтные работы, и, заняв место в медленно продвигающейся очереди разогретых и уныло сигнализирующих автомобилей, Бенет обзирала через окошко район, где когда-то жила.

Здесь очень многое изменилось. Деревья на Редьярд-гарденс настолько безжалостно постригли и пообрезали, что из земли торчали только их обезглавленные туловища. Целые кварталы стали необитаемыми. Двери и окна многих домов были заколочены ржавыми листами железа.

Мопса бы точно не удержалась и высказалась бы по поводу того, как Лондон превращается в трущобы.

В дальнем конце Лордшип-авеню в лучах яркого солнца на фоне голубого неба красовалось лишь одно высотное здание — сияющая стеклами просторных лоджий башня с пентхаусом на крыше. Когда Бенет с подругами — Мэри и Антонией — снимали в этом районе мансарду, подобного символа возросшего благосостояния лондонцев еще не существовало. Был пустырь, пересеченный каналом и траншеями газопровода.

Ее машина и еще три впереди медленно подползали к развилке. Черный доберман-пинчер, не торопясь, с достоинством пересекал проезжую часть по пешеходному переходу. Из-за этого движение опять застопорилось.

Бенет вспомнила, что именно здесь располагалась автобусная остановка, и по утрам, спеша на работу в Сити, она перебежала улицу как раз там, где сейчас шествовал породистый пес. Если бы у нее было время, если бы не сын, ждущий ее в больнице, она бы инстинктивно свернула из ряда на обочину и остановилась, потому что вдруг увидела знакомого человека.

Высокий, плотного телосложения блондин. Вероятно, ему сейчас уже за сорок. Только вот кто он? Как его имя? Вроде бы Том... Том Вудхаус. У него был гараж рядом с домом, где они снимали квартиру, и пару раз Бенет там брала на прокат машину.

Бенет опустила стекло, выкрикнула его имя, помахала рукой, но ее голос утонул в рычании рассерженных моторов. Она проследила в зеркальце заднего вида, как он перешел по пешеходной зебре на другую сторону и залез в кабинку припаркованного там фургончика.

Джеймс был не в ингаляторной палатке и даже не в своей палате, а в игровой комнате и рисовал что-то мелом на доске. Увидев Бенет, он не

подбежал к ней и не взобрался к ней на руки, а только улыбнулся лучезарно и как-то лукаво, как будто он и мать участвовали вместе в каком-то таинственном заговоре.

Рядом с ним стояла маленькая девчушка, к которой он обратился, поясняя:

— Это пришла моя мамочка.

— Мы бы хотели, чтобы он провел здесь еще одну ночь, — сказала медсестра.

Мопса появилась в полдень. Она выглядела довольной собой, бойкой, даже немного развязной. С ней не проводили никаких тестов в Ройял-Истерн, а только обследовали ее, побеседовали и назначили следующее свидание через три дня.

— Я рискну переночевать дома одна на этот раз.

— Ты очень мне поможешь. — Бенет исполнилась благодарности к матери и добавила: — Я высоко ценю твою храбрость.

Внезапно Мопса выдала вполне здоровое суждение, соответствующее обстоятельствам, в которых она вынужденно оказалась.

— Многие женщины ночуют одни в доме, и ничего плохого с ними не происходит. Я приму таблетку и отключусь до утра.

Джеймс весь день играл в детской комнате, где было чем развлечься.

К шести вечера он утомился, сильно побледнел, снова задышал тяжело и захотел спать.

— Еще одну ночьку ты поспишь здесь, а завтра уже будешь дома, — уговаривала его Бенет.

— А мне надо скорее возвращаться домой, — заявила Мопса, сверившись с часами. — Я думаю, что твой отец будет звонить. Он станет беспокоиться, не застав меня на месте.

— Я спущусь с тобой и помогу найти такси, — предложила Бенет.

— Я подумала, что смогу поехать на твоей машине.

Уже наступили сумерки. На узких улицах, забитых до отказа, движение было интенсивным. Мопса имела водительские права, выданные тридцать лет назад, но последние пятнадцать не садилась за руль самостоятельно.

— Я бы посоветовала тебе попрактиковаться сперва при дневном свете.

Мопса, решительно надевая пиджак, вступила в спор. Спор продолжался и в лифте, но, на удивление, закончился уступкой с ее стороны и молчаливым кивком, когда Бенет внизу объявила, что оставила ключи от машины в палате Джеймса, а запасные находятся дома.

Ночь была темная и сырая, в воздухе пахло пороховыми газами. Дети запускали фейерверки в преддверии дня Гая Фокса — шуточного праздника в честь неудачной попытки одного чудака взорвать английский парламент в начале XVII века. Мопса махнула Бенет рукой из окошка такси, а потом высунулась сильнее и махала долго, будто расставалась с дочерью навсегда.

Плач Джеймса разбудил Бенет около трех часов ночи. Ей снился Эдвард. Впервые за много месяцев он вторгся в ее сны. Во сне они вели отчаянный спор. Бенет говорила ему, что ждет ребенка, его ребенка, что аборт исключается, что она хочет родить, что их брак не может служить альтернативой ее решению, потому что она не хочет выходить за него замуж и даже не желает больше общаться с ним. Сновидение почти точно воспроизводило реальность, даже еще выпуклее и четче, с деталями и интонациями, которые уже потускнели или вообще стерлись из памяти.

Пробудилась она в шоке от того, что со всей серьезностью приняла сон за явь.

Джеймс сидел под своим паровым шатром и жалобно плакал.

Бенет взяла его на руки. Он перестал всхлипывать, затих, но опять дышал с трудом. Она поняла, что вряд ли может рассчитывать на спокойную ночь. Доктор или медсестра, заглянув в палату, наверняка спросят о самочувствии маленького пациента, и она не осмелится солгать им, как бы ей ни хотелось забрать его утром из больницы.

В комнате было сумрачно. По-прежнему горела единственная слабая лампочка над умывальником. Больничная тишина, в которой не было ничего противоестественного, начала угнетать Бенет. Правда, откуда-то издали доносилось едва слышное металлическое позвякивание.

Мысли Бенет перекинулись на мать. Наверное, это было неправильно занимать мозг чем-то, не имеющим отношения к болезни сына, но отрешиться полностью от беспокойства за мать Бенет не могла. Не совершила ли она ошибку, отпустив Мопсу одну? Предположим, она не сумела найти ключ от входной двери? Или вдруг в доме перегорели пробки, и она там блуждает в потемках?

Бенет была уверена, что ее отец никогда бы не решился предоставить Мопсе самостоятельность даже на короткое время. А если Мопса все-таки благополучно проникла в дом, ответила на телефонный звонок и поговорила с мужем, то как он чувствует себя после этого разговора? Не мучается ли бессонницей там у себя, на юге Испании, гневаясь на дочь и волнуясь за жену, накручивая в воображении всякие ужасные сцены,

которые могли случиться по вине психически больной жены и безответственной дочери?

Джеймс уснул у нее на руках. Бенет осторожно уложила его обратно в кровать под шатер и просунула руку сквозь чуть приоткрытую застежку на «молнии», чтобы он мог касаться ее пальцев.

Когда в четыре появилась медсестра, малыш еще спал, и Бенет ничего не сказала о приступе удушья, случившемся два часа назад. Сама она прикорнула на соседней койке, и на этот раз обошлось без кошмарных сновидений.

Серый рассвет проступал сквозь щели жалюзи, когда она вновь проснулась. Разбудил ее звук сирены. Бенет выглянула в окно и увидела машину «Скорой помощи» с включенной мигалкой.

Ближе к восьми она подумала, что пора позвонить домой. Мопса не была соней, и в восемь обычно находилась уже на ногах.

Джеймс спал на спине внутри палатки, отодвинувшись от испарителя. Ей наверняка разрешат забрать его из больницы после ланча. Затем неделя-две на окончательное выздоровление, и как только Мопса отправится в свою Испанию, почему бы и им вдвоем с Джеймсом не устроить себе каникулы? Бенет может это позволить себе сейчас. Она в состоянии оплатить хоть кругосветный круиз. Ее банковский счет позволяет путешествовать по всему миру долго-долго, пока ее бухгалтер не напомнит: «А не пора ли вам засесть за новую книгу, мисс Арчдейл?»

Они могут поехать туда, где всегда тепло. В Северную Африку, например, или на Канары. Там Джеймсу не будет грозить круп. Ее американские издатели предлагают посетить Калифорнию для продвижения книги, и она могла бы нанести визит в Голливуд, где начинают съемки по ее роману.

Джеймс открыл глаза. Он повернул голову вправо-влево, потер глаза кулачками. Распластавший все четыре лапы тигренок лежал рядом с ним на подушке. Бенет сыграла палочками гамму по разноцветным клавишам ксилофона: «до-ре-ми-фа-соль-ля-си».

Обычно это сразу привлекало его внимание, как сигнал боевой тревоги. Мальчик тут же тянулся за палочками, желая сыграть гамму сам.

Бенет расстегнула «молнию» на палатке. Джеймс протянул ей ручку, сказал: «Мамочка», но не поднял головы с подушки.

Она подняла сына, взяла на руки. Его лоб пылал, и дышал он так же, как в тот вечер, когда Бенет привезла малыша сюда. Ему, очевидно, было даже хуже, чем днем раньше.

— Как ты, мой бедненький ягненок? Трудно тебе приходится...

Вошла медсестра с термометром. Бенет оставила ее с Джеймсом и вышла в коридор к платному телефону. Бенет набрала номер, предчувствуя, какая буря разразится, когда она сообщит матери, что Джеймс пробудет в больнице неизвестно сколько времени, и что она будет безотлучно находиться с ним там.

Телефон звонил и звонил. Трубку не брали. Бенет решила, что ошиблась номером и повторила звонок. Опять никакого ответа. Возможно, Мопса еще спит.

Принесли завтрак — кукурузные хлопья, вареное яйцо, хлеб, мармелад для нее, молоко, каша, апельсиновый сок для ребенка. Джеймс кушать не стал. Он прижимался к матери, обнимая ее за шею, пока она без особой охоты поглощала кукурузные хлопья.

Сменившаяся дежурная сестра сказала, что мальчику следует быть под паровым шатром, и попросила Бенет постараться удерживать его там. Она добавила, что доктор Рейборн придет осмотреть мальчика примерно через час.

Джеймс оттолкнул от себя стакан с молоком, залив джинсы Бенет. Она заставила его лечь обратно под шатер, только втиснувшись туда вместе с ним верхней половиной тела, и застегнула за собой «молнию» как можно плотнее.

Испаритель работал исправно. Ее саму немного разморило от горячего, насыщенного влагой воздуха.

— У него держится высокая температура, — сказала сестра, заполняя карточку. — Ему хорошо бы опять поспать.

В конце концов Джеймс вновь уснул, и Бенет, выбравшись из палатки, влажная от пара, устремилась в коридор к телефону. Телефон в ее доме по-прежнему безмолвствовал. От нервного напряжения у нее внутри словно затянулся тугий узел. Она выслушала десять длинных гудков... пятнадцать...

Она повесила трубку и не стала набирать снова, потому что рядом стояла девушка в больничном халате с рукой в гипсе и ждала своей очереди позвонить.

Бенет вспомнилось, как, когда ей было тринадцать, Мопса исчезла без предупреждения, и ее нашли через два дня бродящей по Нортхэмптону в коротком платьице без рукавов. Так и не удалось выяснить, каким образом она попала туда и почему на ней было чужое платье.

Мопса вполне могла не добраться до дома Бенет прошлым вечером. Как только она скрылась из поля зрения, то, возможно, продиктовала таксисту какой-то другой адрес, рожденный ее больной фантазией. Идея

позвонить немедленно в полицию показалась Бенет слишком экстремальной мерой в данной ситуации. Попозже днем, если, разумеется, Джеймс встанет и его переведут в игровую комнату к другим детям, как было вчера, она выкроит часок, чтобы заскочить домой.

Мопса выглядела столь здравомыслящей и уравновешенной, что это ввело Бенет в заблуждение. Вероятно, она всегда вела себя так или притворялась таковой перед припадками безумия.

Если она не отправилась в Долину Покоя, то куда ее могло потянуть? Она никого не знала в Лондоне, за исключением Фентонов, их старых соседей, но наверняка те тоже давно переехали в другой район.

Девушка с рукой в гипсе закончила разговор, и Бенет опять набрала свой домашний номер. Ответа не было. Вообразить, что мать вышла прогуляться или поймала такси и поехала сюда в больницу, было невозможно. Бенет отмела подобные идеи сразу, как полный абсурд, но настолько ли хорошо она знала свою мать?

Уверена она была только в том, что та — непредсказуема. Однажды миссис Фентон обнаружила ее в ванной, в кроваво-красной воде, с порезами на запястьях.

Достаточно долго Бенет дозванивалась в лондонскую телефонную справочную и наконец получила домашний адрес Фентонов. Они или, по крайней мере, миссис Фентон проживали по прежнему адресу — Харперлейн, 55. Телефон был записан на имя Констанции Фентон, так что, вероятно, супруг ее скончался. Бенет набрала свой домашний номер и когда вновь не дождалась ответа, перезвонила миссис Фентон.

Откликнулся молодой женский голос.

— Это моя дочка, — пояснила Констанция Фентон, когда ей передали трубку. — Я пригласила свою дочь, зятя и внука пожить со мной, пока их дом не будет готов.

Констанция Фентон принадлежала к числу женщин, которые обладали чарующей способностью начинать беседу с вами так, будто вы в последний раз встречались и болтали о всяких разностях чуть ли не на днях, а не десять лет тому назад.

Бенет спросила ее осторожно, соблюдая тактичность, не находится ли у нее случайно ее мать или не давала ли она каким-либо образом о себе знать.

— Твоя мать? — это было произнесено с величайшим изумлением.

Так Бенет сразу же выяснила, что Мопсы там нет и не было.

Констанция Фентон выразила страстное желание узнать все о Мопсе. В Лондоне ли она? Когда она собирается навестить ее? Какой это

радостный сюрприз для Констанции, как она будет рада увидиться с Мопсой! С каким нетерпением будет ждать ее визита!

— Я уверена, что она свяжется с вами в ближайшее время, — поспешила заверить Бенет и повесила трубку. От волнения тошнота подступила к горлу. Мопса могла быть сейчас где угодно, представляя опасность для себя и для других.

Китайский мост был перекинут через канал и удобно сокращал путь с Уинтерсайд-роуд на другой берег, где протоптанная дорожка вела через зеленые лужайки в густонаселенный жилой район.

Барри сперва ломал себе голову, почему его назвали китайским, пока однажды не увидел изображение точно такого же моста на старой фарфоровой тарелке с трафаретным китайским рисунком в гостиной у Айрис.

Уинтерсайд-Даун представлял особый маленький мирок, где было все, что пожелаешь, и предостаточно того, от чего воротило нос. Все улицы были названы именами прежних деятелей лейбористской партии. Площадь в центре именовалась Бевин-сквер, и там разместились основные торговые точки, почтамт, парикмахерская, турецкие бани с массажем и удалением мозолей и бородавок.

Большинство населения составляли греки, ирландцы и выходцы из Вест-Индии, не обошлось и без индусов.

Весь район можно было считать сплошной новостройкой. Самым старым зданиям насчитывалось не более шести лет от роду, и, как во всех новостройках, многое здесь еще не устоялось. Сначала принялись строить квартал высотных домов, но потом, видимо, решив, что новоселы не стремятся жить в многоэтажных зданиях, воздвигли только один дом-башню, тем и ограничились. Эта единственная башня возвышалась посреди Уинтерсайд-Даун подобно громадному и нелепому маяку в окружении домишек-пигмеев, где люди охотно расселились.

Семья Изадорос была настолько многочисленной, что занимала два дома. Муниципальный совет разрешил накрыть общей кровлей два крыльца, соединить их коридором, так что стало возможно переходить из одного дома в другой, не высовывая носа наружу.

У Кэрол был в собственности маленький домик, втиснутый в ряд таких же домов, самых старых из построенных здесь. Если переходить канал по Китайскому мосту, направляясь к Уинтерсайд-роуд, то их фасады первыми открывались взгляду, и если Кэрол находилась дома, можно было видеть свет в ее окне.

Впрочем, Барри редко приходил домой позже Кэрол, но если такое случалось, или он думал, что она все-таки опередила его, он начинал искать глазами гостеприимный огонек, едва поднявшись на мост.

Ее дом был восьмым от того места, где пешеходная тропинка переходила в асфальтированную Саммерскилл-роуд. Он принимался считать — один, два... четыре... шесть... восемь, и если свет в окошке горел, счастье волной накрывало его и радостно колотилось сердце.

Обычно Барри являлся домой первым. Для него этот дом стал домом в последние шесть месяцев, но не просто помещением, которое он выбрал себе для жилья, а именно домом, потому что там обитала Кэрол. Когда она работала вечерами в баре, он шел не через Китайский мост, а избирал более длинный путь по Лордшип-авеню и по улицам, забитым машинами, чтобы как-то развеять тоску по Кэрол.

В дневное время за ее маленьким сыном Джейсоном иногда присматривала старуха Изадорос, иногда его бабушка Айрис или, реже, тетка Морин. Барри заглянул к Айрис по пути домой, но Джейсон уже уснул перед телевизором, и Айрис уложила его у себя. Мальчик мог бы переночевать здесь, почему бы и нет? Все равно утром он будет опять на попечении у Айрис.

К дому Барри подошел через Бевин-сквер. Он завернул в табачную лавочку, открытую до восьми, и купил пачку «Мальборо». Он раньше никогда не курил, но, проведя столько времени с Кэрол и ее семьей, он привык выкуривать пачку в день.

Площадь была вымощена розовой плиткой, украшена цветниками, обложенными невысоким кирпичным бордюром и абстрактной скульптурой, похожей на автомобильный кузов, побывавший под прессом. Запах цветов с клумб перебивался пряными ароматами из турецких бань.

Старшая девчонка Изадорос и мальчишка, которого Барри не знал, сидели рядышком на ограде цветника и угощались кебабами и чипсами из бумажных пакетиков.

Натриевые буро-желтые лампы на цементных фонарных столбах едва рассеивали темноту, и все освещенное пространство, казалось, было окрашено под цвет хаки.

У одного из парней, что крутились по площади вокруг статуи на своих мотоциклах, выделявая разные трюки, на голове был красно-желтый гребень, как у удода, другой покрасил шевелюру в ярко-синий цвет. Оба были облачены в черную кожу.

Эти мальчишки были ненамного моложе Барри, почти его ровесники, но он чувствовал себя неизмеримо взрослее их. Сблизившись с Кэрол и став в некотором смысле главой семьи, он совершил прыжок сразу лет на шесть вперед.

Фотография ее мужа в пластмассовой рамке, купленной в «Вулворте»,

стояла на полке в гостиной над электрическим камином. Это была единственная фотография в доме. Дэйв, незабвенный Дэйв. Он погиб, когда грузовик, который он вел, свалился в пропасть где-то в горах Югославии. Дэйв был высоким, худым мужчиной, голубоглазым, с типично ирландским подбородком и очертаниями рта.

Барри не очень походил на него, но оба они принадлежали к одному мужскому типу. Типу, который предпочитала Кэрол.

При первой же их встрече, завершившейся его приходом к ней в дом, Кэрол сказала ему, что он — ее тип мужчины, и показала фото Дэйва.

Барри вытирал пыль с фотографии. Он протирал немногие безделушки, украшавшие комнату, телефонный аппарат, заднюю стенку телевизора, затем вытаскивал на крыльцо и пылесосил ковер, который когда-то принадлежал Айрис, но по дурости, как сама Айрис говорила впоследствии, был за бесценок продан Кэрол. А ковер был хорош и точно покрывал весь пол в гостиной.

Барри поддерживал в доме чистоту ради Кэрол — самое малое, что он мог сделать для нее. Когда он стал жить у нее — и с ней, — то внес этот пункт в негласный договор об условиях его пребывания здесь, причем по собственной инициативе. От него это и ожидалось, раз он связывался с женщиной, имеющей троих детей и занятой на двух работах.

В уборке дома для Барри не было ничего унижающего его достоинство. Его мать, узнай она про это, посмеялась бы и обязательно бы сказала, что он взвалил на себя женскую работу.

Барри мог принять как должное, что его мать убирает, стирает, чистит и моет посуду, но только не женщина, с которой живет он. Почему она обязана этим заниматься? Она трудится не меньше его, и ее труд не менее тяжел.

Он убрал разбросанные вещи, заново перестелил постель, сменил простыни. Единственная приличная мебель была как раз в этой спальне, спальне Кэрол, а теперь, значит, и его тоже. В их общей спальне.

У буфета, который Дэйв смастерил своими руками, когда супруги только въехали сюда и дом был совсем новехонький, имелись зеркальные дверцы. В них отражалась кровать. Кэрол любила, приподнявшись, сидеть в кровати по утрам и смотреть на себя. Это доставляло ей почти детскую радость, а у Барри на сердце теплело, когда он глядел на ее отражение.

Барри сложил простыни и ворох пеленок Джейсона в тележку и повез в общественную прачечную на Бевин-сквер.

Синеволосый и Птичий Гребешок с присоединившейся к ним компанией по-прежнему болтались там, но теперь сгруппировались возле

старого американского авто — «студебеккера», припарковавшегося у въезда на площадь. Все его стекла были опущены, а внутри орало на полную мощность радио, оглушая округу «тяжелым роком».

Барри опять ощутил, как далеко он ушел от этих ребят, но не взгрустнул, а, наоборот, преисполнился гордости за свое положение взрослого, ответственного мужчины.

Он и Кэрол познакомились в прачечной, правда, не в этой. Стиральная машина его матери вышла из строя, и он понес пару своих джинсов в ближайшую прачечную.

Кэрол пришла туда же с двумя неподъемными сумками. У нее провели выходные старшие дети — Райан и Таня, а детский приют «На четырех ветрах» не очень-то жаловал, когда их питомцы возвращаются туда после праздников с кучей грязного белья.

Этих двух подростков Барри принял сначала за ее брата и сестру. Он подумал, что Кэрол его ровесница или даже чуть моложе. Нельзя было догадаться, что ей уже двадцать восемь лет.

Морин говорила, что у Кэрол лицо куколки, и это было правдой, но кукол так специально и изготавливают, чтобы они походили на красивых девочек. В этом как раз и заложена была идея, чтобы девочки мечтали о таких дочках, вечно остающихся красивыми и не меняющихся с возрастом.

У Кэрол было округлое лицо, а верхняя губка кокетливо приоткрывала ровные зубки. Кожа светилась, словно розоватый фарфор, а головку ее венчали золотые кудряшки. Они то свивались кольцами, то ниспадали на виски и на лоб волнистыми прядями и на ощупь казались шелковистыми. А голубые, как море при ясном солнце, глаза Кэрол, встретив его взгляд, тотчас заулыбались.

Барри часто потом вспоминал, что влюбился в нее сразу, еще до того, как она с ним заговорила. Первая фраза, ею произнесенная, была самой банальной. Кэрол спросила, не найдется ли у него мелочи, чтобы запустить еще и вторую ее машину. У него не нашлось — у кого в прачечной-автомате имелась в запасе лишняя мелочь? Но он дал ей дельный совет, где раздобыть монетки.

— Пошлите вашу сестренку в газетный киоск — тут рядом, через один дом отсюда. У них всегда водится мелочь.

Она пленительно посмотрела на него и слегка опустила свои темные пушистые ресницы.

— Лесть, знаете ли, далеко вас заведет.

Барри не понял, что она имела в виду, а когда Кэрол объяснила, в чем дело, он с трудом ей поверил. И еще он не мог поверить в свою удачу, что

ему выпало счастье встретить Кэрол, и он ей понравился.

Днем позже он уже навестил Кэрол дома и спросил, кто этот мужчина на фотографии, и она ответила:

— Вы чем-то похожи. Я всегда говорю — вот это мой тип мужчины.

Загрузив выстиранное белье обратно в тележку, Барри направился домой ждать ее.

И через полгода он с таким же волнением считал минуты до ее прихода, прислушивался, когда раздастся звук поворачиваемого в замке ключа. Так же? Нет, не так, а с гораздо большим чувством, чем поначалу.

Радостнее всего для него было возвращаться домой ночью, шагать по Китайскому мосту, на деревянном парапете которого он вставил среди чужих художеств и свое, начертанное краской из аэрозольного баллончика: «Барри любит Кэрол», считать домики и, наконец, увидеть свет в восьмом по счету. И убедиться, что она там, томится по нему, охваченная тем же страстным желанием, что и он, стремящийся к ней.

В половине двенадцатого ему показалось, что к дому подъехала машина, но, вероятно, он ослышался. Кэрол никогда не пользовалась такси, даже маршрутным микроавтобусом. Им это было не по средствам.

Значит, это просто совпадение, не более того, что через минуту-другую после шума, произведенного машиной, ключ Кэрол повернулся в замке. Барри в это время смотрел телевизор, но сразу выключил его, как только она вошла.

Она была слегка пьяна. А кто бы не хлебнул хоть чуть-чуть за шесть часов работы в баре? Ее щеки порозовели, голубые глаза искрились. Она прошла немного по комнате и приняла вызывающую позу, потом вскинула вверх руки и крутанулась на месте, взметнув вихрем сразу две юбки, из которых нижняя в черно-белую полоску зигзагом. Взгляду Барри открылись стройные ножки в красных туфельках.

— У тебя новое платье, — заметил Барри. — Откуда оно?

— Стянула, — со смехом призналась Кэрол и, толкнув Барри в кресло, устроилась у него на коленях. — Что скажешь на это?

Он растерянно пожал плечами.

— Миссис Флеймон отлучилась на ланч со своей мамочкой, так что я быстренько столковалась с Гувером, чтобы он повкалывал за меня, и мотнулась на автобусе в «Торговый рай». Там открылся новый бутик, на который я еще раньше положила глаз. Они позволяют брать только две вещи с собой в примерочную комнату. Девушка спросила, сколько я взяла, и я сказала, что две, а на самом деле прихватила три. Черное платье я напялила на ту вешалку, на которой уже было это, в полоску, и прихватила

плечики с блузкой. Я надела платье с зигзагами на себя, свой джемпер и юбку сверху, а примерять больше ничего не стала. Две вещи я им вернула, сказав, что они мне велики, а сама выплыла оттуда чинно, хотя думала, что лопну от смеха.

— Здорово придумано, — восхитился Барри, с обожанием глядя на Кэрол. — Только будет плохо, если ты попадешься.

Кэрол взъерошила ему волосы и потерлась носом о его нос.

— Я не попадусь. Я слишком осторожна. — Ее пальцы принялись массировать ему затылок — Деннис Гордон заглянул к Костасу. Он прямо-таки обалдел от моего платья. Захотел узнать, выступала ли я когда-нибудь в качестве модели. А что означает «модель»? — спросила я у него — в каком смысле это понимать?

— Ты не влюбилась ли в него, Кэрол? Или все-таки втюрилась? — высказался Барри не без иронии.

— Шутки прочь! Он парень что надо. Мне он пришелся по душе, если уж говорить по правде. Он — копия Дэйва. Он напомнил мне... ладно, скажу честно. В нем есть частица Дэйва, потому что он тоже водил тяжелые грузовики. А знаешь, что он ляпнул Костасу? Не угадаешь! Он заработал на турецких маршрутах достаточно, чтобы купить любой дом, и теперь может к чертям послать наш квартал. Как тебе эта новость?

— Рад, что ему повезло. Самое время ему убраться куда-нибудь подальше. Пусть оседет где угодно, хоть в своей чертовой Ирландии.

— Барри Махоун! Ты ревнуешь! — с торжеством заявила Кэрол.

— Мне не стыдно в этом признаться. Если бы я точно так же клеился к какой-нибудь девчонке, разве ты меня бы не ревновала?

Она приблизила губки к его уху и зашептала так, что у него внутри все защекотало.

— Раунд за тобой. Пошли в постель, любовь моя!

У него в голосе сразу проявилась хрипотца.

— Кто возражает? Только не я.

Поднимаясь по лестнице в спальню, Кэрол вспомнила про Джейсона.

— Ночует у твоей мамочки, — успокоил ее Барри.

— Вот и прекрасно.

Она расправила плечики в облегчении. Кружась по спальне, Кэрол постепенно стягивала с себя одежду, сначала свою, потом украденную.

Новое платье туго лезло через голову, и это дало ей повод задвигаться еще более эротично. Кэрол редко пользовалась бюстгальтером, ее упругие груди просто сводили с ума. Каждую из них увенчивал розовый нежный цветок, жаждущий прикосновения мужских губ.

— Когда ты выйдешь за меня замуж, Кэрол? — задавал неуместные вопросы Барри, снимая с нее крошечные черные трусики, обнажая до последнего предела теплое и нежное женское тело. — Или будешь все морочить мне голову?

Но всякий здравый смысл улетучился из головы Барри, когда они упали на свежепостланные простыни и переплелись телами.

Кэрол мимолетным и привычным движением руки выключила настольную лампу.

— Может быть, очень скоро, — дразнила она его. — Мне надо сообразить, посчитать на пальцах. Я ведь компьютером не владею. Но шансы у тебя есть — ты милый и, ко всему прочему, еще и настоящий жеребец.

— Ты любишь меня?

— А разве я сказала, что нет?

У Барри была куча девчонок до встречи с Кэрол, но он мог честно сказать, что до нее никого не любил. И даже не занимался любовью по-настоящему. Все в прошлом было совсем другое, и он не предполагал, что ему может быть так хорошо с женщиной.

Его даже пугало, когда он осознавал, что полностью растворяется в страсти и уже принадлежит не самому себе, а тому существу, которое отдается ему, выгибается в его объятиях или устраивает в постели настоящий цирк

Он овладевал Кэрол — так казалось со стороны, а в действительности, наоборот, приобрел таинственный статус, чему нет названия. Раньше он пробовал наркотики и испытывал их воздействие в кровати со случайными подругами, но Кэрол одурманивала его без всяких наркотиков.

Барри начал думать, что нечто мистическое связало их, самой судьбой предначертано, что рожденный ею от другого ребенок стал его родным, и чувство отцовской ответственности росло в нем.

Когда наконец они оба исчерпали себя и утомились от ласк, Кэрол властно взяла его руку и поместила меж упругих теплых грудей. Это был знак, что он — ее мужчина, что она хочет спать с ним, и это вознесло Барри на вершину счастья. И они оба уснули — усталые и счастливые.

Так и не дозвонившись Мопсе, Бенет возвратилась в палату Джеймса и увидела там Иэна Рейборна. Он опять был без белого халата, не желая нервировать маленького пациента медицинской одеждой. Он прижимал стетоскоп к судорожно вздымающейся крохотной груди.

— По всем признакам, у него вторичный рецидив, — сказал он, освобождаясь из-под серебряного полога шатра с ингалятором. — Антибиотики не воздействуют на инфекцию. Мне жаль вас огорчать, но вам придется смириться с тем, что мы должны по-прежнему держать мальчика здесь.

Бенет приняла этот удар достойно. Она была к нему уже готова. Только ноги ослабли, в голове помутилось, и Бенет поднесла руку ко лбу.

— Вы слишком обеспокоены. Причин для этого нет. Постарайтесь это понять, — участливо заговорил доктор.

— О, нет, проблема не в мальчике, хотя и в нем тоже. Я знаю, что он в надежных руках. Но моя мать... Она сейчас живет со мной, и у нее не все в порядке с головой. И ее нельзя оставлять одну без присмотра.

Сказать это вслух постороннему человеку, хоть и врачу, со стороны Бенет было рискованно. Ведь она сама дала матери свободу, и где теперь Мопса?

С робостью поглядела она на молодого врача и увидела в его глазах понимание. Он — доктор, пусть и не психиатр, но сразу воспринял ситуацию серьезно.

— А вы не могли бы кого-то найти, кто присмотрел бы за вашей матерью? Слишком много проблем сразу для вас одной.

— Пока я держусь, но, боюсь, скоро свихнусь тоже, — честно призналась Бенет и начала думать, на кого бы она могла скинуть груз. Фентоны? Можно опять позвонить Констанции и попросить ее опекать Мопсу день-другой. Но это означало бы открыто признать, что Мопса не в себе. Трудно предугадать, какую реакцию вызовет эта новость. Скорее всего, они постараются в вежливой форме отказать.

Но к чему даже обдумывать какие-то варианты, когда она вообще не знает, где находится Мопса?

Бенет молчала, а Иэн Рейборн смотрел на нее, и этот взгляд отличался от того, каким врач смотрит на обычную пациентку. В нем не было покровительственного сочувствия и присущего медикам, хоть и всегда

скрываемого, превосходства лекаря перед больным. Она ощутила, что вызвала в нем интерес как женщина.

Ни один мужчина не глядел на нее так за последние два с половиной года. Не было такого случая или желания с ее стороны привлечь к себе внимание мужчины.

Он был весьма обаятелен, и в нем угадывалась незаурядная личность. Впервые Бенет заметила это и еще то, что он высок, худощав, на лице его проступают едва видимые веснушки и волосы у него рыжеватого оттенка.

Она ждала, когда он первым нарушит молчание, его первой фразы.

— Вы та самая Бенет Арчдэйл? Я не ошибся?

Предположим, что нет. Я та самая...

Вот и все. Радужному мыльному пузырю достаточно было секунды, чтобы лопнуть. Так вот на чем строился его интерес. Она едва не рассмеялась.

— Мне очень понравилась ваша книга. Конечно, это стало уже плохим клише, когда читатель признается автору, что он вообще редко берет за чтение за недостатком времени. Но я выкроил время и проглотил ваш роман столь быстро, что, надеюсь, мои пациенты не почувствовали себя обделенными.

Сказанное им настолько согрело ее душу, что на какой-то короткий миг забылись все горести по поводу Джеймса и Мопсы. Она обрадовалась точно так же, как когда-то, прочитав в газете первую положительную рецензию. Бенет преисполнилась благодарности за этот искренний отзыв.

Как же она была глупа и насколько пошло разыграла в ней похотливая женская натура, что она предпочла поначалу заподозрить в нем сексуальное влечение — интерес к ее жалкому телу, а не к плоду ее интеллекта.

— Откуда у вас такое познание Индии?

— Я провела там шесть месяцев вместе с отцом Джеймса. Он собирался писать серию очерков об индийских мистических тайнах.

Она начала было рассказывать Иэну об их странствованиях и поисках мест рождения богов, о сорока тысячах миль, пройденных фактически пешком...

Его позвала медсестра, и он поспешил возвратиться к своим обязанностям. Возобновится ли их разговор? Тут только Бенет очнулась и поняла, как далеко ушла от своих собственных проблем. Она даже забыла спросить его, можно ли ей хоть на час покинуть больницу, чтобы поискать Мопсу.

Но теперь такой вопрос даже не вставал. Невозможно было оставить Джеймса. Он лежал на спине на своей кровати, апатичный ко всему,

прижимая к себе тигренка, как единственный предмет, связывающий его с окружающим миром.

Глаза его были раскрыты, даже распахнуты навстречу свету, но в них было только страдание. Он смотрел вверх в потолок, не моргая и не видя ничего перед собой. Лишь воздух ему был нужен, но он ловил его — влажный, теплый, пропитанный лекарствами из ингалятора — все с большими усилиями и хрипом в легких.

Вчера в это же время он был способен в игровой комнате играть с машинками, рисовать что-то мелками на доске.

Бенет сказали, что у Джеймса вирусная инфекция. Против этого вируса есть противовирусное, но оно совсем новое и используется только в экстремальных случаях. Возможно, пройдет не менее полутора суток, прежде чем оно окажет воздействие на Джеймса.

А пока он взбунтовался и громко потребовал возвращения домой. Бенет легла рядом с ним, надеясь, что ее близость облегчит страдания сына.

Разумеется, неправильно было держать его на открытом воздухе. Чем больше времени он проведет — пусть даже насильно — в ингаляторной палатке, тем выше шансы на скорейшее выздоровление.

А он должен поправиться, и как можно скорее, встать с постели и играть в детской комнате хотя бы завтра, чтобы кончилось ее больничное, почти тюремное заключение. Тогда она обретет возможность заняться Мопсой.

Сейчас вся ответственность за безумную, неуправляемую мать лежала на ней. Она предавалась грустным мечтам, что подростком Джеймс поймет проблемы, связанные с его бабушкой. Она сумеет внушить ему, что он обязан помогать матери в таком сложном деле.

Но до этого пройдут еще годы и годы, и будет ли жива Мопса, когда Джеймс достаточно повзрослеет?

А сейчас? Где Мопса, и жива ли она?

Мальчик опять впал в сон, и Бенет осторожно поместила его обратно в палатку, застегнула «молнию» и села рядом на стульчик, слушая его тяжелое дыхание, и невольно сама с жадностью заполняла легкие.

Борьба малыша за каждый глоток воздуха причиняла ей почти физическую боль. Но все-таки он спал, испаритель заполнял палатку паром, и противовирусное средство, вероятно, начало действовать.

Она опять вернулась в коридор к телефону.

У аппарата стояла молодая женщина с ребенком на руках и явно не собиралась скоро заканчивать разговор.

Бенет прошла в игровую комнату, куда была открыта дверь, и присела

на стульчик для пятилетних ребятишек, один из расставленных вокруг большого стола.

Здесь была собрана настоящая сокровищница игрушек для ребят разного возраста — и кукольный домик, который можно было достраивать, и конструкторы, и мягкие зверушки, и клетка с двумя щеглами, и множество плакатов, рисунков и коллажей на стенах.

Грубо нарисованное изображение ведьмы на метле напомнило Бенет о Мопсе, хотя сейчас вспоминать о матери ей вовсе не хотелось. На нитках болтались куколки, паяцы и черти, вырезанные из бумаги с подклеенными рожками из обломанных спичек

На внутренней стороне двери дюжина ребятишек написали — или кто-то написал за них — свои имена под общим заголовком: «Нам удалили миндалины». Во всей этой пестроте доминировал причудливый коллаж, задуманный ребенком, несомненно, талантливым, обладающим странным видением мира. Его творение, выполненное на листе плотной бумаги, накрепко приколотом кнопками, занимало половину стены просторной комнаты.

Бенет в первый же день, увидев его, мгновенно придумала ему название — «Руки дерева». Этот образец детского творчества вызвал у нее на лице улыбку, но сейчас она усмотрела в нем потаенный и зловещий смысл.

Сам великий Дали мог воплотить в подобном произведении свои ночные кошмары. На белом листе было нарисовано громадное дерево с прямым коричневым стволом с могучими сучьями, ветвями и веточками, но по всему дереву, на ветках, на стволе и в укромных местах, покрытых лишайником, торчали наросты в виде рук, сделанные из мятой, словно изжеванной бумаги. Все они были одинакового размера и созданы по одному шаблону — рука с открытой ладонью и слегка разведенными пальцами. Должно быть, детям разрешалось украшать их по-разному, в соответствии со своими вкусами.

На некоторых руках были перчатки, на других — татуировки, кто-то сделал им маникюр, а на пальцы надел кольца. Кто-то соригинальничал и обработал один отросток так, что он стал походить на костлявую руку скелета.

И вот теперь Бенет показалось, что все эти руки тянутся вверх в молчаливом, но бессильном протесте, даже, скорее всего, в мольбе о пощаде. Они высывались, вырастали из дерева, которое держало их в жестоком плену, подвергая пыткам, в надежде даже не на свободу, а хотя бы на облегчение страданий или на забвение, даруемое смертью.

Это было ужасно — это было воплощением безумия. Изощренный мозг садиста способен был на такое, но как подобное могли поместить в игровой комнате разумные врачи?

Коллаж обладал к тому же гипнотической силой. Бенет потянуло к нему. Она приблизилась почти вплотную и стала рассматривать коллаж детально, против своей воли, подавляя нарастающее отвращение.

К счастью, тревожный сигнал вовремя прозвучал в ее мозгу. Она смогла оторваться от зрелища и поспешить в коридор к уже освободившемуся телефону.

Повторяющиеся бесконечно длинные гудки навели Бенет на мысль, что Мопса просто решила вообще не подходить к телефону. Чем мотивирована такая идея — трудно было сказать, но в том и состояла загадка безумной Мопсы. Но даже сумасшедший не выдержит и возьмет трубку, если звонки будут продолжаться достаточно долго.

Бенет, напрягая нервы, насчитала сорок, потом пятьдесят длинных гудков. Дальше ждать абсурдно.

Лучшее, что могло случиться с Мопсой, — это то, что на нее повлияла смена обстановки, открылись новые возможности распоряжаться собой, а не находиться под жестким контролем. И она вздумала побродяжничать.

Глядя в окно на гонимые по небу холодным ветром облака, Бенет робко понадеялась, что свою эскападу Мопса хотя бы совершает не в ночной рубашке.

Но это был бы самый благополучный вариант. Напрашивались и другие. Перебрав снотворного и запив его остатками бренди, Мопса решила принять ванну или забаррикадировалась в одной из комнат с канистрой керосина и спичками.

Слава богу, в доме не хранилось ни керосина, ни запаса спичек

Если Бенет обратится в полицию, они потребуют, чтобы она явилась в участок и заполнила положенную форму. Конечно, она может попросить их подъехать в больницу, сделать заявление здесь, отдать им ключи от дома. Но что они предпримут? И согласятся ли они ей помочь?

Она терзалась сомнениями и выбрала тактику выжидания.

Как только мистер Дрю, ведущий отоларинголог больницы, осмотрит Джеймса, она тут же снова устремится к телефону и позвонит в полицию.

Мистер Дрю появился в два часа дня, сопровождаемый Иэном Рейборном и еще парой медиков, составляющих его свиту. Мистер Дрю был полноватым коротышкой в очках с золотой оправой, облаченный в коричневый твидовый костюм.

Джеймс тут же расплакался при виде белых халатов на ординаторах,

которые, в отличие от врачей, обязаны были носить их постоянно в пределах больницы. Заплакав, он начал задыхаться.

Мистер Дрю принадлежал к той старой школе врачей, которые предпочитали не сообщать пациентам и даже их ближайшим родственникам, насколько опасна болезнь. Если доктора сами были бессильны помочь, то забивали головы жаждущих сведений близких словесной псевдонаучной шелухой или обращались к ним, как к каким-то безграмотным крестьянам, явившимся сюда из последней затерявшейся в Британии захолустной дыры.

Он ничего не сказал Бенет, перебрался с Иэном Рейборном несколькими фразами на тарабарском языке, похожим на смесь древнегреческого с латинским, и удалился в сопровождении своей свиты.

Джеймс засуетился, вскинул ручки, чтобы его подняли с кровати, но медсестра приказала ему оставаться внутри палатки.

Горячий румянец исчез с его щечек, и он снова побледнел. Сестра померила ему пульс, и Бенет заинтересовалась, каков он.

Еще не появилась на свет медсестра, которая согласилась бы ответить прямо на вопрос матери маленького пациента.

Взамен Бенет услышала невнятную фразу, обращенную к Джеймсу.

— Тебе не очень хорошо, малыш. Держись, маленький.

И на том спасибо.

Снова они остались одни — мать и сын. Бенет все-таки решилась просунуть руку под тугую полог и коснуться Джеймса.

Ее жест никак не воздействовал на него. Ей показалось, что он даже страдает от ее прикосновения. Вся его энергия, все жизненные силы тратились на то, чтобы дышать. Как можно покинуть его в эти минуты? Бежать в коридор к телефону набирать номер полиции?

Если Мопса гуляет в полубессознательном состоянии по Лондону, то ее скоро обнаружат; если мертва — значит, мертва, и уже поздно предпринимать какие-то меры.

Бенет сама принялась считать пульс на тоненьком запястье Джеймса, поглядывая на наручные часики. Сто... Сто десять... Сто двадцать... Сто сорок... Сто шестьдесят... Сто восемьдесят!

Такого не может быть! Она, должно быть, в волнении неправильно считала. Его лоб был прохладным и сухим, температура явно нормальной. Раз так, то, значит, он уже на пути к выздоровлению. Первая инфекция была быстро подавлена, а сейчас малыш успешно борется со второй.

Если бы дыхание его не было таким устрашающим! Она не слышала никогда раньше, чтобы человек так боролся за каждый глоточек воздуха.

Дверь в палату отворилась. Все та же процессия, возглавляемая мистером Дрю, явилась ее взору.

— Ну, как наш Джеймс? А вы его мать? Я собираюсь сделать Джеймсу маленькую операцию, чтобы он смог вздохнуть свободно.

Бенет встала, и тут же у нее возникло ощущение, будто ей в рот вложили тяжелый камень, и она с трудом проглатывает его.

— Операция?

— Ничего серьезного. Только чтобы облегчить дыхание. В течение нескольких дней он будет дышать через отверстие в горле, а не через рот и нос.

Камень прошел ее тело, оцарапав все внутри, оставив за собой словно выжженную сухую пустыню.

— Вы имеете в виду трахеотомию?

Мистер Дрю посмотрел на нее с изумлением, словно обнаружил у безмозглой птички какие-то знания в медицине, да еще произносимые на почти человеческом языке.

За него ответил Иэн Рейборн.

— Да, это будет трахеотомия. Гортань у ребенка такого возраста очень узкая — около четырех миллиметров диаметром. Если с обеих сторон она сужена опухолью по полтора миллиметра, то остается лишь канал в миллиметр, через который проникает воздух. А сейчас для Джеймса существует угроза утратить и этот единственный канал, и надо срочно обеспечить возможность доступа воздуха в легкие.

К Бенет подошла сестра с бланком, на котором она должна была дать согласие на операцию.

Рука Бенет дрожала, подпись получилась нечеткой.

— Мистер Дрю — опытный хирург, — заверил ее Иэн Рейборн. — Только неделю назад он спас при помощи трахеотомии ребенка, больного дифтеритом. Так что у мистера Дрю имеется достаточно практики.

— Я могу присутствовать при операции?

— Джеймс будет под наркозом. Он не узнает, были вы рядом или нет. А вот ваша реакция... Мистер Дрю не хотел бы получить на руки сразу двух пациентов.

Она мгновенно поняла, что Иэн Рейборн имел в виду.

— Вы думаете, мне станет плохо? Что я упаду в обморок? Возможно... Когда режут горло родному ребенку... — Она попыталась изобразить на лице улыбку. — Вы опасаетесь за меня. Что ж это правильно.

— Вы будете поблизости, — сказал Иэн и пожал ей руку. — Это не займет много времени.

Сестра расстегнула «молнию» палатки и подняла Джеймса с его ложа.

Бенет потянулась было к сыну, собираясь сказать, что она сама отнесет его в операционную, но тут, толкнув дверь ногой, в палату вошла Мопса.

При взгляде на нее Бенет буквально парализовало. Мопса выглядела такой обворожительной и счастливой и словно бы помолодела на десяток лет. Голову ее, наподобие чалмы, обвивал розовый шарф, а на плечи было наброшено пальто вызывающе алого цвета.

— Я пыталась до тебя дозвониться, — произнесла Бенет дрожащими губами. — Я звонила тебе часами...

— Неужели? Я слышала, что телефон дребезжит, когда проснулась в первый раз, потом подумала, что вряд ли это ты. Уж слишком ты занята своим малышом, чтобы еще беспокоиться и обо мне. Тогда я решила поискать твои запасные ключи, подъехать сюда, взять твою машину и попрактиковаться в вождении. Что и сделала. Этим я занималась все утро. Теперь мне никто не посмеет бросить в лицо, что я неопытный водитель. Ко мне вернулись все мои прежние навыки.

Бенет молчала. Это был самый простой и самый лучший вариант поведения с Мопсой. Контролировать себя, не выплескивать свой гнев и даже стараться изобразить на губах нечто вроде улыбки.

Во рту у Бенет была сушь, череп раскалывался от головной боли, в глазах мутилось. Джеймс, бледный до прозрачной голубизны, дышал все чаще и судорожнее. Каждое мгновение ему требовалась новая порция воздуха. На какую-то секунду перед ней возникло страшное видение — крохотный узкий проход, не толще вязальной спицы, через который воздух поступает в легкие Джеймса, питает кислородом его мозг и сердечко, поддерживает в нем жизнь. Она усилием воли отогнала это видение, но издала сдавленный стон, услышанный даже Мопсой.

Они все отправились в операционную. Мопса тоже втиснулась в кабину лифта.

— Круп? Ему будут делать операцию из-за круп? Что за бред! — болтала она, не умолкая. — Осторожней, Бенет. По-моему, тебе вешают лапшу на уши. Кто лечит круп хирургическим ножом?

Иэн Рейборн оборвал ее не грубо, но резко.

— Опухоль в горле задушит мальчика вернее петли на шее.

Еще ни разу Бенет не замечала, чтобы он выражался с такой прямоотой и чтобы такая суровость была в его тоне. Разозлила ли его Мопса? Или причиной его резкости была тревога за пациента?

Двойные двери лифта растворились. Иэн вышел первым, за ним медсестра с Джеймсом на руках.

Доктор Дрю, поднявшийся раньше, ждал их на этаже.

Бенет терялась — стоит ли ей настаивать на своем присутствии в операционной? Сейчас анестезиолог будет усыплять Джеймса, и сынишка все равно не ощутит близость матери возле себя.

К операционной прилегала комната, нечто вроде убогой гостиной, похожей на все подобные казенные помещения, не предназначенные для комфорта: жесткие прямые стулья и набор журналов, которые вряд ли кто-либо собирался перелистывать. Расположенная четырьмя этажами выше детского отделения, эта комната возносилась почти в небо. Из ее окон видны были верхушки шпилей старого здания, крыши домов вплоть до Хэмпстеда.

И пейзаж был такой зеленый, прекрасный, живой, что Бенет невольно спряталась от него под опущенными веками. Слишком ласковое было солнце снаружи, перебивающее искусственный свет в здании.

— С ним все будет в порядке? — вторглась в ее мысли Мопса. — Ему ничего не грозит?

Бенет держалась на последнем пределе, чтобы не упасть в обморок. Но с безумной матерью следовало вести себя осторожно. «Я не должна ее ненавидеть!» — твердила она себе как заклинание.

— Насколько я знаю, это рутинная процедура. Тебе известно об этом не меньше, чем мне.

— Сестре миссис Фентон делали подобную операцию. У нее был рак горла, и представь себе, она жива до сих пор.

«Молчи, только не отвечай ей, эгоистичной идиотке!»

— Твой отец звонил, когда ты была здесь, в больнице. Он очень обеспокоен тем, что ты оставила меня одну. Он несколько раз звонил из Испании, а это недешево. Я не сказала ему про Джеймса. Решила, что не стоит тратить время международных переговоров на пустяки.

Бесполезно что-либо втолковать ей, и тем более посвящать Мопсу в серьезность ситуации.

Бенет закрылась от ее светящегося пустым бессмысленным светом взгляда, распахнув на первой попавшейся странице журнал и уткнувшись в какой-то плотно набранный текст без иллюстраций. Ей вспомнились «Руки дерева» — все руки, рвущиеся из оков, вызывающие о милосердии.

Двери в комнату ожидания автоматически раздвинулись, и внутрь шагнул Иэн Рейборн. Бенет одним движением преодолела расстояние, разделявшее их, все еще сжимая в руке раскрытый нелепый журнал, и тут же почувствовала, как ее ногти впиваются в тонкую дешевую бумагу.

Лицо доктора было серым и безжизненным, как и у Джеймса, когда

мальчика вносили в операционную.

То, что он сообщил ей, хрипло и отрывисто, — что ему очень жаль, что это великое несчастье, что все меры были приняты — Бенет уже не слышала...

Она уже оказалась на полу в глубоком обмороке, и невыносимое известие, что Джеймс умер во время операции, не дошло до ее ушей.

Два раза в месяц по субботам Кэрол позволялось забирать Райана и Таню домой, и иногда они оставались ночевать у матери. Для Барри стало приятной обязанностью заходить за детьми в приют «На четырех ветрах» в Александр-парк, где его уже ожидали с радостью. Кэрол предпочитала поваляться подольше в постели субботним утром.

Она не была лежебокой, и каждое утро неизменно принимала душ, но по субботам она совершала особый ритуал, просыпаясь поздно, наполняя ванну дорогой пеной с запахом авокадо, нежилась в ней, сколько душа захочет, потом заворачивалась в полотенце, долго возилась со своими волосами, а в финале тщательно красила ногти.

На теле Кэрол не осталось никаких следов от того, что она рожала трижды. Это было гладкое, упругое, гибкое — одним словом, соблазнительное тело.

Единственный телесный изъян, если и был у Кэрол, так это причудливый по форме, еле заметный шрам на спине чуть ниже левой лопатки. Она не стала скрывать от Барри его происхождение.

— Папаша оставил мне его на память, когда я чуть подросла и перестала держать язык за зубами. Он привык хлестать нас ремнем со своей любимой тяжелой пряжкой — меня и Морин. Я ничуть не возражала — задница для того и существует, чтобы испытывать боль. А мы заслуживали наказание, потому что раздражали и дразнили его, как девочки, взрослого мужчину. Но в тот раз он просто взбесился, был пьян и попал мимо цели.

Барри потрясло это ужасное открытие. Его тоже однажды выпорол отец, когда возник серьезный конфликт с семейкой, но он был мальчишкой, а не десятилетней девочкой, как Кэрол, и бил его папаша ремнем, а не утяжеленной пряжкой с шипами, сродни кастету.

Ему нравилось подпоясывать джинсы крепким широким ремнем с массивной пряжкой, но он тотчас сменил ремень, услышав рассказ Кэрол. И стал любить Кэрол еще больше за ее великодушие, за умение прощать.

Правда, с ее заявлением, что всех детей надо крепко наказывать, Барри был не согласен. Вернее, он просто не понимал, зачем нужна такая жестокость больших сильных людей в отношении маленьких и слабых. Что он мог признать с некоторой горечью, так это то, что Кэрол не была особо привязана к своим детям.

Так уж получилось, и природа тут ошиблась, что она родила троих. Иногда Барри задумывался, не прибавить ли к троице еще четвертого — своего собственного, но предложить это Кэрол не осмеливался, пока она не даст согласия на их брак.

Изадорос держали у себя Джейсона все выходные, и, возможно, оставят его и на понедельник. Младшая из семейства, Бетти, была примерно одного возраста с Барри. Толстенькая, с бледной кожей и жидкими рыжими волосами, она была чистокровной ирландкой из графства Майо; а ее супруг прибыл с Ямайки, и они совместно произвели на свет семерых детей, забавно разнящихся по цвету кожи. Поскольку их дома общались и места было достаточно, Бетти организовала некое подобие семейного детского сада, и старшие девочки помогали ей в свободное от школы время.

Бетти не зарегистрировали в муниципальном совете как воспитательницу, не выдали никакой бумаги с печатью на право ухаживать за детьми, но в этом как раз и было ее преимущество. На нее не возлагали столько ответственности и не так строго контролировали и не донимали придирками, как бедняжек решивших получать за свой труд вознаграждение из скудного районного бюджета.

Барри всегда казалось, что эти два соединенных дома походят на детское царство, перенаселенное маленькими крикливыми созданиями. Ему казалось, что их два или три десятка, хотя все-таки мелюзги было поменьше, но она, беспрестанно мелькая на глазах, имела свойство удваиваться в числе.

Он платил два фунта за два дня. На его взгляд, многовато, но Кэрол сказала, что дешевле нигде не берут.

Карина, Стефани и Натан Изадорос смотрели по видео «Техасскую резню бензопилой». Барри брезговал кровавыми побоищами и смотреть фильм не стал. Там был еще светловолосый малыш, привязанный к детскому креслицу на колесиках, который со вскриками ужаса упорно отворачивал головку при виде очередного изуродованного трупа. Но троицу, усевшуюся перед экраном, это никак не отвлекало от зрелища.

В доме Изадорос всегда присутствовал специфический запах — смесь ароматов детских пеленок, горячего какао и душистого перца.

Барри отыскал в лабиринте комнат Таню и Райана и отвел их обратно на Саммерскилл-роуд. К тому времени Кэрол была уже готова и при параде — в обтягивающих вельветовых брючках, подаренных миссис Флеймон, и белоснежном свитерке из тонкой шерсти, одного прикосновения к которому лишало мужчину воли, и он уже не мог остановиться, чтобы не ощупать скрытую под ним фигурку. Лицо она подкрасила так умело, что оно

загадочно светилось, но то, что это был макияж, никому бы не пришло в голову. Довершали кукольный образ Кэрол локоны, беспорядочные, хаотичные до предела и будто сплетенные из мягких золотых нитей.

Барри знал наверняка, что она их не красит. Это золото — натуральное, и ювелир смело поставил бы на них высшую пробу.

Их совместная вылазка в свет началась с посещения магазинов на Brent-cross, потом было съедено с аппетитом по гамбургеру в «Макдоналдсе», а финал пришелся на кино с попкорном и кока-колой, на фильме в стиле фэнтези. Барри все это аккуратно распланировал. До того, как они начали жить вместе, Кэрол жаловалась, что дети не позволяют ей вкусить радости жизни, и он тогда взял часть забот о них на себя. Он считал, что дети любят его, и ему уже грезилось, что так оно и получилось.

Ожидая на остановке обратного автобуса, Барри тешил себя надеждой, что люди вокруг принимают их с Кэрол за супружескую пару, что он — отец этих симпатичных детишек. Он был еще слишком молод, чтобы окружающие поверили в его отцовский статус.

Кэрол поймала взглядом свое отражение в витрине, улыбнулась насмешливо по поводу наивности Барри и скорчила недовольную гримасу, когда Райан, балуясь, дотянулся чуть ли не до его плеча, меряясь с ним ростом. Она обратилась к Барри достаточно громко, чтобы ближайшие в очереди люди услышали.

— Где были мои мозги, когда я, такой молодой, запустила этот конвейер? Ты представляешь, что еще до сорока лет я стану бабушкой с кучей внуков.

Барри засмеялся, потому что это показалось ему забавной шуткой. Красотка Кэрол в окружении внучат — нельзя вообразить картинки смешнее.

Он обхватил ее сильными руками, слегка приподнял и обцеловал все, что было доступно губам и не спрятано под одеждой, прямо на улице, на глазах у публики и внимательно наблюдавших за этим процессом детишек.

На следующий день им снова надо было возвращаться в приют «На четырех ветрах». Таня протестовала, как могла. Ей там не нравилось. Она обвивала тугой петлей шею Кэрол, вопила изо всей мочи, лягалась и иногда прилипала к ней, подобно ракушке к скале, за что вознаграждалась оставлением дома. Барри силился понять — правда, не очень успешно — почему детей надо отдавать в чужие руки, если им так хорошо дома со своей мамочкой.

— Можно обратиться в местный совет с просьбой взять твоих детей

под опеку, — объяснила однажды ему Кэрол. — И это не значит, что их заберут у тебя. Но я как-то не сообразила, что можно все оформить другим способом. Я была не в себе после гибели Дэйва и ляпнула в своем заявлении первое, что пришло в голову.

Спустя почти два года после смерти Дэйва родился Джейсон. Барри не особенно лез к Кэрол с расспросами. Он не хотел знать, кто сделал ей ребенка, предпочитая оставаться в неведении. Он даже пробовал внушить себе, что Джейсон тоже рожден от Дэйва. Только как-то раз, когда Кэрол, всплыв, обозвала малыша никчемным ублюдком, Айрис вмешалась:

— Ты не имеешь права обзывать его так, Кэрол. Одно дело, если бы ты решилась, и он не появился на свет. А раз он родился, значит, он твой, и никуда ты от него не денешься.

Когда они наконец поженятся — мечтал Барри — то смогут обратиться с прошением взять детей из-под опеки. Кэрол тогда пошлет к черту свою работу или хотя бы одну из них, ту, что меньше всего нравилась Барри, — в винном баре. У него были свои амбиции и руки, способные к работе. За его труд в мебельной мастерской ему очень даже неплохо платили. Барри работал на пару с хорошим плотником, надежным парнем, и они собирались открыть собственное дело, выкупив захудалое помещение. А руки, вкус и мастерство его бы не подвели. Он мог заработать на их переезд из этого убогого района в более приличное место.

Иногда Барри снился собственный домик, не очень уж большой, но где было достаточно пространства, чтобы ребятишки порезвились. Эти сны отличались от пустых грез своей реалистичностью. Все в них было материально, и их будущий дом, и обстановка, которую он словно бы ощупывал кончиками пальцев. Он ясно представлял комнату, где они все соберутся вокруг стола на рождественский ужин, радостно возбужденные, в самодельных шляпах из цветной бумаги, и будут хохотать до упаду, а Кэрол в светло-голубом платье займет почетное место, держа на коленях новорожденного младенца.

Барри знал, что его дальнейший жизненный путь не будет усыпан одними только розами. Да и шипы роз колются больно.

Во-первых, дети... Их трое, и они — не его дети. И никогда не будут именно его детьми. А это далеко не пустяк, которым можно пренебречь.

И был еще Дэйв, он присутствовал здесь постоянно, глядя на все происходящее из своей пластиковой рамочки со снисходительной улыбкой.

А в-третьих, Кэрол хоть и выглядела семнадцатилетней, но таковой не была. Барри и ее разделяли восемь прожитых лет и накопленный ею за эти годы опыт и скептицизм.

И была еще одна вещь, которая не давала Барри покоя, но мысль о ней он старательно загонял внутрь.

Он был мягким, добрым человеком, пожалуй, чересчур мягким. Он не выносил, когда ребенка обижали, а тем более делали ему больно. Конечно, бывают случаи, когда шалости заходят слишком далеко, но никогда нельзя поднимать руку на детей, наносить удары изо всей силы, способные причинить не только боль, но и увечье.

И когда однажды Кэрол стукнула сжатым кулаком в крохотное личико дочери и продолжала колотить ее, уворачивающуюся и громко плачущую, длинной, сильной рукой, кровь затмила Барри глаза. Он оттолкнул Кэрол и стал бороться с ней, находя в этой физической расправе облегчение от охватившей его ярости.

Он не проявил особой жестокости, не впал в раж. Он только схватил Кэрол за руку, оттаскивая от ребенка, но она тоже была сильной, молодой и ловкой, и, почувствовав, что ему нелегко справиться с ней, Барри нанес ей хлесткий удар по лицу.

Его удивила и встревожила ее реакция. Кэрол прекратила истошно орать на дочь, смолкла, и это было хорошо. Но на самом деле ничего хорошего не вышло. Сначала она съежилась в испуге, но не поднесла руку к лицу, защищаясь, как это обычно делают женщины. Для него явилось открытием — хотя поклясться в этом он не мог, и откуда пришло это ему в голову, он тоже не знал — что Кэрол ждет от него следующего удара, что она не против побоев.

Она, такая изящная, стояла перед ним, выпрямившись, выставив вперед свои округлые прелести и не обороняясь, легко уязвимая для физического насилия, разведя руки, словно ожидая, что мужчина поддастся соблазну схватиться с ней в рукопашную, шумно дыша, раскрыв губы и покрывшись потом от вожделения.

Конечно, Барри не позволил бы себе ударить ее еще раз. Он промямлил, что извиняется, что любит ее и никогда больше не поднимет на нее руку. Объяснил, что был вынужден так поступить, чтобы она восстановила контроль над собой.

— Неважно. Пусть будет так. Мне плевать, — сказала она и посмотрела на него как-то странно — одновременно и с робкой покорностью, и с какой-то провокацией, неизвестно на что.

В ту ночь, когда они занялись любовью, Кэрол старалась, чтобы он сделал ей больно и даже, хватая его руку, била ею себя. Еще раньше Барри обнаружил ее склонность возбуждаться не от обычных ласк, а совершать неожиданные в моменты страсти поступки — погружать свои острые зубки

в его самые незащищенные чувствительные места, впиваться ногтями в кожу, вспрыгивать вдруг с кровати, прижиматься к стенке, отталкивать его, когда он приближался к ней, шипеть на него, как змея, высовывая острый язычок, как жало. Она должна была все это ему объяснить, потому что он многого не понимал.

— Ударь меня, любимый! Избей изо всех сил, до потери сознания.

Барри был на это неспособен. Он заставлял себя легонько шлепать ее по лицу, хватать за плечи, сильнее сдвливать их пальцами. Но это было не то, чего она желала. Ей нужна была боль, она хотела боли и побоев. Зачем?

Что это ей давало, ее изящному телу? Ее бодрой жизнерадостной душе?

Можно было подумать, что Кэрол приучилась к страданиям из-за жестокого обращения с ней в детстве со стороны отца.

Барри удовлетворял ее просьбы. Он бил ее достаточно сильно, но только ладонями, никогда не сжимая их в кулаки. Он ненавидел себя в эти мгновения. Он настраивался на то, что бьет не возлюбленную Кэрол, а некое чужое существо, которое обязан уничтожить. И, нанося удары, он всегда закрывал глаза от стыда.

Достаточно давно между ними не происходили подобные сцены, и он старался вытравить их из памяти. Это ему почти удалось. Иногда он по простоте душевной думал, что это были какие-то эротические кошмары, а причина их гнездилась в его неумемном сексуальном влечении к Кэрол.

Может, ему просто снилось, как он бьет Кэрол? И то, как она избивала Таню, тоже был сон? Отрицать реальность происходящего было легче, чем принимать ее.

Впрочем, с той поры их занятия любовью приобрели иной характер, исполнились дополнительной обжигающей страсти, подчас в них появлялась дикарская необузданность. Барри, однако, слепо шел на поводу у Кэрол. Это был шанс познать что-то новое в жизни, и ему повезло, что он нашел такую путеводительницу.

Кэрол отличалась от других женщин. Может, из миллиона облаченных в юбки и бюстгалтеры существ попадетсЯ такая одна.

Спровадив детей в пансион, они остались одни. И, разумеется, сразу же упали на кровать. Одежда слетала с них, казалось, сама, без малейших усилий с их стороны.

Барри смотрел на нее с обожанием, следил, как она раздевается, и знал, что ей тоже нравится наблюдать, как он обнажает свое тело.

Как только дверь за детьми захлопнулась, спальня превратилась в

священный храм любви.

А потом, катаясь по широкой кровати, Кэрол и Барри добровольно отдавались во взаимное рабство. Мир переставал существовать для них обоих. Его пространство ограничивалось одной постелью, а народонаселение — ими двумя, одной женщиной и одним мужчиной.

Кэрол пару раз признавалась ему, что подсматривала в зеркало, как их тела сплетались, и что это еще сильнее ее возбуждало, но он стыдился смотреть на себя со стороны. Ему хватало счастья обладания любимой женщиной, и в подстегивании своей страсти он не нуждался.

Потом они заснули. Вдвоем и сразу. Будто ангел сна накрыл их своим мягким пушистым крылом.

Проснулись они уже в темноте, по-прежнему обнявшись, влажные от пота, который еще не высох, но стал холодить кожу.

Кэрол вскочила первой, устремилась под душ. Потом напялила на себя обнову — черно-белое платье в зигзагах, украденное из бутика. Она разными кисточками оживила лицо — большими воспользовалась для нанесения пудры и румян, маленькими прошла по бровям, ресницам и векам и еще обвела аккуратно контуры губ. Лишь талантливому художнику удалось бы с такой ловкостью и быстротой создать на блеклом холсте портрет красавицы. Она ловко взбила свои кудри в высокую прическу, а некоторые локоны намотала на палец.

Они готовились к походу в паб совместно с Айрис и ее покорным Джерри.

Полная луна выплыла на небо во всей красе и подавила своим великолепием казенное уличное освещение.

Они прошли по Китайскому мосту, где оставленное Барри любовное признание еще не успело покрыться какой-нибудь похабщиной. Оно утверждало его любовь к Кэрол, и света луны было достаточно, чтобы она прочла его и еще, чтобы посмотрела на отражения их лиц в спокойной, серебристо-серой воде канала. Как казалось Барри, они не выглядели такими красивыми в зеркале их спальни.

Кэрол выбросила окурков в стоячую воду. Пошли круги, изображение исказилось, но это не могло испортить ни впечатление от удивительной лунной ночи, ни настроение Барри.

И вдруг что-то случилось. То ли свет изменился, или рябь от незаметного ветерка прошла по воде. Но Барри увидел страшное и отступил.

Он увидел, как хорошенькое лицо Кэрол, отраженное в водном зеркале, расплылось, стало похожим на уродливую резиновую маску.

Дурной знак.

Он тотчас обнял Кэрол, погладил по щеке и поцеловал в губы. У Кэрол была такая губная помада, что, сколько ни вlepляй ей поцелуев, ничего не размажется, и все будет в порядке.

Держась за руки, они лишь мимолетно оглянулись на домик Морин, полюбовавшись новыми белыми шторами и сверкающей, отлично вымытой подъездной дорожкой.

«И всегда так будет, и даже лучше», — мысленно давал себе клятву Барри.

Айрис и Джерри уже ожидали их в «Старом бульдоге». Кажется, они заняли там места, как только бар открылся.

Джерри был некрупный розовощекий малый, а его пристрастие к выпивке явно отражалось на цвете его лица. Он окидывал всех мутным взглядом, а его достаточно приличный костюм источал запах джина.

В «Старом бульдоге» он наслаждался тем, что смотрел телевизор, никто не докучал ему разговорами, и очередную порцию джина подносили вовремя. А за окном, за спиной плескалась Темза, это было изюминкой заведения, к которому он прикипел душой.

Разговор зашел о том, что когда-то Айрис превосходила красотой Кэрол. Барри этому не верил. Сейчас Айрис было пятьдесят, и она стала похожа на скелет с длинными костлявыми ногами, годными разве что для выступления в аттракционе «комната ужасов».

Айрис молодилась, как могла, красилась под блондинку, и в полутьме да еще после солидной выпивки производила соответствующее впечатление, но стоило лишь упасть на нее яркому лучу света, как тут на ум приходило сравнение со скелетом.

Чтобы выглядеть моложе, она всегда носила босоножки на высоком каблуке — и летом, и в зимний холод, и ее тонкие лодыжки покрывались мурашками, а ноги мерзли, но она упорно шагала по тротуару в открытой обуви, бросая всем вызов.

Барри догадывался, какой ад представляла ее семейная жизнь с этим Кнопвеллом. И все же, когда бы они ни встречались в компании, Айрис всегда была бодра, благожелательна, в меру остроумна и улаживала все мелкие конфликты. Она выкуривала, наверное, по полторы-две пачки сигарет в день, а может, больше. Часто кашель душил ее и, отворачиваясь, она прятала от компании побагровевшее лицо.

— Мне надо поднять, — убеждала она себя и окружающих. — И тогда я обрету форму.

Кнопвелл в конце концов бросил ее, просто-напросто смылся,

растворился в пространстве, а затем, судя по информации, поставляемой Кэрол, в жизнь Айрис вторгались разные мужчины. Одного звали Билл, другого Нобби, но Джерри продержался уже несколько лет и вроде бы не собирался срывать с крючка. Он был человеком с какой-то внутренней тайной, мало говорящий, не выдающий никаких эмоций и вряд ли имеющий на стороне какую-то семью.

А если таковая и существовала, он предпочитал ей джин, телевизор и молчание. Его настоящее имя тоже оставалось тайной. Он называл себя Кнопвеллом. Он представился Айрис как его тезка и упрямо держался этой версии уже на протяжении пары лет.

Официально он работал в конторе, которая следила за уровнем воды в Темзе. Это, а также сомнения в отношении подлинности его имени, служило источником постоянных шуточек и подковырок в компании.

Барри искренне веселился, но не встречал. Лучше ему не совать нос в чужие дела.

Айрис же трудилась в пошивочной мастерской, занявшей помещение бывшего кинотеатра «Прадо».

Барри принес дамам за столик «Фостерс» и джин с тоником. Кэрол и Айрис вели оживленную беседу по поводу деторождения. Возможно, Морин придется стягивать свой животик клейкой лентой в ближайшие дни.

— Ты шутишь! — не поверила Айрис. — Она валяется в шезлонге целый день, а по вечерам выступает со стриптизом.

— Я заменю ее в следующий вечер у Костаса. Что мне стоит раздеться и за один вечер схватить кучу монет, — оживилась Кэрол.

Джерри немедленно выступил с мрачным видом.

— Деньги так легко не зарабатываются. Но если потрудиться как следует... — Он придвинулся вместе со своим стулом поближе к Барри и начал просвещать новичка шепотом, словно уже готовясь прямо тут же заключить сделку. — Раз ты живешь с ней и вроде бы содержишь, пятьдесят процентов — тебе, на ведение хозяйства. Это твердый закон. Остальное — ей на тряпки, на пух и перья.

Барри не понял, о чем они толковали, но был рад, что им заинтересовались и что он участвует в общем разговоре, который принимал все более бессвязный и таинственный для него характер.

Бокалы с коктейлями сменились пивными кружками.

Айрис достала откуда-то из своих тайников длинную папиросу и жалобно спросила, найдется ли джентльмен, способный поднести ей огонька. Барри услужливо чиркнул зажигалкой.

Она окуталась дымом и погрузилась в задумчивое молчание. Под ухом

у Барри Кэрол тараторила о том, как она хочет выступать на сцене и подрабатывать.

Барри немного расстроился, хотя до этого был вполне счастлив, разделяя благодушное настроение захмелевшей компании. Он старался зарабатывать больше, вкалывал изо всех сил и сверхурочно, лишь бы Кэрол была всем довольна и оставалась дома с детьми.

— Все равно решать не нам, а муниципальному совету, — вдруг громко и разборчиво произнесла Айрис. — Как ты ни старайся, они плюнут на твои старания и решат по-своему. Мы не те люди, к чьему мнению прислушиваются.

Барри опешил, не поняв, о чем идет речь, но Кэрол, оказывается, все было ясно. Она спокойно позаимствовала из портсигара матери сигарету и прикурила от огонька Айрис.

— Знаю, дойдет и до этого. И ждать недолго.

— Я хотела бы больше сделать для тебя, Кэрол, но не в силах, — сказала Айрис. — Ты знаешь, как я изворачиваюсь, чтобы только тебя выручать, но ты же знаешь, что я не могу перейти черту. Я не смогу подвести мистера Карима, ведь я там уже семь лет. Ведь он на меня полагается, правда, Джерри? — Она не стала ждать подтверждения с его стороны.

До Барри наконец дошло, что заботит женщин. Он заявил с решительностью сказочного храброго портняжки. Голос его, как ему казалось, обрел твердость, которую ждут женщины от мужчин.

— Я все улажу.

Кэрол крепко сжала его руку. Другой рукой она погладила его бедро, пробуждая желание, и сама возбудилась.

— Ты — мой любимый. Ты такой сильный и решительный. Ведь правда, мамочка? Он напоминает мне Дэйва. Он такой же, как Дэйв. Разве он не напоминает тебе Дэйва?

— Отчасти, — сказала Айрис.

Барри и не рассчитывал на высшую оценку. И все равно, ощущая исходящую от Кэрол теплоту, он ликовал. Каждый нерв его трепетал от радости. Он был принят в семью, перед ним открывалась гладкая дорога, и он уже предвидел финальную ленту после долгого забега. Они с Кэрол наконец-то отделаются от снисходительной опеки Айрис и этого скользкого человека с фальшивым именем и станут жить сами по себе, независимые и счастливые.

Одни сутки перетекали в другие, без какой-либо разграничительной черты, без смены дат, дней недели, погоды и даже без смены света и тьмы за окнами.

Бенет лежала, затем садилась, прохаживалась по своей спальне, просторной комнате на самом верхнем этаже ее так неудачно купленного, злосчастного дома. Мать приносила еду на подносе, но, видя, что Бенет не хочет и не может есть, заменила пищу крепким чаем и растворимым кофе с кусочком печенья, а по вечерам по собственной инициативе потчевала дочь стаканчиком бренди.

Жизнь остановилась. Как часы, которые разбились, и механизм уже не восстановится.

Тому были веские причины.

Во-первых, в то, что случилось, невозможно было поверить. Такого не могло случиться. В конце XX столетия дети не умирают в больницах от хорошо изученных болезней. Шок от такого невероятного события вызывал боль, как огнестрельная рана.

Первое время после смерти сына Бенет продержали в больнице. Ей что-то кололи и пичкали снотворным. В редкую минуту, когда забытье отступило, она потребовала отправить ее домой, где оставалась психически больная мать и все, вероятно, пришло в хаос.

Просьбу ее охотно удовлетворили. Больнице незачем было держать у себя пациентку — мать скончавшегося в этом храме медицины малыша.

Явиться к себе, увидеть опустевший дом тоже было мучительно, но это напоминало боль, когда дантист, засуетившись среди множества пациентов, вырывает зуб без анестезирующего укола. А если и был такой укол, то действие его прошло, и теперь ей придется вечно жить с этой болью.

Терпеть боль — удел женщины. Рожая Джеймса, она тоже ощущала боль и кричала, но та боль была связана с мыслью, что она вот-вот освободится, и наступит облегчение.

Теперь же от боли не было избавления. Бенет зажимала рот ладонями, чтобы ее вопли не потрясали дом, не сорвали крышу, не разрушили стены. Когда она падала, обессиленная, на кровать, то тут же начинала метаться, вскакивала, принималась царапать себя ногтями, глубоко вонзая их в свою плоть, словно пытаясь физической болью подавить боль душевную. Один

раз она воткнула в руку вязальную спицу и проталкивала ее все дальше, пока разум не подсказал ей, что она идет по стопам матери.

Из-за того, что она потеряла ощущение времени, ей стало казаться, что целый год прошел, как она живет в своей просторной клетке, опекаемая Мопсой, и только осторожный стук матери в дверь обозначал какие-то циклы ее существования.

Вероятно, это длилось всего несколько суток. Запаса успокаивающих средств, которыми ее снабдили в больнице, вряд ли хватило бы надолго. Тем более что, во избежание ответственности за самоубийство матери, потерявшей сына, они разделили их на малые дозы и расположили так, что их нельзя было принять сразу целиком.

Снотворное, однако, не помешало ей рано просыпаться и слышать утреннее пение птиц. И у нее безудержно лились слезы при мысли, что Джеймс уже никогда этого не услышит. Никогда... никогда... никогда...

Настой опиума удерживал Бенет от криков, от судорожных движений. Он погружал ее в прострацию и в вялые размышления, каким более легким способом покончить с собой.

Она отложила на всякий случай три таблетки и спрятала в место, которое постаралась запомнить.

Она встала на подоконник в ночной рубашке. Она глядела на луну, красующуюся в небе подобно крупной жемчужине. Набегающие серые облака придавали ей именно такой облик..

Два года назад Джеймса не существовало, но уже все равно он был с ней. Глядя на себя в зеркало, Бенет видела ребенка у себя на руках, подобно Божьей матери.

А какой она была до его рождения? Что в ней изменилось? Сможет ли она возвратиться к себе прежней... вычеркнуть эти годы из своей жизни...

Подумаешь, всего лишь два года... всего ничего. Ведь сын даже не успел как следует поговорить с матерью и только что-то болтал на своей милой детской тарабарщине.

Она вдруг перестала воспринимать его как личность, с трудом вспоминала, что он делал, что произносил, как себя вел. И это было самое ужасное. Паника охватила ее, паника, граничащая с потерей разума. Забыть о потере, жить по-прежнему, делать вид, что все нормально — в кого она тогда превратится? В свою мать.

Страх перед возможным безумием пробудил в ней волю. Бенет заставила себя обойти комнату за комнатой, весь опустевший дом.

Он показался ей тюрьмой. Но как выйти отсюда на свежий воздух, одной, без Джеймса в коляске?

Мопса возилась на кухне, судя по всему, стряпая пирог. Какой в этом смысл? Кто будет его есть?

Мопса подвязалась ярким фартучком, который Бенет раньше никогда не видела, и чувствовала себя в нем весьма комфортно. Это явно было приобретено в ближайшем универмаге.

Она убрала все следы пребывания Джеймса на кухне. Игрушки были сложены в нижние ящики буфета, а дверцы плотно закрыты, если не заперты.

Исчезло и детское креслице. Теперь, куда бы ни вошла Бенет, ничто не напоминало ей о Джеймсе. У сумасшедших есть своя логика, и она работает четче, чем у нормальных людей. Мопса предусмотрела все, чтобы избежать опасного взрыва.

Бенет опустила на стул и стала думать, какие действия ей следует предпринять. Тем и хороши законы жизни, что они требуют от нас усилий разума, даже в часы величайшего горя.

Надо зарегистрировать смерть Джеймса, получить свидетельство — документ, окончательно отделяющий его от мира живых.

Получение свидетельства о смерти, договор с конторой ритуальных услуг и сами похороны. От всех этих жутких слов Бенет охватывал озноб. Она мысленно отметала их, прикрывая одним общим нейтральным выражением, которое когда-то презирала, — формальности.

Бедная безумная Мопса, уже переставшая быть безумной, принявшая этот удар судьбы с большим достоинством, чем многие другие, считающиеся нормальными женщины, занялась именно этими неприятными обязанностями.

До Бенет, уединившейся в комнате высоко под крышей, в тесной башне своего горя, доносились неясные звуки, свидетельствующие о хлопотах Мопсы.

Открывались и закрывались двери, заводилась машина. Мопса отъезжала куда-то и возвращалась. Она суетилась, заполучив ответственную роль, став одновременно и распорядителем, и секретарем, и ангелом-хранителем убитой горем дочери.

Мопса вела себя замечательно. Так обычно отзываются о тех, кто делает все, что положено в подобных ситуациях, кто берет все заботы на себя.

Часто Бенет слышала, как звонит телефон. Мопса отвечала на звонки, но Бенет предпочитала не вслушиваться в ее разговоры. И сейчас, когда раздался звонок, Мопса оторвалась от взбивания яиц для пирога, подошла к

телефону, взяла трубку. Она обратилась к Антонии как к давней приятельнице, хотя, насколько знала Бенет, они ни разу не встречались.

Ее тон был оживленным, любезным, и уж никак не трагичным. Бенет обязательно перезвонит Антонии, заверила Мопса. Чуть придет в себя и непременно позвонит. Да, конечно, Мопса все передаст в точности.

Бенет впервые после возвращения из больницы обратилась к матери с вопросом. Она так долго хранила молчание, что собственный голос показался ей чужим.

— Много было звонков?

Мопса вернулась к пирогу и теперь принялась просеивать муку через решето. Действовала она аккуратно, не просыпая ни щепотки.

— Пять-шесть. Не так много. Я не считала.

— И что ты говорила людям?

— Я говорила, что ты недостаточно хорошо себя чувствуешь, чтобы разговаривать... что ты должна лежать в постели и ни с кем не общаться.

Это был самый правильный ответ, самая правильная линия поведения. Ничего разумней нельзя было придумать. Любой психолог порекомендовал бы ей не давать воли своим чувствам и посоветовал держать язык за зубами.

Однако Бенет, погруженная в прострацию из-за собственного горя, ощутила какой-то укол не то чтобы тревоги, а скорее беспокойства. Она проигнорировала его. Это ничто. Это был пустяк по сравнению с той ледяной пучиной отчаяния, в которой она даже не пыталась барахтаться. Теперь уже все неважно, не имеет значения, и так останется навсегда.

И все-таки она спросила на всякий случай:

— Ты говорила с папой?

— Он звонил почти каждый вечер. — Губы Мопсы растянулись в благодушной и самодовольной улыбке. — Просил передать, что любит тебя.

Настроение бедной Мопсы было неустойчиво. Из-за своей болезни она отличалась от всех других женщин, от других матерей. Чья-то поэтическая строчка промелькнула в памяти Бенет: «Что для меня сердечная рана, для тебя лишь огорчение».

Она высказала осторожное предположение.

— Должно быть, тебе нелегко было сообщить ему...

Жидкий сладкий крем из молока и яиц полился в миску. Мопса целиком сосредоточилась на этом процессе. Закончив, она облегченно выдохнула. Она напоминала старательную школьницу, изготавливающую торт на экзамене по ведению домашнего хозяйства. Она походила на

человека, впервые взявшегося за такое дело.

Вероятно, так и было. Бенет не могла припомнить ни одного торта, приготовленного Мопсой за годы ее болезни.

Мопса отправила торт в печь и хлопнула дверцей так, словно отделяя что-то от себя навечно, будто захлопывала за собой дверь дома, куда никогда не собиралась возвращаться.

Она повернулась к Бенет, вытирая абсолютно чистые руки о передник.

— О нет, Бриджит. Я ему ничего не сообщила. Я не могла просто так взять и сказать ему. Он же не спрашивал, пойми. Для него это вообще неудобная тема. Он мог бы как-то преодолеть себя впоследствии, если бы обстоятельства сложились иначе. Но раз он не спросил, то и смысла не было говорить ему. Не так ли?

— Все же когда-нибудь он должен узнать.

Мопса молча смотрела в глаза Бенет. В данный момент, в домашнем фартучке, с белым пятнышком муки на щеке, не всклокоченная, а с волосами, аккуратно подобранными посредством серебристых шпилек, она выглядела, как все нормальные матери.

— А кому-нибудь ты сказала? — спросила Бенет.

Рука Мопсы потянулась вверх и убрала мучной след со щеки кончиком пальца, предварительно послунявив его. Взгляд Мопсы скользнул по лицу Бенет и нашел себе новый предмет для разглядывания — выключатель на дальней стене.

— Ты никому ничего не сказала? Никому ни слова?

Мопса привычно забормотала.

— Я не смогла, Бриджит. Я не хотела расстраиваться. Мне вредно нервничать. Мне нельзя испытывать огорчения — это всегда плохо кончается.

Бенет повысила голос до крика.

— Кто же будет, по-твоему, есть твой проклятый торт?

Она взбежала наверх. Позади нее вдогонку неслись отчаянные причитания и рыдания Мопсы. Она не обернулась, а тем более не стала спускаться к матери.

Поднимаясь по лестнице, она все сильнее ощущала давление крови в голове, а изображение перед глазами стало трепетать и корчиться, как порванная кинолента.

Она прошла мимо раскрытой двери в спальню Мопсы и случайно заметила фотографию на прикроватном столике. Это было фото Эдварда.

Зачем Мопсе понадобился портрет Эдварда? Как и с какой целью она его заполучила?

На снимке были видны только голова и плечи. Он был довольно мутный — явно увеличенный со стандартной фотографии для документа.

Бенет преодолела последний лестничный пролет и вошла в комнату Джеймса.

Детская кроватка еще стояла там, на ней лежал голый матрац. Все остальное, что могло напоминать о пребывании ребенка в этой комнате, уже исчезло. Из окна были видны сосны у пруда, зеленая лента травы вдоль канала и огромное серовато-белое пустое небо.

Бенет прошла к себе и заперлась там. Следует ли ей сообщать Эдварду о смерти Джеймса? Есть ли в этом смысл? Он видел его только однажды, когда сыну было лишь два дня от роду. Эдвард зашел в палату, увидел Бенет с малышом и не знал, что сказать.

— Ты очень постаралась и добилась своего. Унизила меня полностью, — наконец соизволил произнести он, глянул на малютку и уставился в потолок.

— Лучше б ты совсем не приходил сюда, Эдвард.

Она испытывала тягостное чувство при общении с ним, как и он в отношении нее, но причины на то у них были разные.

Эгоистичным расчетом, если не сказать хуже — обманом был ее поступок. Бенет использовала его, заимела от Эдварда ребенка, не собираясь выходить за него замуж и даже продолжать жить с ним вместе. Но тогда она так не думала. Наоборот, ей казалось все очевидным и вполне оправданным.

И все-таки, даже после того, как окончательное решение было принято и у нее на руках был ребенок, привлекательность Эдварда воздействовала на нее. Она размышляла, почему этой одной неотвратимо влекущей красоты было ей недостаточно, почему, обнаружив под заманчивой оболочкой отсутствие чего-либо, а только пугающую пустоту, она поступила так беспощадно в отношении него? Ведь мир полон мужчин, чья привязанность к женщинам зиждется лишь на их красоте. Почему бы ни быть обратной ситуации, когда Эдварду за его красоту прощалось бы многое?

Он присел на краешек кровати и в очередной раз попросил ее выйти за него замуж.

— Нет... нет... — Сказала она. — Я не могу. Пожалуйста, не заводи этот разговор. Это невозможно. Мы оба будем несчастны. А теперь будем несчастны уже все трое.

Эдвард поднялся и вышел. Больше она его не видела.

Каким-то неведомым способом, неизвестно как и где, Мопса

раздобыла его фотографию, вставила в рамку и поместила на столике у своей кровати. Как будто он был ее сыном. А стоит ли доискиваться до причин ее поступка?

А имеет ли значение, что Мопса никого не известила о смерти Джеймса? А вообще что-либо имеет значение теперь?

У Бенет раньше бывали такие яркие сны. Полные таких достоверных деталей сновидения, что, просыпаясь, она еще долгое время принимала их за реальность. А если предположить, что сейчас она спит и ей снится самый кошмарный в ее жизни сон — но это только сон — ей надо лишь прожить его, испытать ниспосланные больным воображением муки. А утром в соседней комнате проснется Джеймс.

Она зашла туда и увидела там пустоту, наведенную стараниями Мопсы. Но эту комнату нельзя было назвать совсем пустой. Горе по потерянному сыну переполняло ее. Оно материальной тяжестью давило на оголенный матрасик на детской кровати, оно следовало за Бенет по пятам, когда та принялась бесцельно подниматься и спускаться по ступенькам крутой лестницы.

На следующее утро Бенет нашла записку от Мопсы на столике в прихожей: «Я отправилась на ланч с Констанцией Фентон. Вернусь к четырем часам».

Раньше Мопса не утруждала себя подобными посланиями. Или нет?

Под столиком находилась корзинка для ненужных бумаг. Она была полна смятыми бумажными клочками. Бенет принялась доставать и разглаживать их.

Это все были записки от Мопсы, ежедневные записки: «Я поехала в больницу», «Я поеду в магазин», «Я поехала на встречу в „Симс энд Уэйнвэйт“».

Бенет была тронута и почувствовала себя виноватой. Мопса писала эти записки, но, видя их нетронутыми, выбрасывала и заменяла новыми, проявляя при этом несвойственную ей тактичность.

Бенет открыла дверь, ведущую в комнату, которая должна была стать местом ее работы.

Когда она последний раз заходила сюда, стопки книг покрывали весь пол. Мопса навела здесь порядок, расставила книги по полкам, без всякой системы, разумеется, иногда вверх ногами. Зато в пишущую машинку она заправила чистый лист бумаги, как бы призывая дочь сесть за работу.

Бенет сомневалась, сможет ли она когда-нибудь что-то еще написать. Сама мысль об этом казалась абсурдной. Как могла бы она в ее теперешнем

опустошенном состоянии надеяться выразить на бумаге чьи-то чужие эмоции?

Спустившись на первый этаж, она присела у окна и стала бесцельно, тупо наблюдать за улицей.

Вот прошла женщина, потом девочка с собачкой на поводке.

Чтобы чем-то заняться, Бенет заварила себе чай и выпила его без всякого желания, просто чтобы убить время. А сколько будет тянуться время? У него ведь нет конечной точки. Оно бесконечно.

Она попыталась представить себе, как сложится остаток ее жизни, чем она его заполнит, каким образом распорядится этим ненужным ей теперь временем.

Немного поколебавшись, Бенет надела пальто, вышла из дома и направилась к реке.

Дул холодный ветер. Воздух был так чист, что создавалось впечатление, будто ты попал в какое-то еще никем нетронутое пространство на самом краю мира, незагрязненное, неиспорченное, куда еще ни разу не добирался отравленный городской туман.

Бесчисленные лондонские крыши, шпили и башни — все были ниже ее, четкие, словно нарисованные на стекле и окаймленные лишь голубоватой дымкой далеко у горизонта. Зато над Хайгейтом собирались свинцовые облака, чреватые дождем.

Бенет повернула обратно.

Телефон прозвонил три-четыре раза. Она не взяла трубку.

В кухне она съела кусочек хлеба с маслом и половину яблока. Этим она и ограничилась, боясь, что от большего ее может стошнить. Затем она снова села у окна, жалея, что выбросила таблетки, которые ей дал Иэн Рейборн.

Она сидела и думала о Джеймсе, потому что ни о чем другом она не могла думать.

В прошлом она написала книгу и родила сына. Теперь сына не было в живых, а новую книгу она уже никогда не напишет. Казалось, что все это случилось с кем-то другим, потому что такого плохого, такого ужасного с ней просто не могло случиться.

Однако случилось. Именно с нею, а не с кем-то другим.

По мостовой проехала машина и затормозила у дома. Это была ее машина. Она узнавала ее по звуку. Мопса вернулась раньше времени. На часах было всего три.

Бенет не пошевелилась, когда входная дверь открылась и в прихожей послышались шаги. Потом шаги донеслись из коридора над ее головой.

Это всего лишь Мопса. Не стоило обращать внимания на ее передвижения по дому. Если Бенет в ее нынешнем состоянии и могла испытывать какое-либо страстное желание, то оно свелось бы к одному — чтобы матери не было здесь, чтобы она убралась обратно в Испанию и оставила дочь одну. То, что Мопса не уезжает, проявляет доброту и заботится о ней, — это правильно и по-матерински вполне оправданно, но лучше было бы обойтись без ее присутствия.

По крайней мере, если Бенет и не легче стало бы жить со своим горем наедине, то каким-то образом меньше было бы в этой ситуации чудовищной карикатурности — умерший ребенок и безумная хлопочущая бабушка.

Мопса вошла в комнату. За руку она вела ребенка, совсем маленького мальчика. Начала она с нелепейшего вопроса.

— Мы тебя не разбудили, Бриджит? Ты, наверное, спала?

Взгляд Бенет был устремлен только на малыша. Помимо девочки, прогуливавшей собачку, это был первый ребенок, который попался ей на глаза после смерти Джеймса.

— Кто это? — спросила она.

Голос был ее, но она не узнала его. Как будто кто-то другой произнес эти слова, находясь в дальнем конце комнаты.

— Как он тебе? Нравится? — задала Мопса встречный вопрос.

Казалось, что более абсурдной фразы нельзя было изобрести. Даже от сумасшедшей женщины Бенет не рассчитывала услышать подобной бессмыслицы, когда речь шла о ребенке. Как будто бы это был щенок...

— Кто он?

Мопса испугалась. Выражение животного страха появилось у нее на лице, страха слабого перед сильным и умным, и тоскливого ожидания неминуемого наказания.

Мальчик по-прежнему послушно держал ее за руку. На вид он был примерно того же возраста, что и Джеймс, но повыше и крепче. Под грязноватой стеганой курточкой красного цвета на белой и тоже грязной подкладке из синтетического меха виднелась синяя джинсовая рубашка. Джинсовый комбинезон и красные сандалии на литой пластиковой подошве довершали его наряд.

У него были светлые, почти белые волосики, довольно длинные и густые. Щечки его сияли румянцем, по личику — крупному, с грубоватыми чертами, уже можно было предугадать, в какого мужчину он превратится, став взрослым — по довольно большому, сильному носу, твердому подбородку и полным, словно припухшим чувственным губам. Бенет сочла

его самым некрасивым ребенком из всех виденных ею.

— Этот малыш — сын Барбары Ллойд, — запинаясь, пробормотала Мопса.

— Я не знаю никакой Барбары Ллойд!

— Нет-нет, ты знаешь, Бриджит. Ты сразу вспомнишь, когда я тебе расскажу. Она на самом деле Барбара Фентон... то есть была Фентон.... дочка Констанции. Но вышла замуж за Ллойда, который что-то там делает с компьютерами. Они живут у Констанции, пока их дом не будет готов.

И тут Бенет вспомнила — не столько саму Барбару Фентон, о которой знала лишь понаслышке, а телефонный разговор с ее матерью Констанцией, имевший место тысячу лет тому назад, когда все еще было в порядке. Джеймс был жив, она была вполне счастлива и настолько наивна и глупа, что тревожилась за Мопсу. В том разговоре Констанция сообщила, что ее дочь, зять и внук временно живут у нее в доме.

— Что он делает здесь?

— Я обещала позаботиться о нем некоторое время. Они в отчаянном положении.

Мальчишка освободился наконец от цепкой хватки Мопсы. Он сделал пару шажков, оглядывая незнакомое место, посмотрел на Бенет, потом опять на Мопсу, и лицо его приняло именно то выражение, какое и ожидалось от ребенка его возраста, попавшего в сложное положение. Его ротик скривился, и он расплакался.

— Дорогой, не надо, пожалуйста! — воскликнула Мопса. Кажется, она уговаривала не плакать скорее не малыша, а саму себя. Она наклонилась, чтобы схватить его. В ее руках он бился, дергался, испускал истошные вопли.

Бенет молча удалилась наверх в свою спальню.

Уже стемнело, когда она решила спуститься вниз. Бенет не слышала шума отъезжающей машины. Раз машина здесь, значит, и мальчик тоже, сделала она вывод, и не ошиблась.

Мальчик занимал место Джеймса на высоком стульчике. Мопса кормила его яичницей-болтуней с гренками, и он пользовался для еды как ложкой, так и пальцами. Себе Мопса приготовила чай.

— Не пора ли отвезти его домой? — спросила Бенет.

Ясно было, что мать что-то скрывает от нее. Нервное напряжение читалось на лице Мопсы и выдавало ее с головой.

— Зачем ты вообще прихватила его с собой?

— Кто-то должен был это сделать. Его другая бабушка, которая

вызвалась приютить малыша у себя, упала и сломала ногу.

— У него есть мать, отец и вторая бабушка... Так в чем же дело?

— Они собрались в туристическую поездку. Надолго..

Бенет похолодела.

— Мать, о чем ты говоришь? О какой поездке? Что ты имеешь в виду? — Она чуть не вскрикнула, вспомнив только что сказанное Мопсой «приютить у себя». — Как ты это понимаешь — «приютить у себя»?

Голос Мопсы упал чуть ли не до жалобного писка.

— Было решено, что он будет жить у своей бабушки...

— Ты это уже говорила. А теперь выходит, что он поселится здесь.

Мопса прикусила губу, и стало казаться, что она ухмыляется, словно упрямый ребенок, который делает что-то взрослым назло. Она, склонив голову набок, окинула Бенет взглядом — пристальным и немного лукавым.

Мальчик между тем спокойно поедал свою яичницу, причем с большим аппетитом.

— Интересно, куда люди ездят в отпуск в ноябре?

— На Канарские острова...

Закрыв глаза, Бенет ухватила за спинку стула и так простояла, досчитав до десяти. Потом, придя в себя и открыв глаза, обратилась к матери:

— Значит, они собрались прогуляться на Канарские острова, а ты пообещала присмотреть за их ребенком, пока они будут отсутствовать? Ты действительно им это предложила? И на какой срок? На неделю? Две?

Мопса едва слышно прошептала трясущимися губами.

— На неделю.

Бенет уставилась на мать с изумлением, граничащим с ужасом. Это было невысказано. Найдется ли еще на свете хоть один человек, подобный ее матери?

Бенет никогда не могла приспособиться к ней, принять ее, даже просто понять, что ею движет. Как могла Мопса сделать то, что сделала? Проявлять заботу, улаживать дела, брать на себя какую-то ответственность и одновременно быть такой жестокой, безмозгой, хуже, чем самое примитивное существо без души, без каких-либо чувств?

Привести этого малыша в дом дочери, только что потерявшей собственного ребенка, причем того же возраста и пола! Как могла зарониться такая идея в ее безумную голову? Для этого нужно было быть вдвойне, втройне сумасшедшей.

Вряд ли вообще бывали такие душевнобольные в истории медицины.

Но...

«Но я не должна ненавидеть свою мать», — напомнила себе Бенет.

Мопса повязала вокруг шеи мальчика салфетку со стола вместо нагрудника. Она налила ему молоко в чашку, и тот схватил ее обеими руками, издавая, как показалось Бенет, нечленораздельные идиотские звуки, но никак не слова. Это был как раз такой ребенок, которого дюжая тупица Барбара Фентон могла произвести на свет. Бенет казалось, что у него на лице уже проступают рельефные скулы и мощная, раздавшаяся вширь переносица, как у Барбары.

Внезапно в мысли Бенет вторглась болтовня Мопсы, детальный отчет о трудностях, переживаемых Констанцией Фентон и Ллойдами. В ее рассказе все выглядело так, что когда она явилась к ним, они уже убедили себя отменить свой тур и потерять значительную сумму, внесенную ими в качестве аванса. Барбара рыдала. Это был их первый совместный отпуск за пять лет.

Что оставалось Мопсе делать? Она долго колебалась, но она была в должниках у Констанции. Та сделала ей столько хорошего в прошлом. И Мопса вовсе не действовала безрассудно, не взвесив все наперед. Она знала, как к этому отнесется дочь. Но Бенет большую часть времени проводит у себя в комнате, не так ли? Ведь это большой дом. Бенет просто не увидит мальчика. Мопса сама будет заботиться о нем, укладывать спать в своей комнате, гулять с ним.

Бенет подошла к телефону, пролистав лежащий рядом на этажерке справочник Миссис Констанция Фентон, 55, Харпер-лейн, Эн-Дабл-Ю-Джи.

— Что ты делаешь, Бриджит?

— Звоню миссис Фентон, чтобы извиниться и сказать, что у нас не детский сад. Мы не принимаем детей на временное проживание. Скажу, что мы возвратим ей ее внука через полчаса.

Ее палец коснулся наборной панели. Засветилась первая набранная цифра.

— Их там нет. Они уже уехали.

— Я тебе не верю, мама.

Бенет слушала долгие гудки, и постепенно в ней нарастал гнев. Это была хоть какая-то смена в ее эмоциональном состоянии. Пустота заполнялась злобой. И с этого началось ее пробуждение к жизни. Трубка продолжала издавать длинные гудки. Мопса сказала правду — Фентоны уехали.

Мальчик слез со стульчика. Его лицо было перемазано яичницей. Он медленно двигался по комнате в поисках, чем бы себя занять. Но здесь не

было ничего интересного — ни игрушек, ни книжек, ни карандашей и цветных мелков, даже не было телевизора.

Он перешел из столовой в кухню и открыл дверцу буфета. Тут он сделал паузу, оглянулся через плечо с опаской, не остановит ли кто-нибудь его, а когда убедился, что запрещения не последует, принялся вытаскивать из нижнего ящика и кидать на пол кастрюльки, миски, ситечки, дуршлагаи.

— Я ухожу, — сказала Бенет. — Пройдусь вдоль реки.

— Уже совсем темно. Это небезопасно...

— Вот это мне подходит. Может, меня там убьют.

При нормальных обстоятельствах она бы тут же пожалела о сказанном, потому что такие слова непременно бы вызвали у матери известную реакцию. Так и случилась. Мопса в ужасе закатила глаза и прикрыла рот ладошкой, сдерживая рвущийся наружу вопль.

Но теперь Бенет было на это наплевать. Пусть закатывает истерику, пусть бьется головой о стены или трепещет от страха.

Она вышла на воздух, погрузилась в ясную, холодную ночь навстречу выползающей на небосклон почти полной луне.

Уже миновали сутки, когда Бенет пришло в голову спросить, как зовут мальчика. Он был всего-навсего маленьким ребенком и попал в ее дом не по своей воле. Ей все равно придется сталкиваться с ним, пусть случайно и, насколько это возможно, реже, но знать его имя она должна. И тут возникло затруднение.

После заданного матери невинного вопроса на лице Мопсы появилось выражение полной растерянности. Она не хитрила нарочно по злобе и не изображала испуганного зайца, как бывало, когда на прямой вопрос требовался прямой ответ. Сейчас у нее был вид деревенской дурочки, которую спросили, как устроена Вселенная. Трудно было понять, что означала улыбочка, с которой она ответила:

— А я не знаю.

Днем их долго не было дома — ни Мопсы, ни мальчика. Она увезла его куда-то на машине. Бенет представилось, как он устроился в креслице Джеймса на заднем сиденье. К счастью, она не видела этого собственными глазами, иначе с ней мог случиться припадок. Она решила больше никуда не выходить при дневном свете. После наступления темноты — да, но никак не днем.

Мопса ездила по магазинам и привезла с собой покупки в больших пакетах от «Детского мира» и «Маркс энд Спенсер». Мальчик, чье имя, как сказала Мопса, она пока не выяснила, снял свою грязную курточку и возился с застежками сандалий.

— Знаешь, бесполезно меня обманывать. — Бенет заговорила тоном санитарки из психиатрической больницы. — Конечно, ты знаешь его имя.

Мопса присела, помогая мальчику справиться с сандалиями. На Бенет она посмотрела с изворотливым лукавством, исподтишка. Глаза ее бегали, избегая встречаться с устремленным на нее взглядом дочери. Она слегка склонила голову набок, как бы прикидывая, какова будет реакция Бенет на ответ, который Мопса намеревалась ей дать. Бенет не могла постичь, что же это за люди — Констанция Фентон и ее дочь, способные доверить маленького ребенка заботам Мопсы? В таких обстоятельствах имеет ли право Бенет самоустраниться и позволить матери заниматься мальчиком и не отвечать за все, что с ним может произойти?

Она пыталась отгородиться от этой мысли стеной, не дать себя вовлечь в водоворот предчувствий неминуемой беды, но защитные ограждения в ее

мозгу рушились. Она хоть внешне старалась держаться твердо.

— Не увиливай, мать. Говори, как его имя.

— Джеймс.

Бенет смолчала. Ее рот будто заткнули плотным кляпом. Она пошла к себе наверх. Она не заплакала. Она не плакала с того момента, когда ей сказали, что Джеймс умер. Слезы казались ей ненужными, ничтожными и несопоставимыми с величиной, с необъятностью горя, постигшего ее.

Им пришлось говорить это дважды. Иэн Рейборн сказал ей про Джеймса, и она упала в обморок, а когда ее привели в чувство, рядом был опять Иэн Рейборн и с ним еще медсестра, и они повторили уже сказанное, добавив некоторые подробности. Это была их профессиональная обязанность, и Бенет, выслушивая то, что слышать было невыносимо, держала себя в руках.

Джеймс перестал дышать до того, как анестезиолог приготовился сделать ему укол. Его дыхательные пути были полностью перекрыты. Вероятно, если бы мистер Дрю предпринял экстренные меры — очень редко применяемые в отношении малышей — на полчаса раньше, если бы они могли предугадать, что аппарат искусственной вентиляции легких перестанет действовать... если... если...

— Ты должна подать на них в суд за преступную халатность, — заявила Мопса.

Но в данном случае не было никакой халатности, только несчастный случай, только просчет во времени. И что, предположим, Бенет добьется своим иском? Компенсации за потерю сына? Она не была бедной, она не хотела ни денег, ни утешения, ни мести. Она хотела, чтобы Джеймс был снова с ней, но никто не в силах был возратить ей сына.

Бенет вытянулась на кровати, раздумывая о том, что наболтала ей Мопса, вспоминая тот поток бесчувственных и возмутительных по своей сути высказываний, что извергал коварно улыбчивый, нервно подергивающийся рот Мопсы. Уже постоянным, изматывающим рефреном звучало в голове Бенет: «Я не должна ненавидеть свою мать, я должна терпеть ее поведение, пытаться понять ее». Но как разум может понять и смириться с безумием? Сейчас Бенет удивлялась, как она в первый раз смогла так ошибиться и подумать, что Мопса излечилась или у нее хотя бы наступило улучшение?

Устав до предела от этих размышлений, она привстала, взялась за телефон и набрала номер Констанции Фентон. Бенет уже выучила его наизусть, звоня туда бесчисленное количество раз. Большею частью того, что

рассказала ей Мопса, Бенет отказывалась поверить. Мопса всегда без стеснения лгала, если был хоть малейший риск, что правда грозит ей неприятностями или хотя бы слегка испортит ей настроение. Ложь делала ее жизнь гладкой, без шероховатостей, и она прибегала к ней постоянно, по любому, даже самому незначительному поводу.

Бенет была убеждена, что вся эта, похожая на сказку, история с поездкой Фентонов на Канары сочинена самой Мопсой. Вместо недели на Канарских островах они, возможно, проводят три отпускных дня в Блэкпуле. Они вообще могли никуда не уезжать. Телефон все звонил и звонил. Их действительно не было дома, но куда они могли подеваться? И на какое время удалились? А что, если не на неделю, а на две?

С ощущением безнадежности от этих безответных гудков Бенет повесила трубку.

Она уже начала думать, что лучше бы не оставлять мальчика на попечении Мопсы. Когда до нее впервые дошло, что ребенок задержится здесь не на час-два, а на неделю, у нее родилась идея переехать на это время в отель. Бенет все еще лелеяла эту мысль, но сейчас уже не думала об этом всерьез. Такой поступок был бы проявлением безответственности с ее стороны. Она не могла бросить мать и не осмеливалась оставить ребенка полностью в ее власти. Как бы тяжело ни воздействовало на Бенет его присутствие в доме, но Мопсе нельзя было доверять мальчика. По-прежнему остры и пугающи были воспоминания о том, как ее с маленькой кухней запирали в столовой, о забаррикадированных дверях и окнах, о блестящем лезвии ножа.

Мопса передела мальчика в новую одежду. Или, по крайней мере, в другую, на вид совсем новую. Бенет поразило, что мальчик в таком возрасте все еще мочил штанишки. Она разглядела громоздкий подгузник, вырисовывающийся под его голубенькими вельветовыми брючками.

Он сидел на маленьком плетеном стульчике, принадлежавшем Джеймсу, как и высокое креслице, припрятанном Мопсой до вчерашнего дня. Что последует за этим? Бенет рассуждала с неожиданно холодным спокойствием, какие еще вещи возвратятся на места и найдут свое применение. Игрушки Джеймса? Даже его одежда? Все пригодится, все пойдет в дело.

— Джей, — произнес мальчик, — Джей хочет пить.

Итак он может говорить, и зовут его Джеймс. Что ж, достаточно популярное, даже распространенное имя. Мопса тут же подскочила с яблочным соком в бутылочке с соской. По крайней мере, эта бутылочка не

принадлежала сыну Бенет.

Должно быть, Мопса сама купила ее. Бутылку с соской Джеймс категорически отвергал. Такое поведение сына породило в Бенет определенный снобизм по отношению к задержавшимся в своем развитии детям, и поэтому у нее вызвал неприязнь подгузник спрятанный под штанишками уже вышедшего из младенческого возраста мальчишки, и пластиковая соска, к которой тот с жадностью припал.

Опустошив бутылку, мальчик вновь обратился к понравившемуся ему занятию — извлечению наружу содержимого кухонных шкафчиков. Он действовал с поразительной сосредоточенностью, насупив брови и плотно сжав губы, когда вытаскивал сковородки, миски, чашки и тарелки, внимательно изучал их, делал попытки засунуть один предмет в другой, если подходил размер. Он добрался до миксера, повернул ручку, заставил лопасти завертеться и поглядел на Мопсу с самодовольной ухмылкой.

— Можно позаимствовать у тебя снотворного? — обратилась Бенет к матери. — Я свое по глупости выбросила.

Мопса сказала, что лекарства у нее в спальне на прикроватной тумбочке, и пусть Бенет сама сходит за ними.

Бенет нашла пузырек с сонералом и упаковку валиума за фотографией Эдварда. Невольно она задержала взгляд на его лице, а он с фото смотрел куда-то в пространство, как бы нарочно мимо нее. Он был не только красив внешне, но, казалось, обладал впечатлительной, нежной, легко ранимой душой. Человек с таким лицом способен на глубокие чувства и может выразить их в словах и на деле. Атмосфера таинственности окружала Эдварда, пока он молчал, когда можно было просто любоваться его красотой. Но под привлекательной оболочкой не содержалось ничего, а если что и обнаруживалось, то такая малость и такая серая банальность. Ей больно было вспоминать, и было стыдно за себя, что на открытие этой истины у нее ушло целых три года.

Бенет приняла снотворное довольно рано, быстро уснула и спокойно проспала всю долгую ночь. Где спал ребенок, она не стала выяснять. В доме имелось пять спален, и к тому же в комнате Мопсы стояла вторая кровать. Утром мать вывела мальчика на воздух, конечно, не преминула воспользоваться складной коляской Джеймса.

Вещи, принадлежавшие сыну Бенет, поначалу куда-то исчезнувшие, объявлялись в нужный момент и исправно исполняли свои функции.

В этот день Мопсе надо было вновь посетить «Ройял Истерн» для прохождения дальнейших тестов, и она спросила, не согласится ли Бенет

присмотреть за мальчиком в течение трех часов. Бенет это предвидела. Она знала — рано или поздно такая просьба от Мопсы последует.

— У меня, по-моему, нет выбора, — ответила она матери.

Мопса выглядела усталой. У нее появились темные мешки под глазами, а лицо осунулось. Опекать двухлетнего мальчишку было ей не по силам — Бенет догадывалась, что матери пришлось провести почти всю ночь на ногах, вскакивать с постели, если ребенок часто просыпался, начинал плакать, звать мать, а Мопса как-то пыталась его утихомирить.

Сочувствия к матери Бенет не испытывала. Для жалости к кому-либо кроме себя в ее опустошенной горем душе не было места.

Мальчик сегодня опять был одет в джинсовый комбинезон и красные сандалии. Бенет подумалось, что редко кто мог выбрать для своего ребенка более некрасивую и неподходящую обувь.

Эта мысль сразу же перекинула мостик к ее прежним суждениям о Барбаре Ллойд. Мальчик тем временем облюбовал лестницу, карабкаясь вверх по ступеням на четвереньках и съезжая вниз на заднице. Явно для него это было привычным занятием и никакой опасностью не грозило. Он почти не разговаривал, в отличие от других детей его не тянуло произносить какие-то слова, он чаще всего ограничивался нечленораздельными звуками. Когда он хотел что-нибудь, причем требовал с настойчивостью, то говорил о себе в третьем лице, употребляя имя Джей. Ни разу он не сказал Джеймс или Джим, или Джем, но всегда Джей.

Его необщительность, даже несколько враждебная замкнутость поражала Бенет. Каким-то странным образом ему хватало самого себя для всего, кроме тех случаев, когда он что-то требовал. То ли он был настолько самостоятелен, то ли самонадеян, но эти качества не привлекали, а, наоборот, отторгали его от Бенет. Она заняла свое обычное место на стуле у окна, чтобы быть поблизости в случае какого-либо происшествия.

Постоянно наблюдать за мальчиком было ей неинтересно и тягостно, поэтому она даже не заметила, как он ускользнул из поля ее зрения. Примерно через полчаса, как она видела его в последний раз, и без всякого желания Бенет все-таки решила встряхнуться и поискать его наверху.

Она нашла мальчика в кабинете. Он завладел пачкой чистой бумаги и, сидя на полу, разрисовывал лист за листом синей чернильной ручкой. Для удобства он подложил под листы ежедневник Бенет в твердой обложке. Случайно ли так получилось или он это придумал, но все-таки тут проглядывал какой-то смысл. И хотя мальчик изрядно перемазал чернилами руки и одежду, — заодно досталось и ежедневнику Бенет, — его труд имел некий результат. Он не просто портил бумагу, а рисовал вполне узнаваемые

предметы. Можно было распознать на одном рисунке мужчину, на другом — женщину, какой-то дом и нечто, напоминающее мост.

Бенет подняла с полу один из рисунков и всмотрелась внимательно. Она была удивлена. Подобной работы можно было ожидать скорее от ребенка лет пяти-шести. Ей вспомнились детские рисунки на стене игровой комнаты больницы и плакат, висевший там же, — с «руками дерева». Память о времени, проведенном в той комнате, пронзила ее с такой остротой, что она, выронив листок с рисунком, отвернулась и впиалась ногтями себе в ладони, чтобы физической болью приглушить боль душевную.

Мальчик разомкнул уста и произнес:

— Джей хочет пить.

Он усердно пытался надеть колпачок обратно на перо авторучки. Бенет сделала это за него, потом взяла на руки, собираясь унести мальчика из кабинета. Она сделала это инстинктивно, без всякой мысли, чисто автоматически. Однако мгновенно ощутила такое отвращение, что чуть не уронила ребенка. Желание избавиться от его тяжести владело ее мозгом. Но она не могла так поступить. Все-таки он был живым существом, у него были свои чувства, и он ничем перед ней не провинился. И уж тем более не по своей злой воле проник в ее дом.

Она налила в бутылочку яблочного сока и натянула на горлышко противную пластиковую соску.

Когда Мопса возвратилась, Бенет тут же предложила взять напрокат телевизор. Мальчишка, очевидно, привык к этой электронной напасти, как все современные дети. При первом же своем появлении он обследовал всю комнату в поисках телевизора, почти так же, как поступила Мопса, удивленная отсутствием ящика с экраном.

— Это избавит тебя от многих забот, — сказала Бенет.

Но Мопса почему-то восприняла это предложение без особого энтузиазма. Бенет ожидала радостного отклика и даже предложения немедленно всем троим усесться в машину и отправиться выбрать подходящий аппарат. Но что-то изменилось в поведении Мопсы, будто лопнула где-то внутри какая-то пружинка. Механизм продолжал действовать, но выглядел уже изрядно изношенным. Чем-то она была напугана, или ввергло ее в угнетенное состояние что-то увиденное или услышанное во время поездки в клинику и обратно. Причем все процедуры, через которые Мопса прошла в «Ройял-Истерн», были рутинными и простыми, и ничего не было в них такого, что могло вызвать панику. Так она сказала Бенет, и Бенет поверила ей.

Мопса скорчила недовольную гримасу.

— Ты же говорила, что не любишь телевизор.

— Я не собираюсь смотреть его. Зато ты и твой подопечный не будете скучать, сидя в гостиной.

Ответа не последовало, и идея с телевизором, казалось, так и повисла в воздухе. Бенет больше не поднимала эту тему, но выяснилось, что разговор не прошел мимо ушей Мопсы, и к концу дня из прокатного пункта в Килбурне был доставлен и занял место в гостиной внушительного вида агрегат.

Его огромный серый, с отсутствующим зрачком глаз тускло замерцал в углу среди так и не распакованных картин. Ровно в шесть Мопса и мальчик удобно устроились на диванчике перед экраном. Мопса с чашкой душистого чая, малыш — с яблочным соком, на этот раз налитым в кружечку. Бенет задержалась у открытой двери, окинула парочку взглядом, но заходить в гостиную не стала.

Впоследствии она отметила в ежедневнике дату появления в доме телевизора, потому что это стало событием большой важности. Оно как бы провело разграничительную черту между жалким существованием узника, запертого в карцер, и тем, что навалилось на нее после, — время открытий, ошеломляющих до оцепенения и притупления всех чувств и разума, и страха, парализующего волю.

Все же день или два, последующие за установкой телевизора, прошли спокойно, а то, что случилось потом, никакого отношения к нему не имело. Арендвала бы Мопса телевизор или бы отвергла эту идею, оно должно было неизбежно произойти.

В течение долгого времени, четко застывшая, словно камешек, сохранялась в ее мозгу эта картина, созданная на основе лишь мимолетного впечатления. Возбужденная, будто наэлектризованная Мопса, тощая, смахивающая на ведьму, — сидящая на краю дивана в присущей ей позе — неестественно напряженной, как бы готовой вскочить и метнуться неизвестно куда. И мальчик рядом с ней, облаченный в уютный велюр, словно гладкошерстный щенок в свою бархатистую шкурку. Его большой палец как всегда покоился во рту, другой рукой он крепко вцепился в голубенькую фаянсовую кружку.

Это видение было заключительным в череде подобных зрительных образов, доведивших ее до отчаяния, и первым, с которого ее отчаяние сменилось страхом.

В ту ночь Бенет решила обойтись без снотворного. Ей снилось, что они с Джеймсом прогуливались вдоль реки. Она толкала пустую складную

коляску, а Джеймс семенил рядом, держась за ее руку. В жизни они еще ни разу не приближались вместе к реке, но то был сон. Они пересекли лужайку по посыпанной песком дорожке и очутились в роще, просвеченной солнечными лучами.

Был разгар лета. Листва на деревьях вовсю зеленела, кроме единственного дерева в центре рощи. Вместо листьев на его ветвях росли руки — руки с маникюром, руки в перчатках, руки без кожи, как у скелетов, руки, покрытые коростой. Джеймса это дерево привело в восторг. Он потянулся ручонками, чтобы коснуться самых нижних рук. То была белая нежная рука настоящей леди с бриллиантовым кольцом на пальце. И тогда в ее сон вторгся плач сына, и он был такой горестный, что дерево стало словно бы таять на глазах, превращаясь в призрак, солнце скрылось, если не погасло совсем, а Бенет проснулась, соскочила с кровати и устремилась к Джеймсу.

Прежде чем ее взору открылась пустая детская, память вернулась к ней. Ее тело свело судорогой, и остановилось даже биение сердца. На какой-то момент Бенет закрыла глаза, сделала над собой усилие, необходимое, чтобы заново вдохнуть в себя жизнь, и двинулась туда, откуда до ее слуха доносился реальный плач ребенка. Она вошла в комнату, соседнюю со спальней Мопсы.

Там было темно. Мальчик перестал плакать, когда Бенет зажгла свет и взяла ребенка на руки. Привык ли он спать при свете? Может, свет проникал в его прежнюю комнату от уличного фонаря?

Она включила ночник над кроватью, затенила его свернутым одеяльцем. Посасывая большой палец, малыш опять погрузился в сон. Бенет подумала, что фактически видит его впервые, то есть рассматривает бесстрастно, а не сквозь призму своего отвращения к нему и собственного горя. Бенет сделала неожиданное открытие, что его лицо напоминает ей кого-то. Кого именно, она не знала, но сходство с кем-то, несомненно, существовало. Этот малыш был очень похож на взрослого мужчину, с которым она была знакома или хотя бы где-то видела.

Степень обаяния ребенка принято оценивать не его индивидуальностью, а тем, насколько он соответствует уже сложившемуся веками идеалу ребенка, стандарту, созданному благодаря образам рафаэлевских херувимчиков, Питеру Пену и принцессам из сказок

Спящий мальчик ничем не походил на них. У него был прямой, довольно крупный нос, подбородок, не по-детски закругленный, а твердо очерченный, рот с симметрично опущенными уголками, брови уже густые и четко прорисованные.

Какого-то человека подобной внешности Бенет встречала в своей жизни. Или такого типа женщину с полными губами и светлыми волосами — натуральную блондинку. Только не Констанцию Фентон. Барбара Ллойд? Вряд ли. Бенет забыла, как выглядела Барбара Ллойд, но сейчас ее лицо вдруг возникло перед внутренним взором Бенет, причем очень четко — лунообразное, с низким лбом и крупным носом. Мальчик вероятно, был похож на своего отца, которого Бенет никогда не встречала.

В этих рассуждениях явно присутствовала какая-то странность, не вписывающаяся ни в какую логическую схему. Мальчик напоминал ей кого-то, кого она видела, кого знала, и в этом она была уверена непоколебимо, но далее следовал тупик

Бенет поняла, что больше уже не заснет в эту ночь. В халате и в накинутом на плечи пледе она устроилась среди книг в кабинете, разложив на коленях рисунки мальчика, желая, чтобы поскорее настало утро, и в глубине души боясь почему-то его наступления. В пять утра она заварила себе крепкого чаю.

До половины восьмого за окнами было еще темно.

Затем холодный серый рассвет начал расползаться по затянутому облаками небу, тускло заблестели пруд и лента реки, и стали вырисовываться на блеклом фоне близлежащие дома. Уже давно не было солнечных дней. Проехал на велосипеде паренек доставлявший газеты. Бенет проводила его взглядом. До нее вдруг дошло, что уже несколько недель она не заглядывала в газеты.

Мальчика следовало, как поняла Бенет из сбивчивых объяснений матери, вернуть домой в среду, а сегодня уже было воскресенье. Она решила пройтись, проветрить голову после бессонной ночи. В холодном и сыром мире за пределами дома преобладали две краски — зеленая и серая, и веяло ощущением ноябрьской безысходности. Но все это как бы не касалось ее, казалось отдаленным на значительное расстояние, а сама она чувствовала себя лишь наблюдателем, перемещающимся в герметичной прозрачной капсуле.

Газетный киоск был открыт, и Бенет купила воскресную газету, но не стала разворачивать ее. Она принесла ее домой, положила на стол в кухне, не взглянув даже на заголовки, а позже не обнаружила ее там. Должно быть, Мопса забрала газету к себе в спальню.

Мальчик и Мопса смотрели телевизор, и Бенет присоединилась к ним. Она пробовала заниматься тем, чего никогда не делала или намеревалась, но не успела сделать при жизни Джеймса — например, прогуляться вдоль реки, посидеть спокойно в своем кабинете, посмотреть, что показывают по

телевизору.

Мопса, казалось, ощутила неловкость от присутствия дочери. Возможно, ей запало в душу грозное заявление Бенет о своей неприязни к телевидению, и теперь ее смутило противоречие между словами и поступками дочери. Но напряжение несколько разрядилось, когда начался выпуск новостей.

Советский лидер Брежнев скончался, и долго и детально показывались его похороны. Бенет наблюдала за этим процессом минут десять. Мальчик держал в руках игрушечного белого кролика, которого Мопса, видимо, купила ему. Иногда он подносил его ко рту и жевал ухо, как это делают обычно по рассеянности мужчины с потухшей сигарой. Глаза его были устремлены на экран.

Бенет поднялась с диванчика, оставив парочку у телевизора, и прошла в комнату, где ночевал мальчик. Там не было ничего, кроме кровати, на которой он спал, ночника и маленького шкафчика. Она заглянула в ящики. Они были пусты. Никакого чемодана или сумки с одеждой, смены белья, никаких игрушек, никаких необходимых ребенку, отдаваемому в чужие руки, мелочей. На шкафчике лежали лишь привезенные Мопсой из рейда по магазинам пакеты.

Вся одежда, сложенная там, была новой. То, в чем мальчик впервые появился в доме, Мопса спрятала в своей спальне. Бенет заглянула и туда, но не обнаружила никаких детских вещей. Приобретенный ею утром экземпляр «Санди Таймс» был почему-то засунут между подушками на постели Мопсы. Это было если не подозрительно, то, по крайней мере, странно. Бенет так бы и не увидела газету, если бы, выдвигая ящичек прикроватной тумбочки, не задела случайно покрывало, накинутое на подушки.

С газетой в руке она начала вновь спускаться по лестнице в гостиную. Пронзительные вопли мальчишки вдруг взорвали тишину. Так кричать мог только тот, кто страдал от нестерпимой боли.

Бенет ворвалась в комнату и встретилась взглядом с Мопсой. Она помнила ужасы своего детства и со страхом ожидала чего-то подобного. Телевизор в гостиной был выключен, а мальчик стоял перед ним, истошно крича и заливаясь горькими слезами. Его кулачки неистово колотили по погасшему экрану.

— В чем дело, черт побери? — вырвалось у Бенет.

— Ему не понравилось, что я выключила телевизор.

— А зачем ты это сделала?

Бенет была вынуждена тоже повысить голос, перекрывая рыдания

мальчика. Она наклонилась, прижала его к себе, успокаивая, но он был неукротим. Ей здорово досталось от его кулачков. Мопса не ответила на вопрос. В данный момент выражение ее лица было вызывающе безмятежным. Нацепив на себя такую маску, она тем самым подчеркивала, что ничего особенного не происходит и что Бенет тут лишняя.

— Не из-за чего было поднимать такой шум, — обратилась она к мальчику.

Мопса встала с диванчика и нажала кнопку. Телевизор вновь заработал, но Бенет заметила, что Мопса предварительно переключила его на другой канал. Возникла картинка — пара лошадей резвится на зеленой лужайке.

Отчаяние придало мальчику такую силу, что он, извиваясь, высвободился из рук Бенет. Подбежав к телевизору, он поступил странным образом. Коснувшись пальчиками экрана, он затем обвел ими его рамку, как если бы пытался открыть аппарат, проникнуть туда или найти то, что находится внутри. Так, во всяком случае, показалось Бенет. Он отказался от этих попыток почти сразу, поняв их бесполезность, и на его странном, взрослом личике, на лице маленького мужчины проявились и недоумение, и уныние, и горечь поражения — вся гамма чувств, свойственных зрелому человеку.

Он снова уселся, но на это раз не на диванчик рядом с Мопсой, а на пол возле телевизора, близко, почти вплотную, вытянул шею и стал вглядываться в изображение на экране со всей пристальностью.

Бенет покинула гостиную и, спустившись в кухню, развернула газету. Там много писали про Леонида Брежнева. Ее больше интересовали новости не мирового масштаба, но их было на удивление мало. Правда, ее удивление длилось недолго. Третья и четвертая страницы «Санди Таймс» отсутствовали. Кто-то, несомненно, Мопса, постарался изъять их из газеты.

Если Бенет спросит, зачем она это сделала, Мопса будет только все отрицать. И хотя Бенет знала, что это дело рук Мопсы, доказать она ничего не сможет. Подобное могло случиться в газетном киоске или в типографии — такой шанс мог быть один на миллион, но доказывать, приводить доводы, спорить с сумасшедшей, да к тому же опытной лгуньей, было пустой тратой времени.

Зазвонил телефон, и Бенет подумала, что лучше ей самой взять трубку, хотя она уже столько дней не отвечала на телефонные звонки. Она должна же когда-нибудь начать откликаться. Она должна начать объяснения тому, что случилось, объяснения, которых избегала и боялась давать Мопса.

Звонил отец. Как у нее дела? Оправилась ли она от простуды? Как

Мопса?

— Замечательно, — ответила Бенет и добавила с мстительным злорадством, о котором тотчас же пожалела. — Скоро ты обнимешь ее дома.

Отец не спросил про Джеймса. Что бы Бенет сказала ему, если бы он спросил? Она была зла на отца из-за того, что он не спросил про внука, хотя Джеймса уже не было в живых, хотя она все равно не смогла бы сказать ему правду, если бы он спросил. Он должен был спросить, так жестоко с его стороны не поинтересоваться внуком...

Она поднялась в гостиную позвать Мопсу. Мальчик все еще сидел на полу, уставившись в телевизор, хотя лошади давно исчезли с экрана и их заменил мужчина, исполнявший нечто вроде аргентинского танго с микрофоном вместо партнерши.

Бенет слышала, как ее мать воркует в трубку. Создавалось впечатление, будто время повернуло вспять и ей звонит одноклассник или курсант, с которым она познакомилась на теннисном корте. Ее тон был то застенчивым, то капризным, то откровенно игривым. С мужчиной, за которым Мопса была замужем почти тридцать лет, она кокетничала и разыгрывала сексуальное возбуждение.

Бенет надела пальто, обмотала шею шарфом и вышла из дома. Она поднялась на холм, прошла по главной улице и заметила на самом видном месте в витрине книжного магазина «Брачный узел» в мягкой обложке. Там была и ее фотография с коротким рекламным текстом. Снимок был сделан, когда Бенет ожидала ребенка, хотя признаков этого не замечалось под свободным темным платьем, которое она надела на тот случай.

Вернись назад на два с половиной года, говорила она себе. Вернись ко времени, когда Джеймс еще не был зачат. Вернись туда, и ты будешь вновь свободной. Перед тобой чистый горизонт. Ты не говорила Эдварду: «Я хочу иметь ребенка, но это ничего не изменит, не сблизит нас вновь». Ты только скажешь Эдварду:

— Прощай, Эдвард. И прощай навсегда. Мы дошли до конца пути и теперь расстанемся. Никакого ребенка у нас не будет.

— Я не верю тебе, Бенет. Ты лжешь. Ты не сделаешь этого. Даже ты не решишься на такой поступок..

Обрывки воображаемых разговоров с Эдвардом, нелепые мысли о том, что прошлое можно изменить, путались у нее в голове.

Она заказала чашку кофе и сэндвич и села в углу в одиночестве, наблюдая, как люди входят в кафе, — парочками или компаниями.

«Странно, — подумала Бенет, — что на той фотографии не заметно, что я беременна». Джеймс родился три месяца спустя, но никто не догадывался, что она носит в себе ребенка. Это было дурной приметой.

Мальчик и Мопса уже спали, когда Бенет возвратилась домой. Она поискала пропавшие страницы «Санди Таймс», но так и не нашла. Вероятно, они таились под матрасом кровати, на которой похрапывала Мопса. Мопсе оставалось сделать еще два визита в «Ройал Истерн» — первый в понедельник, второй в пятницу. Она оставила малыша на попечение Бенет и уехала на машине в половине десятого. Бенет расположилась с мальчиком на полу в кухне, разложила несколько листов бумаги и три разноцветных фломастера. В это утро Мопса облачила мальчика во все желто-коричневое — штаны и рубашку и, вероятно, помыла ему голову, потому что он сиял своими золотыми волосиками, когда свет падал па него из окошка.

Очень скоро он заявил, по-прежнему называя себя в третьем лице, что Джей хочет пить, но имя прозвучало несколько иначе, как Джай. Редкие слова, произносимые им, свидетельствовали о его окружении. Барбара Ллойд, вполне вероятно, перешла на кокни, покинув школу в четырнадцать и попав в другую языковую среду. Мужу Барбары, каким бы он ни был гениальным компьютерщиком, лондонский уличный язык не помешал бы достичь высот в своей профессии. Бенет знала, что ее снобизм неуместен, и тем более строить какие-то гипотезы насчет того, каковы родители этого ребенка на основании коротких высказываний двухлетнего малыша, недостойно. Это одиночество и горе опять увлекают ее в свою облачную мрачность.

Она слышала, что когда-то впавших в истерику женщин заворачивали в мокрые простыни. Не пора ли ей обратиться за психологической помощью, наравне с Мопсой?

Возвращение домой ничем не изменило ее настроения. Она позволила телефону прозвонить много раз, прежде чем сняла трубку. Это мог быть отец из Испании, это могли звонить знакомые или подруги, которым она была обязана сообщать о своей потере и произносить вежливые фразы в ответ на сочувствие и пожелания держаться мужественно.

Мопсы не было рядом, только мальчик, указывающий пальцем на телефон.

Он все пытался воспроизвести звук «дзинь-дзинь».

Бенет подняла трубку.

— Я слышу, — успокоила она мальчика.

— Я говорю с Бенет? — услышала она слабый старческий голос. —

Это Констанция Фентон. Хочу спросить как ваша мать? С ней все в порядке?

— Да. Я думаю, что да... Сейчас она куда-то вышла, вероятно, прогуляться.

— Я звоню потому, что она вроде бы собиралась нанести нам вчера визит, но не пришла и не позвонила, и мы немного обеспокоились. У нас всегда кто-то дома, чтобы ответить на звонок. Я, конечно, днем на работе, но Барбара постоянно дома с Кристофером...

Бенет прервала ее. В горле у нее мгновенно пересохло, и она с трудом произнесла:

— А разве вашего внука зовут не Джеймс?

— Нет, дорогая. Его имя Кристофер. Кристофер Джонс, как и его отца.

— А моя мать навещала вас вообще хоть раз?

— Мы только разговаривали по телефону. Но нам было бы приятно повидать ее лично. Передайте ей, чтобы она позвонила в любой удобный момент...

Бенет отделалась от собеседницы традиционными вежливыми фразами. Неизвестно, как она устояла на ногах и не выронила трубку. Она смотрела на мальчика, который не прислушивался к разговору, а старательно исчеркивал белые листы бумаги красным фломастером. Даже с большого расстояния можно было понять, что это не просто бумагомарание несмышленного малыша. Распознавались фигуры и предметы — женщина, собака, дерево.

Распрощавшись наконец с миссис Фентон, Бенет опустилась на банкетку возле телефона и вцепилась пальцами себе в волосы, словно хотела сорвать скальп.

Ей потребовалось меньше минуты, чтобы накачать себя доверху злобной энергией. Бенет отправилась обыскивать комнату Мопсы. Пропавшие газетные страницы, вероятно, спрятаны в ее сумочке, и она таскает их с собой, если не уничтожила по дороге.

Красную курточку мальчишки Бенет обнаружила в ванной. Очевидно, Мопса постирала ее и повесила сушить. Бенет мысленно обозвала себя идиоткой за то, что простейшая идея до сих пор не осенила ее. Красная курточка была его опознавательным знаком, по которому мальчика ищут, и Мопса сменила ее не потому, что она некрасива, а чтобы замести следы. Кто он, этот малыш? Его привела Мопса в одном обличье и теперь старательно поменяла на другое.

В шкафу у Мопсы и у мальчика Бенет обнаружила и прежнюю одежду, и целый набор новой, как будто ее мать готовилась к длительному

противостоянию неизвестной силе, сосредоточенной на поисках пропавшего мальчика. Она даже купила ему зимнее пальто, причем большого размера — на вырост.

Бенет решила не размышлять больше, а действовать. Иначе она сама вполне может сойти с ума. Захлопнула шкаф, по дороге завернула в детскую за пальтишком Джеймса, отнесла вниз и надела его на мальчика. Она плохо соображала, что делает. Она повезет в прогулочной коляске малыша одного возраста с покойным Джеймсом. Может быть, это убьет ее по дороге. Остановится сердце, откажет мозг, а может, и нет — это добавит ей жизненных сил. Она отправилась покупать газеты.

Так получилось, что домой они вернулись все втроем одновременно — Бенет с мальчиком и Мопса. По дороге, поднимаясь на холм, Бенет уже успела прочитать то, что от нее скрывалось. Это уже не были «последние» новости. Наверное, во вторник они занимали первые полосы газет, и заголовки были кричащие, а к воскресенью интерес к ним поостыл.

Мопса сразу заметила газету под мышкой у Бенет. Ее шаг сбился, она закрутилась на месте и чуть не свалилась, словно велосипедист, попавший в глубокий песок, хотя под ее ногами была ровная цементная дорожка. Бенет с иронической услужливостью распахнула перед матерью входную дверь, приглашая войти первой, потом быстро захлопнула за собой и мальчиком. Стены дома отделили их от окружающего мира и от возможного постороннего взгляда.

И только тогда Бенет насладились своим недавно обретенным знанием. Она назвала мальчика его настоящим именем.

— Дай я помогу тебе снять пальтишко, Джейсон.

Мопса вскрикнула и тут же зажала себе рот ладонью.

Мальчик вознаградил Бенет лучезарной улыбкой — впервые он улыбнулся не хитро, не злобно, а чисто и радостно, как нормальный двухлетний ребенок. Его имя Джейсон — наконец они угадали, эти добрые, но странные женщины.

Бенет взяла его за руку и повела в гостиную. Она знала, что Мопса последует за ними. Развернув газету, Бенет громко прочла вслух:

«Шесть дней подряд после исчезновения мальчика с улицы в Тоттенхеме на севере Лондона представитель полиции по связям с общественностью твердит одно и то же — что ребенок жив и вот-вот отыщется. Джейсона видели в последний раз в районе домов,

предназначенных к сносу вблизи Северо-Восточного канала в Уинтерсайд-Даун, где он проживает со своей матерью миссис Кэрол Стратфорд, 28 лет.

Миссис Стратфорд выступила по радио Би-Би-Си в тот же день после вечерних новостей. Она была встревожена исчезновением сына. „Джейсон не из тех глупых малышей, который пойдет за любым чужаком, — заявила она. — У него достаточно своих родственников, друзей и знакомых... А что делает полиция? — сказала отчаявшаяся мать. — Она лишь бубнит одни и те же слова утешения“».

— Улица называется Редьярд-гарденс, — сказала Бенет Мопсе.

Груз вины уже тяжело лег на нее. Ведь по пути в больницу она обратила внимание Мопсы на эту улицу, чтобы та не заблудилась и возвращалась той же дорогой.

— Когда я отвозила тебя в больницу в среду, то надеялась, что ты без проблем сделаешь обратный путь. Где ты подцепила малыша? Говори! В саду? Или возле витрины магазина?

— Он сидел на каменном парапете, — начала Мопса свое признание не без пафоса. Она приблизила свое лицо с дергающимися губами вплотную к лицу дочери и принялась на ходу сочинять насквозь лживую историю. — Он был так одинок, бедный малыш. Никому не нужный. Один, на высокой каменной стенке. Тут подбежала собака. Из этих черных огромных доберманов. Стала обнюхивать его, и он испугался. Он упал с парапета, но я оказалась рядом и подхватила его на руки. Поблизости никого не было, словно в пустыне, и никто не видел меня...

— Очевидно, это так, — мрачно согласилась Бенет.

Мопса вытянула вперед трясущиеся руки, коснулась плеч Бенет, словно пытаясь передать дочери свою заразную дрожь.

— Я сделала это для тебя, Бриджит. Я же говорила, что готова сделать все ради твоего счастья. Ты потеряла своего мальчика, а я нашла тебе другого... вместо потерянного Джеймса. И у тебя опять будет сынишка.

Джейсон пропал неизвестно где уже целые сутки, даже больше, прежде чем его хватились. Сильнее всего исчезновение мальчика отразилось на Барри.

Он никак не мог взять в толк, почему возникла подобная неразбериха, почему одни считали, что Джейсон находится на попечении у других и не вспоминали о мальчике, а другие были твердо уверены, что он дома с Кэрл. Труднее всего было объяснить эту запутанную семейную ситуацию полиции. Сидя в участке, Барри пересказывал ее десятки раз в комнате для допросов, наблюдая с тоской и тревогой, как утомленные детективы — суперинтендант Треддик и инспектор Лэтхем в очередной раз собирают свои бумажки, запирают их в ящик стола и устраивают себе передышку, оставляя его наедине с собой на полчаса, чтобы он как следует подумал, а потом добавил что-либо существенное к сказанному раньше.

Барри с удовольствием добавил бы им кое-что в спину, но знал, чем это для него обернется.

Они уже слепили версию, в центре которой застрял именно он, как паук в паутине.

— Ты здорово привязался к этому мальчугану? — по-доброму спрашивал кто-то из них и при этом еще подмигивал.

— Конечно. Джейсон отличный парнишка, — отвечал он искренне.

Он говорил правду. Но была еще и другая правда. Мальчишка мешал ему, и отделаться от него у Барри часто возникало желание, но, разумеется, не тем способом, на который намекали полицейские, и лишь с целью подольше побыть с Кэрл наедине.

Он вспомнил, как воспрял духом, когда Айрис предложила оставить Джейсона у себя ночевать, и разумно согласился с лаконичным заявлением Бьюти Изадорос, что за спокойную ночь без ребенка надо платить, а деньги все равно идут в общую копилку семьи. Быть с Кэрл вдвоем без того, чтобы кто-то не хныкал в соседней комнатухе и не колотил в стенку, — за это он был рад платить и больше.

Барри ничего не имел против детей. Наоборот, он считал, что общий с Кэрл ребенок закрепит их отношения. На это он надеялся и был прав, потому что такой замечательной женщине, как Кэрл, производить на свет детишек доставляло даже удовольствие, отчасти и самоутверждение. Иногда он, будучи парнем добрым и честным, мучился угрызениями

совести. Вот он мечтает о браке с Кэрол и о собственном ребенке, а ее детям от других мужчин не уделяет достаточного внимания и любви, отчего особенно страдает малыш Джейсон. Но на всех его широкой души не хватало... да и времени и сил тоже. Ему надо было зарабатывать на жизнь, чтобы не потерять уважение Кэрол, которая сама крутилась как белка в колесе, вкалывая на двух работах, и приносила в дом побольше, чем он. Поначалу он ополчился на Карен Изадорос и на Айрис — на всех скопом — за то, что они не углядели за Джейсоном; никому не давал покоя, предпринял собственные безрезультатные поиски, а затем обратил гнев на себя за то, что прошляпил целые сутки, не подняв тревогу сразу же.

Барри ни в чем не был виноват, но из-за каких-то глупостей, совершенных им в ту злосчастную среду, он никак не мог успокоить свою взбудораженную совесть. Тот день он перебирал в памяти во всех деталях.

Они с Кеном Томпсоном приводили в порядок спальню в квартире в Пейдж-Грин. Учитывая непрестижный район и ветхое состояние дома, особенно возиться здесь не стоило, но их мнения никто не спрашивал, а платили хорошо. Такую работу заполучить удавалось нечасто. Бывали периоды, когда они с напарником сидели без заказов, мрачно ковыряя в зубах. А тут кто-то решил вложить деньги в развалюху, придать ей пристойный вид, разместить там дорогую мебель. Простым работягам не понять, в чем у нанимателя интерес. Может, поскорее сбегать с рук дензнаки, которые с каждым днем падают в цене, судя по счетам от молочника и электрокомпании.

К часу дня они в основном все закончили, оставалось только втащить и установить огромное зеркало, которое все еще находилось в мастерской на Кроуч-энд, где его обрезали, чтобы оно влезло в обычное помещение, а не в сказочную спальню нефтяного принца.

Кен сказал, что они могут отдохнуть до четырех, когда зеркало будет доставлено.

Барри немного задержался, убирая мусор и протирая окна. Он предпочитал оставлять рабочее место в полном порядке, чтобы, получив расчет, завтра быть полностью свободным и куда-нибудь сводить Джейсона.

Из телефонной будки он позвонил старшей Изадорос. Ответил ему Дилан — третий по старшинству сынишка. С Джейсоном все еще гуляют мама и Карен. «Катают в коляске, словно принца», — съязвил мальчишка. Барри поблагодарил за информацию, что в шесть он сможет его забрать. Конечно, он мог использовать свободное время и чем-то развлечь малыша,

но на улице похолодало, и соснуть пару часиков в теплой комнате до возобновления работы было соблазнительно. Набраться сил для предстоящего вечера он посчитал более важным.

Кэрол работала по средам в баре до шести, пока мисс Флеймон не сменяла ее, и до того, как завалиться с ней в постель, Барри хотел поухаживать за любимой. Улица предлагала много интересного. В кино шел «Темный кристалл», а Барри любил фильмы ужасов. Можно было сжать дрожащие пальчики Кэрол сильной рукой, когда зрители хором ахают от страха, и пощелкать жареных орешков, глотнуть кока-колы из бутылки и стопку виски в любом из соседних баров после сеанса. Отправляясь обратно на работу устанавливать зеркало и хорошо отогревшись и выспавшись, он запасся билетами на вечерний сеанс и пачкой «Мальборо», чтобы угодить Кэрол.

Пока Барри отдыхал, Карен Изадорос получила задание от матери записаться в универсаме продуктами. Чтобы не тащить с собой коляску с Джейсоном, оставила его у стенки на Редьярд-гарденс, где не было такой сутолоки, как у входа в единственный в округе магазин, работающий по средам без перерыва. Полчаса спустя Карен перезвонила матери и тете Айрис, что задерживается в очереди у кассы, но наткнулась на автоответчик. Ни той, ни другой не было дома, а Барри, проходя мимо по улице, уже погруженный в думы о том, как проведет вечер, не заметил брошенного мальчишку, тем более что колясок с детьми там выстроилась целая вереница.

Карен благополучно справилась с покупками и перегрузила их частично на коляску Джейсона и собралась было покатить свою обувь домой, но встретила школьного дружка Дебби, который предложил ей пройтись поглазеть на витрины. Не катить же перед собой тяжелый груз, идя под руку с симпатичным молодым человеком, рассудила Карен. Она дозвонилась Айрис, и та обещала сразу же выскочить из дома и перенять эстафету. Но тут начался любимый сериал Айрис, и та забыла обо всем на свете.

Карен прошлась с другом по магазинам, помогла ему выбрать недорогой подарок для любимой мамочки и вернулась на прежнее место. Пакеты с покупками были аккуратно выложены на камни стены Редьярд-гарденс, исчезла только коляска и сам малыш.

Тогда еще не возникло никакого беспокойства. Айрис могла пренебречь дешевыми продуктами из универсама и покатить Джейсона налегке.

Слава богу, что в их лейбористском районе никто не крадет по

мелочам.

Проблемы возникли только когда стемнело, и Барри с Кэрол, проведя чудесный вечер, не обнаружили дома Джейсона. Никто из родственников не знал, куда он подевался. Все ссылались друг на друга и не очень беспокоились, раз покупки из универсама остались в целостности и сохранности.

Только один Барри рвал и метал. Непокойная совесть гнала его от киоска к киоску, и он спрашивал всех, не видел ли кто плачущего голодного малыша. За время поисков он выкурил полпачки «Мальборо», которую купил для Кэрол.

Он спрашивал владельцев собак, прогуливающих своих разномастных питомцев на поводках, — не напугала ли какая-то псина полуторагодовалого мальчика. Ему отвечали отрицательно или просто пожимали плечами.

Кончилось все обращением в полицию. Детективы, нырнув с головой в эту путаницу, быстро выстроили свою версию и пошли по самому прямому пути.

Карен прижать было нельзя. Ей всего девять лет.

— Почему ты не позвонила раньше?

— Я все истратила в магазине, а последние пенни проглотил испорченный автомат.

Семейную путаницу детективам разбирать не хотелось, а вот имеющий мотив подозреваемый был налицо. И у него была куча возможностей избавиться от мальчика, не привлекая к себе внимания во время дневного перерыва в работе, а потом весь вечер изображать угрызения совести, активно включившись в поиски.

Теперь, сидя в одиночестве в комнате для допросов, Барри мог предаваться воспоминаниям, как ему было хорошо с Кэрол, и как ради этого он ужасно поступил с ребенком. Сыщики предоставили ему эту возможность.

Он спешил домой через Китайский мост, закончив работу с проклятым зеркалом, и хотя еще не стемнело, увидел свет в их окошке. Это было хорошим предзнаменованием — так считал Барри, раз она пришла первой и его ждет. Он даже ощутил боль в левой стороне груди — там, где, по его расчетам, находится сердце, переполненное любовью. Кэрол даже вышла навстречу, уже готовая к свиданию, и была, как обычно, красива, словно фарфоровая куколка, хотя выглядела усталой. Он нее приятно пахло косметикой, когда они встретились в тени дерева у крыльца и поцеловались.

— Я еле волочу ноги. «Принц Уэльский» еще открыт, и мы бы могли тяпнуть там по рюмашке.

Барри заикнулся было о том, что надо бы проверить местонахождение Джейсона, но Кэрол сослалась на то, что ее мать будет довольна лишним шиллингам, полученным за присмотр за мальчиком, и нечего ему впутываться в эту семейную карусель.

— Ей за него платят. И пусть будет довольна.

У Кэрол на все находилось оправдание, и на каждое полученное от жизни удовольствие она ставила цену, как в меню.

В результате все думали, что Джейсон находится у кого-то из родственников, смотрит телевизор и сосет колу через соломинку, а Кэрол с Барри, пропустив рюмочку у «Принца Уэльского», поехали и пообнимались на фильме ужасов, сбежали чуть раньше, чтобы опрокинуть у «Принца» еще порцию виски и переместились во «Фляжку». Деннис, друг Кэрол, как-то сказал, что там уютно и есть диско и, заплатив за вход два фунта, можно разгуляться вовсю и даже получить горячее с баснословной скидкой.

Так и оказалось. Они заказали бифштексы, потом Кэрол удалилась в дамскую комнату и там переоделась в новый наряд — красную с золотом кофточку и мини-юбку. Новые алые туфельки очень подходили к этому наряду, а по рукавам блузки, пышным, как два воздушных шарика, так и хотелось хлопнуть.

— Ты прекрасно выглядишь, — одобрил он.

— Ты тоже в порядке, — довольно индифферентно откликнулась Кэрол. — Ты — мужчина в моем стиле.

Барри все еще раздумывал, как предупредить Айрис, что они с Кэрол вернутся поздно, но она переубедила его не тратить на это время, а даром убеждения она обладала в полной мере. Особенно если это касалось мужчин.

Барри прямо-таки распирало от желания танцевать с нею, чтобы их тела, плотно прижатые друг к другу, двигались среди таких же стиснутых разгоряченных молодых тел, чтобы голубые, фиолетовые и алые вспышки слепили им глаза, а музыка, тяжелая, ритмичная, проникала в мозг и подстегивала вождение.

Если бы он связался с Айрис тогда, это все равно не принесло никакой пользы. Джейсон к тому времени уже исчез больше трех часов назад.

А самой Айрис наверняка уже не было дома. Она, как полагал Барри, поступила согласно своему правилу, о котором он подозревал, но не имел доказательств, — влила каплю виски в бутылочку с питьем для Джейсона и

оставила малыша одного, а сама отправилась с Джерри в паб. Если б он даже застал Айрис, она тут же заткнула бы ему рот заявлением, что у них достаточно женщин, чтобы позаботиться о малыше, раз его мамочка предпочитает развлекаться на свои честно заработанные деньги.

Так получилось, что он и Кэрол возвратились домой уже после двух ночи. Им пришлось взять такси.

Уинтерсайд-Даун вымер в этот час, хотя желтые лампы на своих постаментах не гасли и освещали скучные прямые улицы, изогнутые проулки, застывшую воду канала и одинокий дом-башню.

Такси проехало напрямик через холодное желто-бурое пространство с изрядно вытоптанной травой и лишенное деревьев. Попытки засадить район деревьями предпринимались, но почему-то саженцы быстро хирели и умирали естественной смертью, или ребячьи калечила их, ломая ветки.

Небо над этим пространством затянуло смогом, было цвета военной формы и беззвездным.

Поначалу за дымкой угадывалась луна, но потом она пропала.

Двое из компании мотоциклистов, правда, без своих движущихся механизмов, торчали на углу Саммерскилл и Далтон. Барри интересовало, ложатся ли они когда-либо спать, как нормальные люди?

Цвета плюмажей на их головах лишил разнообразия охряный цвет фонарей, но по контурам причесок Барри узнал Синеголового и Хуппи. Они пялились на такси. В их неподвижности и нарочито расслабленных позах ощущалась накопленная злоба и готовность к физическому насилию.

Кэрол выпила очень много, даже чересчур много. Она не захотела подниматься в спальню. В полутемной гостиной, куда проникал свет уличного фонаря, она, не задернув шторы, стянула с себя платье, чулки и лифчик.

Ее тело, очень белое, мерцало, как мрамор. Она упала на кушетку, водрузила Барри на себя и пустила внутрь. Ее бедра и ягодицы, похожие на мрамор, на самом деле были мягки и нежны, как крем.

Капли пота жемчужинками проступили у нее над верхней губой. Кэрол умело чередовала легкие стоны и задорный хохот, занимаясь любовью. Барри это возбуждало настолько, что он с силой прижал свой рот к ее рту, чтобы прекратить этот журчащий серебристый смех.

После он раскурил по сигарете для них обоих, но она сразу же провалилась в сон. Он поднял ее на руки — она была легка, как пушинка, — отнес в спальню, уложил в постель. Затем, опять спустившись вниз, он аккуратно собрал ее разбросанные вещи, а платье повесил на вешалку.

Впервые полиция по-настоящему допрашивала его. Впервые в жизни его вызвали в участок. Они хотели знать, почему на следующее утро, в четверг, Барри не отправился прямо к Айрис забирать Джейсона.

Кэрол не выходила на работу с утра по четвергам. В пабе она должна была появляться лишь в одиннадцать. Почему он не забрал Джейсона — вернее, не сделал попытки забрать Джейсона и отвести мальчика к его матери, прежде чем самому идти на работу? Ведь так он поступал раньше постоянно.

Когда инспектор Лэтхем задал этот вопрос в первый раз, Барри наивно ответил, что сам не знает, почему. Затем сказал, что он опаздывал и положился на Кэрол. Затем, поразмышляв полчаса, он признался, что в четверг утром страдал от самого сильного похмелья в своей жизни. Если он намеревался добраться до здания в Александр-парк, где они с Кеном твердо договорились с девяти часов начать устанавливать книжные полки, ему надо было отчалить из Уинтерсайд-Даун в восемь-двадцать, что он и сделал, мрачно шагая с опущенными плечами, а глаза его болели и слезились от холодного ветра. Меньше всего в таком состоянии его занимала мысль, где Джейсон и кто позаботится о нем в этот день. Он не думал о Джейсоне, он о нем забыл.

Придя домой в тот проклятый четверг, он вспомнил о нем. Вспомнил, потому что именно ему было положено забрать ребенка от Айрис или от Бьюти.

По четвергам Кэрол работала в баре с одиннадцати до трех и потом с пяти до одиннадцати — столько долгих часов она отдавала работе, ужасной, по мнению Барри, и против которой он восставал всей душой.

— Вы не видели мальчика целый день, ночь и еще полдня? — обратился к нему суперинтендант Треддик. Вы не видели его с восьми утра среды?

— Мы знали, где он.

Барри осознал, каким глупым был этот ответ, едва он его произнес.

— Но, оказалось, что вы ничего не знали.

Айрис занимала треть сильно покосившегося дома в викторианском стиле из желтого кирпича. У нее в распоряжении были три комнаты, кухня, где располагалась и ванна, большую часть времени скрытая под деревянным щитом, который использовался как прилавок.

Кэрол и Морин родились и воспитывались здесь. Здесь им давали оплеухи, избивали, пороли ремнем с тяжелой пряжкой. Маленькой Морин, которая в детстве много плакала и тем досаждала родителям, сломали руку.

Барри как-то случайно задумался, а что делала Айрис, когда все это

происходило? Смотрела телевизор, вероятно, курила, прикидывала в уме, что такое зверство не может продолжаться вечно, и благодарила бога за то, что, по крайней мере, не на ней Кнопвелл вымещает свою чудовищную, беспричинную злобу.

На звонок Барри к двери подошел Джерри.

— Джейсон? — произнес он так, как будто никогда раньше о нем не слышал, как будто это было труднопроизносимое иностранное имя. Откуда-то изнутри донесся скрипучий голос Айрис.

— Кто там за дверью, Джерри?

Она появилась в прихожей, вытирая руки посудным полотенцем.

— О нет, Барри, ты ошибся лавкой. Ищи Джейсона у этих черных Изадорос. Я не видела Джейсона и не слышала о нем ничего, кажется, с понедельника. Я ведь права, Джерри? У нас всю неделю было так тихо.

По дороге к Изадорос Барри вспомнил прошедший вечер в Хайгейте, когда Кэрол сказала, что звонила Бьюти, и та сообщила, что Джейсон у Айрис.

Однако он все равно направился к двойному дому. Кэрол могла что-то перепутать или соврать. Она не была прирожденной лгуньей, однако могла солгать запросто, чтобы не испортить ему и себе вечер.

Подобная слабость, вполне невинная и свойственная человеческой натуре, придавала ей еще больше обаяния в ее глазах.

Бьюти сама подошла к двери, ступая тяжело. Младенец Келли помещался на прикрепленном к ее рыхлому бедру сиденье.

— Джейсон у своей няньки, Барри. Карен передала его няньке примерно в половине третьего вечера.

Вот тут Барри впервые начал нервничать.

— Айрис не брала его к себе. Я только что был у нее.

— Тогда, значит, он у своей тетки Морин. Возможно, я ослышалась, и Карен говорила именно про Морин.

Джейсон никогда не ночевал у Морин. Морин не любила детей. Она любила свой дом, а особенно обожала своего супруга Ивана. Ей исполнилось всего двадцать шесть, а женаты они были уже девять лет. За эти девять лет она превратила свой трехэтажный домик с террасой на Уинтерсайд-роуд в маленький дворец.

Они с Кэрол были не похожи, но любой мог догадаться, что они сестры. Было что-то одинаковое в округлости их лиц и в том, как росли у них волосы на макушках. Но у Морин волосы не вились, одевалась она неряшливо и была плоскогрудой. Она напоминала Барри какую-то птицу, увиденную им в зоопарке, куда он однажды водил старших детей Кэрол.

— Кэрол не следовало бы заводить детей, если она не способна вести им учет.

Видимо, до прихода Барри она занималась глажкой, и из дома тянуло удушливыми запахами горячего утюга, сырого белья и мешаниной разных ароматизирующих жидкостей.

— Беспорядочных ребят, таких, как ее дети, часто убивают. Такое постоянно показывают по телевизору.

— Боже упаси, что ты говоришь!

— Кто-то похитил его, я уверена. Не знаю уж, с какой целью. Но по собственной воле малыш бы не шлялся всю ночь...

После этого Барри набрался духу позвонить Кэрол в бар.

На прекрасную Кэрол было жалко смотреть.

— Я не могу сказать легавым, что не видела его со вчерашнего утра. У меня язык не повернется. Что они мне наговорят, Барри? Ты знаешь, какие они все куски дерьма. Что они сделают со мной?

— Я не знаю, — сказал Барри, ощущая себя юным и беспомощным.

— О Дэйв! Дэйв! Зачем ты погиб? Почему ты оставил меня одну? — Кэрол перешла на крик. — Почему ты не присматриваешь за мной?

Барри дотронулся до нее рукой.

— Я буду присматривать за тобой.

Деннис Гордон, один из бывших любовников Кэрол, обеспечил ей дом.

Барри был много о нем наслышан. Когда Деннис Гордон не сидел в особняке, который выстроил себе на Милл-Хиллуэй или не пропадал где-то, занимаясь своими таинственными делишками, его обычно можно было отыскать в баре, где работала Кэрол. Сейчас он подвез ее домой с работы.

Серебристый «Роллс-ройс» лишь мелькнул за окошком, выпуская Кэрол, а сам хозяин поражающего воображения автомобиля в дом не зашел.

Кэрол явилась бледная как смерть. Она долго слизывала с губ помаду, чтобы выглядеть скромнее.

Барри стоило больших усилий уговорить ее пойти в полицию. Они должны сообщить об исчезновении Джейсона, другого выхода не было.

Наконец она, стиснув зубы, согласилась, поднялась наверх, переделалась и спустилась, облаченная в серую фланелевую юбку, черный свитер и желто-коричневый плащ, которого Барри раньше не видел. Такая одежда как бы прибавила ей возраст и делала похожей на ее сестру, Морин.

Барри надеялся, что Кэрол представит его полицейским как своего жениха, но она вдруг заявила, что он просто ее сосед и снимает свободную

комнату через стенку.

Барри не обиделся. Вполне естественно, что Кэрол, самостоятельно ведущая борьбу с жизненными трудностями, желала предстать в глазах властей уважаемой особой. Никто не поверил ей, что Барри просто сосед по дому. Какой мужчина при виде Кэрол поверит, что у нее нет возлюбленного?

Поиски Джейсона начались на исходе той же ночи. Барри принял в них участие — его не отвергли поначалу. Детективы допросили всех — и его, и Кэрол, и Айрис, и Карен, и старуху Изадорос, соседок и всех девчонок и мальчишек, обитающих в этом квартале.

Наконец после той роковой среды настала не менее роковая пятница. Около одиннадцати утра Кэрол, Барри, инспектор Лэтхем и молоденький констебль собрались на углу Редъярд-гарденс и Лордшип-авеню и рассматривали нечто бесформенное — комок, облепленный грязью и мусором, торчащий из водосточной трубы под каменной стеной.

Барри сразу опознал его. Он отмывал этот предмет стиральным порошком на прошлой неделе, после того, как Морин укорила их, заметив, с чем играет Джейсон.

— Это позор, Кэрол. Это уже не животное, а какое-то грязное чудовище, источник заразы. Если не ты, то я сама отберу его у Джейсона и сожгу.

Кудрявый барашек был сделан из нейлона. Рождественский подарок от Алкими, жены Костаса, владельца винного бара и работодателя Кэрол. Кэрол, поглядев на это серенькое уродство, разразилась воплями.

— Это его барашек! Это любимый барашек Джейсона! Он с ним не расстается!

Что ж, это стало первой уликой в уголовном деле, заведенном по поводу исчезновения ребенка.

Суперинтендант Треддик, как и инспектор Лэтхем, не вернулись в комнату для допросов. Вместо себя они прислали сержанта. Сержант объявил Барри, что если ему не надоело просиживать стул, он может сматываться отсюда, и тот поспешил домой. И он, и Кэрол на работу безнадежно опоздали, но им не удалось побыть наедине ни минуты. Айрис с Джерри и Морин с женихом Иваном толклись в их квартирке все выходные, а еще постоянно заглядывали соседи.

Кэрол никогда не общалась, например, со Спайсерами, владельцами домика по соседству, которые держали кроликов старой английской породы, и Джейсон заглядывался на них через заборчик, и теперь, когда

Кейт Спайсер навестила ее, Кэрол рыдала у нее на плече.

Пойдя немного просвежиться по Саммерскилл-роуд, Барри наткнулся на «Роллс», припаркованный неподалеку от дома Кэрол и застал с полдюжины ребятишек — хотя среди них ни одного из потомства Изадорос, которые уже вооружились гвоздями, чтобы исцарапать слишком уж роскошную, по их мнению, машину. Они смотрели на Барри отчужденными взглядами, ничуть его не испугавшись, и молча ждали объяснений по поводу исчезновения малыша, а раз их нет, то он, следовательно, в чем-то виновен. Барри разозлился на это молчание и посчитал унижительным для себя охранять оставленную без присмотра собственность, и не разогнал их, а молча продолжил свою печальную прогулку.

Деннис Гордон о чем-то беседовал с Кэрол, и Костас присутствовал при этом.

Гордон привез Кэрол охапку роз, завернутых в скрипучий целлофан и обернутых серебристой лентой. Костас расщедрился на две большие бутылки рислинга. Хотя ему не было еще сорока, лицо его напоминало старую потертую кожаную сумку. Хоть он и красил свою седину в гуталиново-черный цвет, усики, которые он упорно отращивал, предательски выдавали его, и никакая краска с ними не справлялась. Одевался он всегда в светлые костюмы, и сегодня был облачен в бледно-желтый, цвета детского поноса, но поддел под него черную рубашку, как у молодчиков Муссолини.

Деннис Гордон, о котором Барри слышал неоднократно, но ни разу не видел воочию, оказался высокого роста брюнетом с острым удлинненным подбородком и спрятанными под нависшими бровями глазами.

На пальце у него было кольцо с печаткой, которое выглядело скорее как природный слиток серебра, а не художественное изделие, но скорее всего это была платина.

Кэрол со смехом предупреждала Барри, что это кольцо — не забава и не украшение, а смертельно опасное и не раз употреблявшееся в схватке оружие. Кэрол говорила об этом с придыханием. Оно не только пугало ее, но и одновременно возбуждало.

На взгляд Барри, Деннис выглядел помесью типичного гангстера и огородного пугала. Ходили слухи, что он пристрелил свою первую супругу и отделался легко. Развод обошелся бы ему гораздо тяжелее.

Увидев Барри, Деннис поводит головой из стороны в сторону, как статуя, у которой в шее спрятан вращающийся механизм. Он хрипло спросил у Кэрол, может ли он быть ей чем-то полезен. Пообещал сделать

все, что в его власти. Его сердце болит от ее потери.

Так же болело сердце и у Барри.

Когда Гордон заявил, что Кэрол одна на белом свете, без всякой помощи, Барри подал голос. Больше всего его оскорбило, что Кэрол назвала его жильцом.

— Она не одна. Мы вместе...

Гордон поднес сжатый кулак ко рту и куснул кольцо. Барри смог оценить его размеры.

— Я видел тебя по ящику, — обратился Деннис к Кэрол. — Ты там смотрелась совсем неплохо. Им стоит предложить тебе работенку на студии.

Кэрол выглядела польщенной.

Барри прошел в кухню. Он заварил себе чай, но не возвратился с ним в гостиную. Каким-то образом он сразу понял, что эти двое лишь посмеются над его чашкой чая. Проживи они хоть миллион лет, к чаю они не притронутся. Деннис Гордон наверняка употребляет лишь бренди высшего качества.

Когда он удалился, на смену ему явилась Айрис. Та не пила чай из принципа. Был откупорен рислинг.

— Они начали прочесывать канал. Я сама видела, — сообщила она.

Кэрол широко распахнула глаза, тотчас увлажнившиеся слезами, и поднесла сложенные ладошки ко рту. Барри был готов убить Айрис за подобную новость.

— Это обычное дело, — сказал он. — Так мне сказали в полиции.

Айрис закурила. Ее пальцы давно пожелтели от никотина, а брови и ресницы явно пострадали от неаккуратного обращения с зажигалкой в нетрезвом состоянии. Зубы были также прокуренные.

— Там иногда появляются лебеди... на канале.... Он такой маленький глупыш. Мог попытаться поймать лебедя.

Она говорила так, будто Джейсон уже покойник. Барри иногда удивлялся, обладает ли Айрис какими-то душевными свойствами, присущими человеку, — тактом, сочувствием, отзывчивостью, и как она живет, лишенная этих чувств. Вероятно, неудачный брак выхолостил ее душу.

Кэрол взяла у матери сигарету и сама закурила. Ее бледное личико немного порозовело. Она не наложила на себя косметики, и Барри понял, насколько сильно она тревожится о Джейсоне.

Ее тревога, вместо того чтобы сблизить их, отделила друг от друга. Тот роковой день был пиком их близости, а потом все пошло под откос.

Кэрол устроилась с ногами в тесном кресле, обхватив руками колени, в джинсах и сером свитере, который навевал на него тоску, и он просил не надевать его. Сейчас она выглядела совсем молоденькой и очень несчастной девочкой.

У них не было ни одной фотографии Джейсона, чтобы отдать полиции. Кэрол прямо глянула в глаза инспектору Лэтхему и заявила:

— У меня слишком мало денег, чтобы баловаться фотографированием.

Зато газеты не пожалели денег, чтобы снять ее и опубликовать портреты во всех изданиях. Кэрол появилась даже на первых страницах пары солидных газет, и выглядела хотя и несчастной, но очень красивой. Барри приберег эти газеты. Он будет хранить их как иконы.

Вероятно, это было кощунством. В глубине души он переживал из-за пропажи Джейсона, но, по правде, больше беспокоился о Кэрол. Если честно, он Джейсона не любил, а принимал его, как дополнение к Кэрол. Барри не был ему настоящим отцом. И сейчас, разглядывая Кэрол и Айрис, распивающих рислинг, он думал не о пропавшем мальчике, а о том мужчине, который заронил семя в лоно его любимой женщины.

Пока Джейсон жил с ними, Барри особенно не задумывался над тем, кто его истинный отец, но исчезновение мальчика подтолкнуло Барри на поиски истины.

Он решил задать Кэрол прямой вопрос — от кого она в действительности родила Джейсона. Для этого ему надо было поскорее сплавить Айрис из дома и остаться с Кэрол наедине.

Мопса была горда собой, как никогда.

— Я забрала и его прогулочную коляску. Я сумела ее сложить и засунуть в багажник машины.

— Где она?

— Господи! Ну конечно, там же.

— Ты что, серьезно полагала, будто мне нужен ребенок, все равно какой, словно новая кукла, словно другой щенок, вместо умершего?

— Это — не просто любой ребенок, — возразила Мопса. — Я разыскала тебе мальчугана того же возраста и тоже блондина.

Бенет прошептала едва слышно:

— Щенка той же породы.

Джейсон подошел к ней, чтобы его освободили от пальто... пальто, принадлежавшего Джеймсу. Их размеры полностью совпадали. И пол, и возраст, и цвет волос. Бенет вспомнилось изречение папы римского Григория: «Не все, походящие на ангелов, — ангелы».

Мопса не разбиралась в ангелах. Она привезла то, что нашла без присмотра по дороге.

Бенет взяла Джейсона за руку и отвела в кухню. Мопса тихо, как кошка, кралась за ними, опасаясь сделать неверное движение, произвести лишний шум, вызвать чем-то гнев Бенет, и краешком глаза настороженно наблюдала за нею. Сегодня ее лицо приобрело заискивающее выражение, напряженное в тревожном ожидании, насколько сурово с ней обойдется дочь.

Джейсон сразу же занялся рисованием, заполняя причудливыми линиями один за другим чистые листы. Полиция по всей стране разыскивала его, думала Бенет, и подозревалось самое худшее: насилие, издевательства, убийство. А мальчик все это время спокойно проводил здесь, рисуя картинки, выходя на прогулки. И, видя свою мать по телевизору, безуспешно пытался коснуться ее.

Робкая рука, слегка трепеща, легла на плечо Бенет. Мопса склонилась и изогнулась так, чтобы заглянуть снизу вверх дочери в глаза. Это было похоже на дурацкий шарж — ребенок просит прощения у взрослого. Выглядело это карикатурно. Взгляд Мопсы был пустым, безо всякого огня разума.

— Я сделала это для тебя, Бриджит.

— Я знаю. Ты уже говорила это не раз. — Бенет сдерживалась, насколько позволяли ей силы и нервы.

«Я не могу ненавидеть свою мать», — твердила она себе, как молитву, заученную с детства.

— Вопрос в том, позвонить ли мне сейчас в полицию или самой отвезти на машине мальчонку туда. Последнее будет правильнее. По телефону они ничего не поймут.

— Ты не должна так поступать, — сказала Мопса. — И не поступишь.

— Почему? Что меня удержит?

— Тебе не надо обращаться ни в полицию, ни к его родителям. Ты заранее знаешь, что они тебе скажут, Бриджит.

Теперь в лицо Бенет заглядывала не робкая Мопса, а хитрая лисица. Ее носик стал хищным и словно что-то вынюхивающим. Она отодвинулась от замершей на месте Бенет и прошла к Джейсону, который, сидя на полу, молча черкал что-то на бумаге.

Он съежился, словно ожидая удара, но Мопса лишь придавила его крохотное тельце коленом к полу, будто победительница в схватке борцов.

— Ты знаешь, что про тебя скажут. Что ты украла ребенка, чтобы восполнить свою потерю... Известная ситуация. За это многих женщин сажали в сумасшедший дом. Я читала о таких случаях. А раз ты знаменитость, написала какую-то книжку и люди о тебе знают, для газетчиков эта история станет лакомым кусочком.

Джейсон вывернулся из-под Мопсы. Он разумно наметил план бегства. Скорее вверх, в гостиную, где стоял телевизор. Бенет сразу угадала, к чему он стремится.

— Это не мой поступок, — сказала Бенет матери. — А твой.

— Кто тебе поверит?

— Пospорим? Печально, но у меня нет выбора. Я должна рассказать всем о твоей душевной болезни.

Мопса усмехнулась. Ей было не страшно. Слишком поздно Бенет сделает заявление в полицию. Все улики похищения Джейсона, включая коляску в багажнике ее машины, Мопса преподнесет инспектору, и это произведет жуткий эффект. Кто из них более безумен, мать или дочь?

— Не я похищала его, а ты, Бриджит! Ты поступила так от отчаяния.

— Нет, привезла этого уродца сюда ты!

— Кто докажет? Где свидетели? А всю вину ты сваливаешь на меня, пользуясь моей болезнью.

«Ты не должна ненавидеть свою мать», — твердила заповедь Бенет, но готова была ее задушить.

Бенет радовалась, что Джейсон не был свидетелем того, что произошло дальше между матерью и дочерью. Хотя он мог слышать громкий вой безумной женщины. Мопса попросту разинула свой рот так широко, как только могла, и истошно заголосила. Бенет никогда не слышала и не видела ничего подобного. Чтобы не оглохнуть, она инстинктивно закрыла ладонями уши и замерла, парализованная силой этих могучих децибел.

— Мать, остановись! Замолчи, пожалуйста! — произнесла ли это Бенет, или только пошевелила губами, осталось неизвестным.

Мопса не умолкала. Она упала на колени, обвив цепкими руками ноги дочери, и, не набирая новые порции воздуха в легкие, взывала оглушительно и мерзко к чему-то таинственному, вроде полицейской сирены в ночи, пока не исчерпала себя.

— Мать, я дольше этого не выдержу, — тем временем умоляла ее Бенет.

На какой-то краткий момент она поддалась страху. Кожа покрылась мурашками, волосы встали дыбом. Не заразилась ли она сейчас от матери ее безумием?

Она поспешно подняла Мопсу с колен, встряхнула ее, хотя результата это не принесло. Мопса вырвалась из ее рук и распласталась на полу стуча кулаками по полу и выкрикивая:

— Они покончат со мной! Они заставят тебя покончить со мной! Они определяют меня в сумасшедший дом навсегда... Поставят клеймо до конца жизни. Я уже никогда оттуда не выйду. Я умру там!

— Не говори глупостей. Я им не позволю.

— Ты не сможешь, если проговоришься. Будет суд, и суд решит. Я предстану перед судом, и меня приговорят и отправят навсегда к психам.

Она вновь обретала силы и кричала все громче. Но, находясь в истерике, рассуждала вполне логично.

Бенет давно поняла и запомнила фразу, что только дурак не распознает в безумце безумца. Если Мопсу и ее сочтут соучастницами в похищении Джейсона Статфорда, то и сама Бенет будет подвергнута психиатрической экспертизе, и неизвестно, к чему это приведет.

— Мать, прошу тебя, заткнись.

Бенет вновь постаралась поднять ее с пола и поставить на ноги. В этот момент Джейсон спустился, приоткрыл дверь и осторожно заглянул в комнату, откуда исходили крики. Внезапно Бенет осенило, что самое непростительное, совершенное ими сейчас, — это то, что они сделали мальчика предметом их внутрисемейных разбирательств.

Она кинулась к нему, как к спасителю, сказала, что все в порядке, что бояться нечего, хотя сама была не очень уверена в этом.

Бенет сомневалась, что, изолировав мать в одной из комнат, она поправит дело. Ведь та способна на всякое, и хаос и ущерб, который могла сотворить безумица, не прогнозируем. Запереть ее — не лучший выход из положения.

Мопса перестала кричать, а ограничилась жалобными завываниями. Она скорчилась на стуле, превратившись в маленького, вроде бы беспомощного, но опасного и затаившего злобу гномика.

И опять все та же мысль терзала Бенет. Она — моя мать, и я могу одним звонком по телефону засадить ее в сумасшедший дом до конца жизни. Но никакая сила не заставила бы Бенет так поступить.

Ситуация, в которую она попала из-за Мопсы, вычерпала из нее всю энергию.

Когда был жив ее сын, Бенет способна была за него бороться, защищать его, радоваться ему.

На мгновение Джейсон представился ей ожившим Джеймсом, ее руки потянулись к нему, чтобы обнять, но тут же бессильно упали. Ей захотелось, чтобы он сгинул прочь немедленно, но врожденный такт и чувство справедливости, а также еще нечто иное удерживали ее от решительного поступка.

Терпимость и корректность по отношению к любимым людям, а тем более к ребенку, были свойственны ей, но неприязнь, которую Бенет испытывала к этому маленькому существу с того момента, как Мопса бесцеремонно водворила его в столь дорогие ее душе стены, сохранилась. Тут она ничего не могла с собой поделать.

Почему бы ей не сорваться с места немедленно, переночевать где-то в отеле, умчаться за границу и оставить Мопсу одну расхлебывать заваренную ею же кашу? Звонок из аэропорта в полицию насчет местонахождения Джейсона мгновенно решит главную проблему.

— У меня нет водительских прав! Что, скушала? — со злобным ехидством произнесла Мопса.

— Что ты имеешь в виду?

— У меня их отобрали еще до того, как мы с твоим отцом переехали в Испанию. Я больше их не возобновляла. Твой отец сказал, что мне опасно водить машину, — Мопса с присущим ей актерским мастерством изобразила смирение. — Полицейские сразу узнают, что я не имею прав. Они сразу поймут, что я слишком слаба, чтобы схватить и похитить такого крепыша.

Бенет молчала в ошолбенении, а челюсти Мопсы, как африканские барабаны колдунов, отбивали чудовищную дробь.

— Я скажу им, что не умею водить машину, продолжала она. — Тогда как ты, дочка, оправдаешься, что мальчишка оказался здесь у тебя со своей коляской? Пешком что ли я катила его сюда полторы мили на виду у всех? Кто тебе поверит? Я всегда ненавидела детей. Как ты можешь обвинить меня в похищении ребенка?

Да, было слишком поздно. Обстоятельства складывались против Бенет. Речь Мопсы повергла ее в пучину отчаяния.

И самым страшным была убежденность в словах Мопсы.

— Не я украли ребенка, а ты. Я поклянусь в этом хоть под присягой. А ты хочешь свалить все на меня.

Стараясь не слышать слов матери, Бенет уговаривала себя, что не имеет права ненавидеть ту страшную женщину, которая ее родила.

Она растворила две таблетки валиума в чашке кофе, чтобы заставить Мопсу заткнуться.

Джейсон был голоден и явно ждал, чтобы кто-нибудь из женщин его накормил.

Мопса полезла в духовку и достала оттуда давно засохший пирог со следами зеленой плесени. Ужаснувшись виду такого угощения и устыдившись истерики, разыгравшейся на глазах у мальчика, Бенет спешно ополоснула себе лицо холодной водой.

Головная боль немного отпустила, восстановилась способность держать Мопсу в узде и чего-нибудь сунуть в рот голодному мальчишке.

Джейсон перекусил — не так уж дом был пуст, затем он подремал, и потом они втроем отправились на прогулку до реки и обратно.

Бенет понимала, что после установления личности Джейсона ей в любое время следует ожидать звонков от властей и воображала, что за каждым кустом прячется полисмен. Но прогулка прошла тихо и спокойно.

Бенет не затевала с Мопсой никаких разговоров на острые темы и старалась не волновать себя.

Но через десять минут после того, как они вернулись с прогулки, раздался звонок в дверь. В воображении Бенет сразу предстали фигуры двух полицейских с ордером на обыск и понятых, мрачно и непреклонно переступающих через порог, несмотря на все протесты и угрозы вызвать адвоката. Но на пороге оказалась всего лишь религиозная сектантка, распространявшая душеспасительную литературу.

Последняя истерика истерпала все силы Мопсы. Она уснула перед включенным телевизором, где как раз показывали прочесывание

замусоренного канала под Китайским мостом.

На заднем плане Бенет разглядела очертания знакомых домов на Уинтерсайд-роуд, где она жила вместе с Мэри и Антонией, а ближайшим их соседом был Том Вудхаус. Для Джейсона мелькающие на экране кадры ничего не значили. Если он и узнал Китайский мост, зеленые лужайки и высокое здание вдалеке, то остался равнодушным. Казалось, его больше интересовала спящая Мопса. Рот ее был приоткрыт, и оттуда вырывался храп, столь разнообразный, что напоминал целый оркестр и мог рассмешить не только ребенка, но и взрослого.

Джейсон послушал еще, как музыкально храпит Мопса, и обратил свою мордочку к Бенет. Настало время и ему укладываться спать. Ей подумалось, что следует искупать его. Почему бы и нет? Завтра на рассвете она доставит его в полицию, не извещая об этом Мопсу. Но ей хоть будет не стыдно, что она соглашалась держать в доме пленника, заботы о котором полностью доверила своей безумной матери, а сама полностью устранилась. словно это было не живое существо, ребенок, а какая-то тварь, вползшая в ее дом-крепость. Переживания по поводу утери Джеймса будут ли ей засчитаны?

Джейсон присел на край ванны, и Бенет стала раздевать его. Он был нетерпелив. Ему хотелось, чтобы скорее была пущена вода.

Обнажив его тельце, она непроизвольно вскрикнула. Под рубашкой обнаружили царапины — старые, заживающие, и новые синяки и раны. С ним обходились жестоко — били не только руками, но и тяжелыми предметами.

Кто-то прижег его сигаретой.

Живя когда-то в том районе, Бенет видела наркоманов, истязавших малышей, просто так, из садизма, или требующих украсть для них нечто ценное из дома для покупки дозы наркотиков. Этот мир был ей известен понаслышке и издалека, но никогда не представал воочию.

Чтобы кто-то гасил сигареты о тельце мальчика, такого Бенет не могла представить.

Она наполнила ванну и осторожно опустила ребенка в теплую воду. Ему было приятно, а она не могла смотреть на это израненное тельце.

Слезы потекли у нее из глаз, слезы раскаяния за то, что жила в неведении и была слишком эгоистична.

Горе по умершему Джеймсу как бы слилось с болезненным сочувствием к этому несчастному заброшенному существу. Она положила руки на край ванны, уткнулась в них лбом и разрыдалась, уже не сдерживаясь.

Джейсон вскочил, расплескивая воду, и закричал:

— Нет! Нет! Нет!

Почему-то ее плач вызвал в нем бурный протест. Бенет промокнула слезы полотенцем, постаралась сдержать всхлипывания.

Наблюдая за ней внимательно, Джейсон дождался, когда она вроде бы совсем успокоилась, и только после этого взял с полочки кусок мыла и с мрачным видом протянул ей, безмолвно отдавая приказ помыть его. Выражение его лица было серьезным, совсем как у взрослого.

Этажом выше в другой ванной были сложены резиновые и пластмассовые игрушки Джеймса. Купая Джейсона, старательно обходя или едва касаясь израненных мест, Бенет думала, что мальчику они быгодились. Но видеть, как он будет забавляться с игрушками, она была не в состоянии. Несмотря на царапины и ссадины, ее неприязнь к нему вдруг возникла вновь. Он причинил ей столько забот, заставил прожить столько ужасных минут, что избавиться от него стало бы великим облегчением, к каким бы неприятным для нее последствиям это не привело.

Ранним утром, предварительно убедившись, что Мопса и Джейсон еще спят, Бенет поспешила к станции метро за газетой. История пропавшего мальчика занимала всего три абзаца на второй полосе. Упоминалось, что мать Джейсона имеет еще двух детей — оба находятся на попечении местных властей. Она овдовела четыре года назад, и последние шесть месяцев сожительствует с мужчиной на восемь лет ее моложе. Ничего не писалось о возможном убийстве, никому не предъявлялось никаких обвинений. Не было даже намека на то, что кого-то собирались привлечь к ответственности.

Она отыскала открытое в такую рань кафе и, читая газету, выпила кофе и заставила себя съесть пару тостов. Это напомнило ей те далекие дни, когда она жила на Уинтерсайд-роуд, пробуя свои силы в независимой журналистике, еще до знакомства с Эдвардом.

Посещение кафе было основным времяпрепровождением, знаком ее полного освобождения от житейской рутины, когда ничто не давило на нее, не указывало, каким путем идти и как надо беречь время.

Туда, в тот период, она уже никак не могла вернуться, даже если вообразить, что Джеймс вовсе и не рождался. Все равно его призрак закрывал ей дорогу в прошлое.

Как только открылся книжный магазин на Хай-Хилл, она вошла туда, отыскала отдел психологии и купила две книжки в бумажных обложках —

«Синдром жестокого обращения с ребенком» и «Неведомая цель: Что толкает взрослого на издевательства над ребенком».

Ощущение, что полиция поджидает ее где-то поблизости, следит за ней, ушло. По сравнению со вчерашним днем она чувствовала себя совершенно иначе, и мир вокруг выглядел другим. Пропало садистское желание, тщательно спрятанное в тайники души, — увидеть, как жуткие чудовища-полицейские прижигают сигаретами Мопсу, пытаясь у нее признание.

Возвратившись домой, она застала Джейсона на полу кухни за рисованием. У него получилось нечто, похожее на женщину с кудрявыми волосами. Мопса протирала лакированную мебель по всей комнате, напевая себе под нос какой-то церковный гимн. Она высказала недовольство — хоть и весьма сдержанно — тем, что Бенет ушла, не оповестив ее, и поэтому они с Джейсоном беспокоились о ней.

«Что мне делать?» — размышляла Бенет. На обдумывание оставалось все меньше времени. — «Хочу ли я увидеть собственную мать на скамье подсудимых? Какова бы она ни была, но, к несчастью, по документам она моя родная мать. Готова ли я отправить ее в тюрьму или навечно в сумасшедший дом? Не думаю, что я выдержу всю эту процедуру от начала до конца».

Бенет устроилась на стульчике у окна и раскрыла первую из двух приобретенных ею книжек. Описанные в «Синдроме» истории из жизни читать было не только больно. Они мгновенно ввергали в депрессию. Самая длинная и самая насыщенная подробностями история была о мальчике, которого автор, скрывая его настоящее имя, по жуткому совпадению окрестил Джеймсом.

Мопса облачила в голубой дождевик, повязала голову шарфом и вывела Джейсона на прогулку.

Телефон звонил дважды, но Бенет не брала трубку. Было невозможно даже вообразить разговор с кем-то посторонним, из внешнего мира, не связанным с ее замкнутым мирком. Или говорить с тем, кто не знал бы, что случилось с Джеймсом...

— Когда ты думаешь возвращаться домой?

Мопса дернулась, будто ее ударили.

— Ты так торопишься избавиться от меня?

— Когда тебе надо в больницу?

— В пятницу утром.

— Значит, самым правильным будет, если ты улетишь в субботу, —

решила Бенет. — Не сочти, что я выгоняю тебя, но мы должны что-то предпринять по поводу этого ребенка. Причем ради твоего же блага. Я подожду, пока твой самолет взлетит, а затем передам его полиции. Тебя уже не будет в стране. И, чтобы успокоить тебя, скажу, что у нас с Испанией нет договора об экстрадиции. Они не выдадут тебя английским властям.

— Но у меня обратный билет только на среду следующей недели.

— Я куплю тебе билет на субботу.

— Ты готова потратиться? Ведь это самолет, а не автобус.

Бенет промолчала. То, что она повела себя так решительно, ей самой показалось чудом. Для чего были все ее сомнения и терзания, в результате которых она пришла от отчаянного желания немедленно вернуть Джейсона семье к хладнокровному выводу, что надо продержат его в своем доме еще четыре дня. Зачем? Для спасения Мопсы от унижения, от судебной процедуры и заслуженного наказания?

Частично, да. Но была еще и другая причина, чтобы не торопиться с возвращением Джейсона.

Весь вчерашний день, урезонивая Мопсу и даже дойдя до грани яростной ненависти и собственного нервного срыва, Бенет все-таки думала о матери мальчика, о женщине примерно ее лет, выступившей по телевизору с просьбой вернуть ей сына. Конечно, со стороны Бенет было чудовищно жестоко держать эту женщину в напряжении, в неведении лишний день, лишний час, даже лишний миг.

Но потом она, купая Джейсона, увидела следы побоев и пыток на его теле, а затем прочла книжки, которые ей на многое открыли глаза.

И она собирается как можно скорее вернуть его в тот же мир? В качестве злодея ей рисовалась не столько Кэрл Стратфорд, а скорее ее двадцатилетний приятель, Барри Махоун. В книжках приводились истории о молодых отчимах и сожителях. Бенет мысленно составила портрет этого Барри, здорового, привлекательного внешне, но, вероятно, безграмотного, тупую скотину с могучими кулаками. Возможно, крепко пьющего, склонного к насилию.

Ребенок вполне мог раздражать такого типа, тем более рожденный не от него.

Разве она не видела собственными глазами на нежной детской коже ожоги от сигарет и шрам, оставленный после удара каким-то острым предметом?

Ей нужно было время, чтобы как следует подумать. За эти четыре дня она выработает решение, как обставить возвращение Джейсона в семью. Кто-то должен быть извещен, какому обращению подвергался мальчик

дома. У самой Бенет позиции слишком слабые, чтобы надавить на его родных и начать против них наступательные действия. Но возврата к прежнему не должно случиться. Иначе мать не получит своего сына обратно.

Сердце Бенет ожесточилось против Кэрол Стратфорд. Мопса была объектом ее тревоги и дочернего сочувствия, собственное состояние внушало ей беспокойство. Джейсон был беззащитной жертвой, и Бенет не могла не жалеть его, но Кэрол, у которой двое старших детей уже были отняты по закону, стала заочным врагом Бенет.

Джейсон числился пропавшим уже целую неделю.

Барри должен был как раз в среду вернуться на работу. Если бы Джейсон являлся его ребенком или брак с Кэрол был официально зарегистрирован, Барри имел бы право взять отпуск за свой счет и предоставить Кену мрачную перспективу вкалывать без напарника. Но подводить Кена без достаточных оснований ему не позволяла совесть, а тем более переход в категорию безработных не сулил ничего хорошего. Работа везде отыскивалась с трудом. Кен, разумеется, крепко подумает, но потом, со свойственным ему тактом, намекнет, что есть новая кандидатура напарника, а может, решится работать самостоятельно.

Барри предложил Кэрол оформить их брак. Это предложение исходило от него не впервые, а повторялось уже раз пять-шесть. Они были близки, как два моллюска в одной раковине, но с пропажей Джейсона что-то между ними разладилось. Они уже больше не занимались любовью. Ему не доставляло удовольствия касаться ее тела, хотя в сексуальном плане Кэрол была по-прежнему агрессивна. Она хотела его, а он ее — нет.

У Кэрол был солидный запас снотворного, и она глотала его с радостью, когда у них ничего не получалось.

Часто Барри приподнимался на кровати и смотрел на спящую женщину, любуясь ее разметавшимися кудрями. И боялся разбудить ее, чтобы она не спросила, кто ты такой и почему лежишь со мной рядом в одной постели?

Перейдя Китайский мост и вновь увидев свет в их окошке, он был все еще счастлив. Он застал ее нарядно одетой, накрашенной в меру — ту Кэрол, которую любил уже полгода.

Ничто не мешало им провести отличный вечер. Но почему не дома? Барри даже не решился признаться, что рассчитывал поужинать вдвоем. У них давно лежала в холодильнике копченая индейка, а бутылку турецкого вина он купил по дороге.

— Давай поженимся, Кэрол, — сказал он. — Если мы примем такое решение сейчас, то через три недели официально будем мужем и женой.

Она выдержала паузу.

— Если ты станешь моим мужем, я уже не смогу опираться на другое, более крепкое плечо.

— Я уж как-нибудь позабочусь о тебе.

— Ты и так заботишься. Что изменится в моей жизни?

Она пожелала уязвить его.

— Не твой ребенок пропал. Может, ты специально его убил.

Барри был настолько влюблен в нее, что простил ей страшное обвинение.

— Все наладится, когда мы будем женаты.

Она заткнула ему рот, словно кляпом.

— Ребенок выходит из нутра матери, а мужчина только трахает ее и забывает, что ему достается лишь удовольствие. Тебе ничего не стоит сделать мне своего ребеночка взамен чужого.

Он уговорил ее пойти к доктору на следующий день, и тот прописал ей транквилизаторы.

Под ручку они прошлись по Уинтерсайд-Даун. Впервые за всю неделю она прильнула к нему, и Барри был по-глупому счастлив.

— Ты лгала, когда говорила, что мужчина не имеет отношения к родившемуся ребенку. Ведь Дэйв, погибший в Боснии, до сих пор любим тобой, и свою любовь к нему ты перенесла на ваших детей. Разве я не понимаю? Ты видишь отражение Дэйва в Райане и в Тане.

— Джейсон больше всех походил на него.

Зачем надо было затевать эти сложные разговоры? До знакомства с Кэрол Барри вообще ограничивался дюжиной слов, и это его вполне устраивало. А теперь он осознал, что такое счастье, и захотел его добиться.

Быть счастливым. Не просто сытым, отдохнувшим и слегка навеселе, а именно счастливым. Но за это надо бороться.

Барри почувствовал, как ее рука крепко сжала его руку и подумал, что она обнадеживает его, хотя по-прежнему полна печали.

Он взглянул ей в лицо, но увидел, что оно обращено не к нему. Кэрол смотрела, как издали приближались к ним члены семейства Изадорос — Бьюти с коляской, где подпрыгивала Келли, и Карен с Диланом, сопровождающие ее, как эскорт.

Кэрол не виделась с Бьюти со дня исчезновения Джейсона. Бьюти, одетая во все отвратительно коричневое с зеленым, вдруг вызвала у Кэрол приступ раздражения.

— Прочь с моей дороги, жирная корова! — воскликнула Кэрол. — Ты только и делаешь, что портишь мне жизнь.

Бьюти распахнула невинные глаза.

— Да. Полиция приходила ко мне сегодня. Я сказала им об отметинах, которые могли быть на теле Джейсона, о которых ты умолчала при описании примет.

Барри был в растерянности. Он вырос в спокойной, дружной семье, и побои, а тем более истязания ребенка, были недоступны его пониманию. Давно прошли диккенсовские времена.

Но тут он столкнулся с настоящей женской дракой. Бьюти и Кэрол, шипя, как две кошки, вцепились друг в друга, и он едва успел их развести. Впрочем, из царапины, нанесенной коготком Кэрол, по щеке Бьюти потекла кровь.

Обе женщины истошно вопили, и Барри пришлось схватить Кэрол в охапку и отнести прочь на десять футов. Собрались соседи, с любопытством ожидая продолжения. В большинстве они были выходцами из других стран, и то, как дерутся англичане, являлось для них экзотическим зрелищем.

Барри потащил Кэрол домой, несмотря на ее протесты. Его сила превозмогла ее упрямство.

Какое счастье, что доктор дал Кэрол транквилизаторы. Она еще успела поговорить с Алкмини в пивной и просмотреть газету, принесенную Морин. Джейсон растворился в информации о тысячах детей, пропавших в Лондоне за последние пять лет. Правда, пока его имя было во главе списка.

Морин не сиделась на месте, и она скоро ушла в свою конуру, где ей было спокойно. У нее вызывали раздражение чужие дома. Заходя с визитом, она никогда не снимала пальто, вернее, плащ на все случаи жизни, который носила постоянно. Плащ дополняли коричневые туфли на размер больше, нелепо выглядящие на ее тонких лодыжках. Прическа у нее была такая, словно она подставила волосы под сильный душ, а потом, не вытирая, перевязав тугой лентой, оставила их сушить, не удосужившись коснуться гребенкой. В поступках Морин была нерешительна, зато передвигалась по комнате с молниеносной быстротой, хватая, теребя и переставляя с места на место попадающиеся под руку вещи, словно проверяя, есть ли под ними пыль.

Она повертела в руках «священное» фото Дэйва, будто впервые видела его.

Голос ее никогда не был ни громким, ни тихим. Все произнесенное ею было как-то однотонно и безжизненно.

— Почему ты не сделала аборт? — обратилась она к Кэрол.

Кэрол едва не убила ее взглядом, и в нем было столько ненависти, что Барри тут же представил, как ему будет плохо, если эта ненависть обратится на него.

— Ты мне сказала, когда Дэйв был еще жив, что не хочешь больше детей. Ты могла сделать аборт.

— Она испугалась, — вступилась за дочь Айрис, причем с таким видом, что только она обладает тайной, неведомой больше никому. — Ей страшно было подпасть под влияние обезболивающих средств. Вдруг колесо вновь бы закрутилось.

Барри по наивности подумал, что речь идет о транквилизаторах, прописанных ей сейчас врачом. Они как раз сейчас действовали на Кэрол, иначе она бы задушила Морин тут же на месте.

Кэрол упала на кровать, легкая и беспомощная, как газетный лист, который она только что прочла.

— Оставьте меня в покое! Завтра я приступлю к работе. Нечего вокруг меня толкаться.

— Правда! — поддержала ее Айрис. — Наша болтовня не вернет Джейсона.

Барри возмутился. Он сам боялся, что Джейсон мертв, и того же опасалась Кэрол, но Айрис уже похоронила его. Она приняла как должное, что ситуация разрешилась, и спокойно закурила сигарету.

— Работа отвлечет меня, — сказала Кэрол.

Барри был шокирован. Как может мать отвлечься работой, ничего не зная о судьбе своего ребенка? Они обязаны искать Джейсона — живого или мертвого, а если, к счастью, найдут живым, Кэрол уже не должна отпускать его от себя.

Он усиленно отгораживался от мысли, что Джейсон исчез навсегда.

Он не хотел, чтобы Кэрол вернулась в бар, к тем людям, с которыми он недавно повстречался. Но он не был ее супругом, не имел никаких прав, даже высказывать свое мнение.

Те люди были старше его и могли презирать юнца за проявляемую им ревность.

Он чувствовал, что Кэрол всегда была кошкой, которая ходит сама по себе. Как управлялся с ней Дэйв? Он был всегда грязный, пропахший соляжкой, и ей нравилось запускать в его грубую кожу свои коготки. Но наверняка он любил ее за элегантность, за маникюр, за роскошные кудри.

После ухода Морин и Айрис они, сидя рядышком, смотрели телевизор. Барри взял ее за руку, и она позволила ему сделать это. Программа была скучной. И его мысли опять устремились к Джейсону. Заявление Морин о возможном аборте вызвало в нем массу эмоций. Неужели Кэрол так любила Дэйва, что решилась на рождение третьего ребенка?

Они с Кеном обставляли офис на Финчли-Хай-роуд. Им повезло в том, что новый владелец хотел пустить пыль в глаза и заплатил за

дорогостоящие деревянные панели.

Через полчаса после начала работы за Барри явилась полиция. На этот раз не Треддик, а детектив Лэтхем и еще один человек, представившийся сержантом Доусоном. Кен выглядел, будто его огрели обухом по голове, когда напарника увели с работы под предлогом выяснения некоторых дополнительных обстоятельств.

Пока они ехали в машине, никто не произнес ни слова. Барри только заметил, что везут его не в известный ему полицейский участок, а за пределы знакомого ему района.

Он с ужасом подумал, что ему предстоит опознать тело мертвого Джейсона.

Огороженную желтыми полицейскими лентами часть квартала заполняла толпа враждебно настроенных зевак. Машина буквально ползком миновала этот участок.

— Что теперь нам скажешь, Барри? — спросил Доусон, когда они наконец добрались до какой-то комнатки для допросов. — Могу сообщить тебе, что желторотый придурок, по описанию соответствующий твоей внешности и одежде, был замечен тем вечером в среду на Редьярд-гарденс.

Это было в первый раз, когда они назвали его не по фамилии, а по имени. Возможно, Доусон применил такой способ, чтобы сразу ошеломить его.

Барри удивился вопросу. Кто его мог там видеть?

— Я там не был. Вы провезли меня на машине, и я впервые увидел это место.

— Однако ты знаешь про него, — вмешался Лэтхем.

— А как же ему не знать? Живет поблизости, гуляет там с Кэрл. Нашел там игрушку Джейсона, — Доусон бил его фразами, словно боксерскую грушу кулаками.

— Почему бы тебе не сокращать путь домой таким образом, вместо того чтобы шагать через Китайский мост?

Барри знал, почему он не шел этой дорогой. Дома там навевали на него уныние, а с Китайского моста он мог уловить огонек, ждущий его в окошке Кэрл. Но как объяснить это таким людям, как Лэтхем и Доусон? У них обоих были пустые глаза. Как сказать им, что Редьярд-гарденс — не сад, а мертвая улица, где живут мертвецы, а от сада остались только участки осыпавшейся кирпичной стены? Они подумают, что он насмотрелся фильмов ужасов и от этого спятил.

— На меня этот квартал плохо воздействует, — сказал Барри. — Там не на что посмотреть. Я люблю места, где кипит жизнь.

— Кипит жизнь? Вот как?

Из этих слов Барри Лэтхем сделал свои, зловещие выводы.

— Вот, значит, какую жизнь ты предпочитаешь? Более увлекательную? Чтоб все вокруг кипело?

Глаза у него уже не были пустыми. В них зажегся обвинительный огонек, хотя Барри до сих пор не понимал, почему так неловко стал себя чувствовать в обществе этих двух полицейских.

Однако предчувствие, что дела его плохи, овладело им.

Ищейки теперь не оставляли его одного. Они отказывались понять, что он не тот человек, который им нужен. Мать Барри давно определила, какой у нее чувствительный сын, как на него влияет окружающая атмосфера, и что он способен навоображать такого, чего вовсе не было, если сильно на него давить. Им же не верилось, что простой рабочий парень обладает какими-то чувствами. Для них они все были на одно лицо — безмозглые скоты. Нароботался, накачался пивом с виски и пошел громить все вокруг, мстить за свою неудавшуюся жизнь.

Барри понимал своих дознавателей лучше, чем они себя. Он заранее знал их мнение о себе. Они спрашивали его об улицах, по которым он проходил. Он отвечал им честно, а они не понимали, почему у него создавалось то или иное впечатление.

Их мозги неспособны были воспринимать впечатления, только конкретные факты.

Выбирал ли он заранее уединенное место в квартале? Соответствовало ли оно его замыслу, чтобы был минимум свидетелей? Планировал ли он преступление? Первое ли это у него преступление подобного рода?

Наступило время ланча, но они не отпустили его, только препроводили в другую комнату для допросов, где какой-то угрюмый детектив молча заполнял бумаги. Потом ему принесли поднос со стандартной скверной пищей и жидким кофе в пластиковом стаканчике.

Лэтхем и Доусон присутствовали оба, когда Барри, перейдя на несвойственный ему непререкаемый тон, потребовал присутствия прокурора и адвоката при допросах.

— Мы знали, что ты, парень, не любишь скучать. Тем более живя с такой миссис, как Стратфорд, и кучей детишек вокруг, а особенно с маленьким Джейсоном.

— Он неплохой малыш, — сказал Барри честно. — И не мешал никому. Только они раньше вдоволь над ним поиздевались.

— Давай, Барри, валяй! Уж он прямо был твой любимчик. Я сам растил такого, и готов был его задушить собственными руками.

— Вряд ли бы вы это сделали, — сказал Барри. — Вы это просто так говорите, чтобы спровоцировать меня. Мне нравилось возиться с ним вечерами. Ведь моя Кэрол... Простите, миссис Стратфорд работала допоздна.

— Значит, ей недоплачивали, раз она брала тебя в бесштатные няньки?

Барри покраснел. Он знал за собой свойство краснеть как кирпич, когда его унижали. Лэтхем даже не ожидал такой реакции и грубо коснулся щеки Барри.

— Не взорвись, парень, а то разнесешь наш участок, и у нас останутся вдовы и сироты.

Но реакция Барри ему понравилась. Он уселся за свой стол с удовлетворенным видом.

В дело вступил Доусон.

— Карты на стол, Барри. Мы с тобой не жульничаем. Мы — самая честная полиция в мире.

Только теперь Барри понял, что они всерьез считают его убийцей Джейсона. Он смотрел на них широко раскрытыми в изумлении глазами и удивлялся их тупости.

— Тело Джейсона мы не нашли, — довольно бойко заговорил Доусон. — И, возможно, никогда не найдем. Впрочем, к тому времени, когда найдем, оно превратится в невесть что. Так что ты, Барри, не откладывай в долгий ящик и сообщи нам какие-нибудь особые приметы: царапины, шрамы и прочее?

Бьюти Изадорос! Вот на что она намекала в разговоре с Кэрол.

— Мистер Лэтхем назвал тебя бесплатной нянькой. Ты сам признался, что ухаживал за ребенком. Нелегкое это дело. Нянькам часто надоедают их подопечные. Они ополчаются против них. Такое случается сплошь и рядом. И уж рука сама тянется стукнуть ребенка, как следует.

— Я и пальцем не тронул его. Ни разу, — сказал Барри и вспомнил, как однажды Кэрол с побоями укладывала спать своего сына.

Но Барри был парень порядочный и привык быть точным и искренним, на свою беду.

— Он, правда, такой малыш, что все время на что-то натывается или залезет куда-нибудь, а потом сваливается и ревет. Летом он чуть не выбил себе глаз и засадил здоровый синяк, наткнувшись на ключ, торчавший из дверного замка.

Барри помнил этот эпизод досконально. Они с Кэрол собрались втроем с малышом поплескаться в бассейне, а до этого он побежал в магазин за молоком и чем-нибудь более существенным для ланча. Вернувшись, он

застал ревущего Джеймса с набухающим кровоподтеком под глазом.

— Забавно, до чего ранимы маленькие дети. Тронь, и они уже в слезах, и прогулка или купание отменяется, — безо всякой иронии произнес Лэтхем. — То у них царапины, то синяки, то ломаются тонкие косточки. В конце концов, это надоедает здоровому взрослому мужчине. А вот у моих сынишек редко случались травмы. Разве не странно? Такая разница! Подумай, Барри. Тебя это не наводит ни на какие мысли?

Барри не имел ни малейшего понятия, куда гнет Лэтхем. Его все больше раздражала эта словесная игра, и было мерзко от паутины, которой его обволакивали полицейские. Он хотел пойти на работу, встретиться потом с Кэрол и вместе с ней искать Джейсона.

Доусон снова стал спрашивать о том, как Барри провел среду.

Барри повторил опять, что он был в кино, смотрел «Темный кристалл». Он был готов пересказать им содержание фильма, но полицейские не захотели его выслушать. По их мнению, он мог посмотреть его не в среду, а раньше.

— У тебя сохранились билеты в кинотеатр?

— А на кой они мне... или вам? Это важно?

— Конечно.

— Я их выбросил, смял в комок. Нечего всякий мусор таскать в кармане.

— Как мне кажется, — сказал Лэтхем, — тебя не было в кинотеатре. Ты пошел по Редьярд-гарденс и увидел Джейсона, сидящего на ограде. Это было впервые, когда его бросили одного на улице? По всей видимости, ты и посадил Джейсона в прогулочную коляску и повез куда-то. Наверное, домой. А может быть, ты его отвез в Лордшип-парк, туда, где густые заросли. Что ты с ним сделал, Барри? И как повел себя мальчик? Кричал? Звал на помощь? Ты зашел слишком далеко, и, чтобы остановить его, ты зашел еще дальше.

Барри их не боялся ни чуточки, ни на йоту. Чувство собственной невиновности защищало его, как броня. Но он был оскорблен. Умолчание в ответах на некоторые вопросы, вообще не имеющие отношения к делу, ставили ему в вину и тем попирали его человеческое достоинство.

В половине шестого Барри отпустили безо всяких извинений. Он догадался, что просто надоел им, и детективы хотят поспеть к домашнему обеду, пока тот не остыл. Хотя общение с полицейскими вызывало в нем отвращение, он согласился с их настойчивым предложением довезти его до дома. Это был еще один их ловкий ход. Весь квартал видел, как Барри

доставили домой на полицейской машине с мигалкой, а потом это станет предметом пересудов в скучные вечерние часы.

Прохожие на улице и соседи из окон пялились на него.

Лайла Курор, давно овдовевшая, но, как положено индианке, постоянно облаченная в белоснежное траурное сари и давшая обет ни с кем не заговаривать и не отвечать ни на какие вопросы, вдруг распахнула свое до блеска отмытое окно и жестом указала путь полицейской машине, хотя того и не требовалось.

В Уинтерсайд-Даун никогда не наступали сумерки. Высокие фонари с желтыми лампами превращали ночь в бесконечно длящийся унылый день.

Все жители района, почерпнув сведения из дневных газет, могли запросто сложить два плюс два и сделать вывод, что Барри и прикончил Джейсона, раз его привозят домой на полицейской машине. На первых страницах всех газет было сообщение о некоем человеке, который целый день подвергался допросу. Никаких деталей не приводилось, имя допрашиваемого не упоминалось, зато репортеры много слов посвятили миссис Кэрол Стратфорд, проводящей в тревоге и ожидании дни и ночи в доме, который она делит со своим сожителем, двадцатилетним Барри Мэхоуном. Далее указывалось, что допрашиваемому полицией было как раз двадцать лет, и он местный житель.

Барри содрогнулся. Он купил газету в киоске на Бевин-сквер и почувствовал, что мистер Махмуд, киоскер, и его хорошенькая дочурка с длинными черными косичками разглядывали его с особым интересом.

Полиция опять сама приехала за ним на следующий день.

Была суббота, и он сидел дома. В участке из него снова словесно попытались сделать отбивную. Вопросы были все те же. Его пытались подловить на несостыковках и противоречиях. Барри отвечал спокойно, а если какие-то подробности не мог вспомнить, то искренне в этом признавался.

Его расспрашивали, какой у него характер, вспыльчив ли он, скор ли на физическую расправу, если ребенок нарушает дисциплину, и как он вообще относится к телесным наказаниям. Барри отвечал, как думал, почти механически. Его только волновало, почему лишь его одного взяла в клещи полиция.

В жизни Джейсона был и другой мужчина. Допрашивали они его или нет? Поинтересовались ли они, спросили ли у Кэрол, кто он такой? Барри хотелось крикнуть во весь голос: «Ведь у Джейсона есть отец!»

Он едва не сорвался на крик, но в конце концов сдержался. Уважение к Кэрол, преданность любимой им женщине остановила его. Он вытерпел

все вопросы, отвечая «да» или «нет», а иногда отделяясь молчанием. Любопытно, что он потерял всякий интерес к следствию точно так же, как после первого допроса лишился страха перед полицейскими.

На этот раз его уже не везли с шиком, он возвращался домой пешком. Кэрол отсутствовала. Ее заменяла записочка — два крестика означали два поцелуя, чтобы он не подумал, что она его забыла и перестала любить.

Барри попробовал поглядеть по телеку матч «Ипсвич» — «Арсенал», но не смог сосредоточиться на игре. Его мозг был занят лишь одной мыслью, которая раньше никогда не занимала его.

Невольно он взял в руки рамку с фотографией Дэйва. Это был портрет улыбающегося, беззаботного, абсолютно счастливого человека.

Снимок был сделан за месяц до гибели Дэйва. Его тело расплющилось вместе с трейлером где-то в горах Хорватии.

Барри трудно было представить Дэйва и Кэрол с Таней и Райаном как сплоченную, благополучную семью. Он сам не понимал, почему, но ему казалось, что Кэрол никак не вписывается в эту картинку. И все же она настаивала, что было именно так

А потом?

Как она строила свою жизнь после трагедии?

Ее детей взяли под опеку, она оказалась предоставлена самой себе. Но такая красотка не могла долго бродить одна-одинешенька. Кто занял место Дэйва?

Барри пытался размышлять о том, что ощущала Кэрол и как вела себя, оставшись без спутника жизни, пусть даже на короткий период. И какие мысли мелькают сейчас в ее хорошенькой головке, когда у нее есть время заняться любимым делом — например, разглядыванием витрин или выпивкой в пабе вместе с Айрис и Джерри?

Если Барри постоянно вспоминает о Джейсоне, то уж она должна думать о нем непременно. Ведь она женщина, его мать, она его рожала, он рос и менялся на ее глазах, превращаясь из бесформенного трогательного комочка в уже смышленного мальчика, который потом станет мужчиной. Барри твердо знал, что если бы он был женщиной, то, оказавшись на месте Кэрол, ни на секунду не оторвался от дум о Джейсоне. Но это он такой, особенный, и не смеет судить других людей с иными характерами и представлениями о жизни.

Он, занимаясь любовью — и с Кэрол, и с другими женщинами до нее, — никогда не забывал, что этот акт приводит к рождению ребенка. Но какое право он имеет требовать от других такого же образа мыслей?

Движимый вполне понятным импульсом, Барри захотел сделать этот

вечер приятным для них обоих и упрятать подальше в глубь души все свои сомнения.

Вино, жареный цыпленок, салат — почему бы ему ради нее не приготовить настоящий домашний ужин?

Выйдя на главную улицу Уинтерсайд-Даун, Барри не встретил ни одного знакомого лица. Все куда-то подевались, сделав необходимые покупки, и юркнули в свои норки. Когда он тоже нагрузил пакеты, как раз зажглись желтые фонари, отгоняя подступившую ночь.

Не очень разумная идея поговорить с Морин подтолкнула его проделать путь обратно к Уинтерсайд-роуд, к каналу и Китайскому мосту. Он прошел мимо дома Морин в нерешительности. Вряд ли она что-либо ему расскажет, да и, поскольку была суббота, Иван уже сидит на диване перед телевизором.

На мосту появилась новая надпись, сделанная кроваво-красной краской: «Цыплят надо душить». Барри усек смысл зловещей надписи. Он был достаточно молод и нелюбим в округе, но у него хватало ума не заниматься подобной глупостью.

Вода в канале сегодня была чистая, он мог видеть камешки на дне и осколки разбитых бутылок

Парни на мотоциклах перекрыли Китайский мост с обеих сторон. Они не убрали свои рычащие машины с прохода, и никто не заботился навести порядок. Вместо того чтобы гонять по предоставленным им площадкам, они стояли на месте и давили на газ, отравляя воздух выхлопами.

Их шины оставляли на недавно посеянном газоне отвратительные следы.

Главарь компашки носил черную кожу, а на голове — гребень. Хупи — так его звали, вспомнил Барри.

Другой носил прозвище Окольцованный. И правда, его нос был проткнут массивным уродливым кольцом. Он что-то хрипло выкрикнул, когда Барри протиснулся между их разгоряченными механизмами. Они не остановили его, но сказали что-то грязное, что-то мерзкое ему вслед. Такое же они кричат и девчонкам, и старухам. Он много раз это слышал.

Грязное слово — не удар по шее и, слава богу, не пуля. Брань на воротах не виснет. Но настроение у него упало.

Как всегда, из смешного суеверия Барри начал считать домики на другой стороне канала, и обрадовался, что в окнах восьмого по порядку горел свет. Хорошая примета. Значит, Кэрл уже дома. Он ускорил шаг.

Мотороллеры и мотоциклы взревели у него за спиной, но не все одновременно, а по очереди. Мотовсадники догнали Барри и стали

крутиться вокруг него, отстав только, когда он переступил через порог.

В доме было множество зеркал, даже чересчур много, по мнению Барри. Кэрол стояла перед самым большим из них, расположенным в холле, и возилась с каким-то поблескивающим парикмахерским приспособлением, воткнутым в электрическую розетку.

— Что это? — поинтересовался Барри, обняв ее за талию.

— Щипцы для горячей завивки. Необходимая вещь для создания шикарной прически. Я умыкнула ее на барахолке на Бент-кросс из кучи всякой рухляди.

Ее отражение в зеркале одарило его очаровательной улыбкой. Она возвращалась к нормальной жизни, становилась такой, какой была и должна была быть.

Касаясь ее тела, Барри ощутил и прежнюю податливость, и ту магическую энергию, которая обычно исходила от нее. Он уже знал, что этой ночью они займутся любовью, а может, не вытерпев, не станут ждать наступления ночи. Завивая волосы и призывно улыбаясь, Кэрол чуть откинулась назад, отдавая себя во власть его рук

— Я принес цыпленка, — сказал он. — И две бутылки вина. Разве тебе хочется сегодня куда-то выходить? Не провести ли нам вечер дома?

— Как скажешь, любимый, — произнесла она мечтательно.

Барри отнес сумки с покупками на кухню. Он не мог не улыбнуться, видя, как Кэрол не терпит опробовать новые щипцы, безделушку, главную радость от обладания которой доставляло ей то, что она не заплатила за нее ни пенни.

Это было типично для Кэрол, для той прежней Кэрол — ворваться с лету в дом и сбросить пальто на пол, потому что ей не хватало терпения раздеться и вообще чего-то ждать.

Он подобрал с пола ее пальто, сумочку, перчатки и какие-то мелочи, выпавшие из карманов или полуоткрытой сумочки. Среди них он обнаружил смятую бумажку. Это был чек за покупки в «Бутсе», а на обороте адрес: «Терри, Спринг-клоуз, 5, Хэмпстед». Писала не Кэрол. Почерк был явно мужской. Когда она выходила из дома, то встретила человека, которого знала раньше, а он, вероятно, поменял адрес со времени их последнего свидания. Барри стало ясно, почему она так возбуждена и ласкова с ним. Эта встреча напроць перевернула весь ее душевный настрой.

Этот мужчина не стал бы записывать на случайной бумажке свой адрес и вручать его Кэрол, а Кэрол — сохранять его, если бы не имела намерения встретиться с ним опять. Барри решил расспросить ее по этому поводу,

также как и выяснить, кто отец Джейсона. Такой разговор не сулил ничего хорошего. Вполне возможно, что встреченный ею сегодня мужчина и отец Джейсона — одно и то же лицо.

Барри обязательно задаст ей эти вопросы, но после неспешных ласк в постели. А пока он вернул бумажку с адресом обратно в сумочку и защелкнул замочек

Книга вторая

До самого последнего момента Теренс не верил, что она отправится без него. Все обстоятельства и его собственный богатый жизненный опыт не предвещали такого поворота событий.

Женщина пятидесяти четырех лет, которой посчастливилось занять тридцатидвухлетнего мужчину, не сматывается без любовника на неопределенное время на Карибы, когда легко может позволить себе прихватить его с собой.

Она даже не очень хорошо сохранилась для своего возраста, никто на нее и не глянет и не станет за ней увиваться — он мог в этом поклясться. Унизительно было вспоминать об этом сейчас, но в тот день, накануне ее отъезда, он не сомневался, что его ожидает сюрприз в виде билета на самолет.

Они выходили поесть, потом вернулись в дом на Спринг-клоуз, и Фреда начала собирать свою дорожную сумку.

— Мне кажется, я сделаю это лучше тебя, — предложил Теренс.

Он никогда не притрагивался к вещам в доме без ее разрешения и пользовался только своими собственными, но тут его потянуло за язык спросить.

— Можно мне для себя взять один из этих коричневых чемоданов?

Фреда улыбнулась. Она вся прямо-таки лучилась довольством. Что-то сделало ее счастливой, и она не скрывала своего хорошего настроения.

— Барашек, мне понадобятся все чемоданы. Я уезжаю одна, а ты останешься здесь присматривать за домом, чем окажешь мне большую услугу. Я знаю, как ты любишь сюрпризы, и мне нравилось радовать ими тебя в прошлом, но не в этот раз. Прости, барашек

— Не называй меня так

— Еще раз прости, Теренс. Месяц назад я сказала, что собираюсь на Мартинику, а ты останешься охранять дом, и ты согласился. Неужели ты думал, что я шутила?

— С какой стати ты так возрадовалась? Прямо сияешь от счастья.

— Я предвкушаю, как мне будет хорошо на море и на солнце, Теренс. Я мечтаю повстречать старых друзей. Почему бы мне не радоваться?

Перспектива остаться в чужом жилище на собственном обеспечении, превратиться в некотором роде в сторожа чужого дома сразу ввергла его в депрессию.

Когда Фреда снова появилась у него на глазах, он предпринял еще одну попытку переубедить ее.

Она не стала его слушать. Как будто она уже была там, на солнечных Карибах. Ее материальное тело еще пребывало в пределах досягаемости, но сердце и душа уже летели в западном направлении на «Боинге 747».

В ту ночь они спали в разных комнатах — он на диване в полуподвальном помещении.

Дом стал жертвой необузданной фантазии архитектора, с сумбурной, запутанной планировкой, и был выстроен из дикой, нелепой смеси материалов — цемент и гранит, тиковое дерево и итальянская керамика, и тонированное стекло. Кроме занавесок окна прикрывали тяжелые ставни, черные пушистые ковры устилали полы, а мебель — хромирована или обита пурпурного цвета кожей. Обе ванны были утоплены в пол, одна располагалась в мраморном гроте. Женская скульптура из черного мрамора с круглым отверстием в голове возвышалась на колонне у подножия лестницы, а одноногий мужчина, изображающий дискобола, метал свой снаряд куда-то в глубину японского сада из камней, занимающего большую часть пространства обширного холла.

Еще пять домов — творения того же архитектора — обозначали пять углов этого местечка, своеобразного анклава Крайст-черч-хилл, воздвигнутого в центре безнадежно устаревшего Лондона.

На вкус Теренса они были одинаково отвратительны. Единственным, что радовало его взор, а его вкус воспитывался на архитектуре коттеджей восемнадцатого века, был вид, который открывался на роскошные пентхаусы. Большая часть Хэмпстеда, пруды и роци, аристократическая Долина Покоя были как на ладони.

Теренс не любовался красотой природы или попавших в поле его зрения зданий. Его сжигала зависть к тем, кто мог ими владеть, строить, перестраивать, покупать участки. Тут жили состоятельные люди, которых можно было считать богачами по меркам Британских островов — в Саудовской Аравии, США и Японии были люди и побогаче.

Он обижался на свою мать, которая первой услышала его крик в задрипанной квартирке на Броунсвуд-Коммон-лейн. Теренс вспомнил о меблированных комнатухах, в которых ютился, потому что государство выделило им такую несуразную жилую площадь в качестве акта великой заботы, вспомнил дощатый вагончик, который делил на четверых в Квинсленде при строительстве железной дороги. Везде на главном месте были деньги, а у него их не было.

В этом доме, который ему поручали охранять, деньги выпирали из

всех углов.

— Чего это у тебя так слюни потекли? — спросила его Фреда не так давно.

— Что?

— Ты знаешь, о чем я говорю, барашек. У тебя прямо слюни текут. Как только я завожу речь о деньгах, у тебя в уголке рта появляется капелька слюны, и ты ее слизываешь. Правда. Я давно замечаю это за тобой. И я не шучу.

Почему Фреда отказалась вступить с ним в брак? Из-за его страсти к деньгам? Теренс не мог скрыть эту страсть, как ни старался. Она преследовала его всю жизнь. Что знала Фреда, богатая, ни одного дня не работавшая особа, которой угождал муж и подносил золото на блюдечке?

Утром, когда Фреда отправлялась в Хитроу, он вышел на улицу, чтобы поймать ей такси. Ссориться с ней на этой стадии отношений бессмысленно. Теренс даже поцеловал ее в щечку на прощание, минуя рот, покрашенный помадой под цвет костюма.

Еще прошлой ночью ему снился билет на Мартинику и дальнейшее путешествие в теплые страны, и до последнего момента он ждал, что это состоится.

— Тебе хватит того, что оставлено, барашек.

— Не называй меня так.

— По возвращении я придумаю тебе новое прозвище, — пообещала Фреда.

— Что это за деньги? Двадцать три фунта в неделю?

— А разве это мало? Плюс твое пособие по безработице. Многие в нашей стране живут на меньшие деньги, да еще платят за квартиру.

Он глянул на нее и ощутил себя тараканом, раздавленным кожаной подошвой ее туфельки.

— Я определила жалование, потому что не хочу оставлять тебе свободные деньги. За электричество, газ и телефон уплачено за полгода вперед. Банку дано распоряжение не выдавать тебе деньги со счета. Пользуйся тем, что дают, и радуйся жизни, Теренс.

Он вернулся в дом со свободными от чемоданов руками и пустыми карманами. Теренс ошибался, когда думал, что она выскочит за него замуж только потому, что он на двадцать три года ее моложе. Фреда держала его при себе, как собачку, а собаки стареют и умирают раньше, чем люди.

Он столько вложил энергии, чтобы женить ее на себе, что теперь чувствовал себя полностью опустошенным. А ведь была любовь и даже слезы сочувствия, что пропадает такой мужчина.

Но когда их объятия должны были накрепко соединиться, Фреда спокойно отстранялась и говорила ровным голосом, что он ошибается в своих замыслах.

Сейчас он чувствовал себя рыбой, выброшенной на берег и обреченной медленно тухнуть. Она придумала ему наказание за многие его проступки. За то, что он иногда надсмехался над ней, представлял как свою мамочку, оставлял ее в компании одну, чтобы утащить в постель какую-нибудь дешевую девчонку.

Встречаясь после этого, Фреда лишь удивленно вскидывала брови и ни в чем его не обвиняла, но кровь под ее кожей кипела.

Вернувшись в дом, Теренс решил не тратить зря времени. Какое бы опустошение она ни произвела в доме и вокруг него, деньгами там пахло, и были ценные вещи, которые стоило немедленно продать.

Он начал искать тайники под черными волосяными коврами и шарить по книжным полкам.

Древние урны с неизвестно чьим пеплом поначалу не слишком заинтересовали его.

Одна комната была накрепко заперта сложным замком, а щель под дверью была забита деревянной планкой. В ту комнату нельзя было даже заглянуть.

Книги представляли определенный интерес. Фреда покупала все популярное литературное дерьмо, что ложилось на прилавки книжных магазинов. От странного опуса «Брачный узел» какой-то Бенет Арчдейл до последних сочинений плодовитого Дика Френсиса. На самом деле в некоторых книгах под броским переплетом было совсем иное содержание. Так, однажды Теренс обнаружил, взяв с полки творение Моррис Уэст, прельстясь картинкой на обложке, что там спрятан франко-английский словарь с дырой, просверленной от «Д» до «М». Фреда, как белка орешки, складывала в это дупло свою наличность.

Случайно ему удалось подсмотреть ее за этим занятием, и он увидел, как в дырке исчезла свернутая пятидесятифунтовая банкнота. Но сейчас, вытаскивая книги и перелистывая страницы, он терпел поражение, не находя ничего.

Теренс содрал с пола ненавистные ему черные ковры, вскрыл паркет, но кроме кирпичной основы межэтажных перекрытий ничего не обнаружил. Ни один кирпич не поддавался его усилиям, не отошел в сторону, не откликнулся, выдавая тайник.

Он задрал голову вверх, осмотрел сводчатый, сделанный «под средневековье» потолок и три маленьких оконца в каждой нише под самым

потолком. У этой стены располагался письменный стол Фреды, и туда указывали три стрелы, выложенные мозаикой по указке архитектора.

Стол был, конечно, самым ненадежным хранилищем, а ключи от него отсутствовали. Взяла ли она их с собой или сунула куда-то, например, в урну с египетским пеплом? Он пустил в ход все свое воображение.

У нее было что прятать помимо наличных денег. Предшествующий Теренсу сожитель говорил об акциях нефтяных компаний. Фреда прогнала его, потому что он был слишком стар для нее. Она заплатила ему кредитной карточкой с ограничением суммы и сроком пользования. Вдоволь поиздевалась.

Теренс даже не стал вскрывать ящики письменного стола — это было бы слишком примитивно, а Фреда мудрая женщина. Это он познал еще раньше в ее спальне.

Он обыскал весь ее гардероб и туалетный столик у комода с бельем, прежде чем опять спуститься вниз. Наличных он не нашел ни пенни, а все свои драгоценности она явно отдала на хранение в банк. Осмелится ли он спускать потихоньку ее столовое серебро и расчески с черепаховыми ручками? Все знают, что покупал их покойный Джон Говард Фиппс. Но что-то она должна была забыть, не учесть, сунуть в рассеянности в слабо защищенное место, например, в ящик письменного стола.

Вскрыть его оказалось не так просто. Понадобилась дрель, молоток и плоскогубцы.

Терять было нечего. Теренс шел на бой с соперником, равным ему по хитрости.

Взломанная верхняя доска откинулась с треском. В верхних ящиках денег не было. Он на это и не рассчитывал. Он полез шарить в нижних маленьких ящичках, и вдруг его палец нащупал в них дырочки.

Они были маленькими, эти отверстия, но заполненными, как мышинные норки, американскими монетами от цента до четвертака и десятком швейцарских франков. Это был еще один сюрприз от нее, а может, от ее покойного мужа.

В самом нижнем ящике хранился альбом в красивом переплете, где вместо фотокарточек красовались погашенные облигации, каждая по пять фунтов. Их выкупили за год до его встречи с Фредой, когда ее супруг был жив, и сохранили, видимо, для будущего музея в его честь. На последней странице альбома значилось имя хранителя этих ныне бесполезных бумаг, которые когда-то стоили около тысячи четырехсот фунтов. Фамилия была напечатана мелким шрифтом, но его собственная подпись была размашистая. Фреда ее ловко скопировала.

Теренс, по возможности, старался не совершать уголовно наказуемых поступков. У него не хватало нервов даже на то, чтобы красть всякую мелочь из универмагов.

Наблюдая, как Кэрол Стратфорд легко справилась с такой задачей в «Писко» на Brent-cross, он восхитился ее храбростью и уверенностью. Она слизнула с полки какую-то вещь и отправила в его тележку. У него было искушение взять дамочку за плечо и сказать: «Простите, мадам, но...», но тут же защемило сердце.

Он был всегда в восторге от талантов Кэрол, а сейчас даже сочувствовал ей из-за исчезновения малыша Джейсона.

Дело кончилось тем, что они выпили по чашке кофе на свежем воздухе, потому что пабы еще не открылись. Теренс написал ей свой адрес на клочке бумаги, хотя не собирался там задерживаться, потому что надеялся сопровождать Фреду в путешествие. Кэрол излучала жизнерадостность. Она сказала, что сначала тосковала по сынишке, но теперь успокоилась, не сомневаясь, что с ним все в порядке и скоро он будет дома.

— От него не избавишься, как от фальшивого пенни, — заявила она.

Именно Кэрол года два-три назад надоумила Теренса заняться кладбищем «Толдерс Грин». Она сама была вдовой с двумя маленькими детьми, хотя ей еще не исполнилось двадцати пяти лет. Ее супруг погиб в автомобильной аварии за несколько недель до того, как Теренс познакомился с ней.

Кэрол совершала много мелких преступлений. Она была везучей магазинной воровкой и никогда не попадалась. Ее голову переполняли идеи, как достать деньги, не работая. Однажды она использовала свою девичью фамилию, чтобы заключить фиктивный брак за приличное вознаграждение, а во второй раз, чтобы поступить на две работы одновременно. Она больше всего любила делать деньги из воздуха, а не зарабатывать их.

Большинство ее планов выглядели слишком фантастическими, чтобы воспринимать их серьезно. Но один из них вполне годился для воплощения в жизнь.

— Я бы сама занялась этим, если б была мужчиной, — призналась Кэрол.

По совету Кэрол он ежедневно дежурил возле крематория и следил, как проходит траурная церемония. Теренс приглядывал подходящую вдову. Она должна была быть не дряхлой развалиной, а вдовушкой, следящей за

собой, с приличным состоянием и, желательно, бездетной.

Кэрол рассуждала разумно — мужчины умирают первыми, а вдовы не прочь попытаться наверстать упущенное и пожить в свое удовольствие.

«Ты попал на золотую жилу», — предсказала Кэрол и оказалась права. Теренс поначалу зря проторчал почти на дюжине роскошных похорон, пока удача не улыбнулась ему. И эту удачу принесла ему опять же Кэрол.

Джессика Мэйсон, на которую ему ткнула пальцем Кэрол, присутствовала на похоронах мужа в шубе из соболей. После, когда они уже познакомились, Теренс представился экспертом по сибирскому меху. Он сказал, что его отец и покойный супруг Джессики когда-то были дружны. На церемонии присутствовали только четыре непонятные персоны. Почивший в бозе Рой Мэйсон, очевидно, не был слишком популярной личностью.

Через месяц после погребения Роя Теренс уже жил у Джессики в доме в стиле нео-Тюдор на Криквуд-Голдерс-Грин. Сначала выждал неделю, прежде чем, узнав номер телефона по справочнику, позвонить и выразить свои соболезнования, и изобразил сочувствие одинокой женщине, которая проживает в таком фешенебельном районе и как, наверное, тоскует там без общества после смерти супруга.

Джессика подходила Теренсу по всем параметрам. Ей было всего сорок пять. Детей супруги не завели, зато денег имелось столько, что он не мог посчитать нули. Правда, Джессика была властной и требовательной. Таких дамочек он еще не встречал.

Когда она по каким-то своим тайным каналам выяснила, что Теренс встречается с Кэрол, то пригрозила кухонным ножом отделить ему голову от шеи. Затем она, по ее словам, сделает себе харакири.

Теренс перестал видаться с Кэрол, и был заперт в доме и удовлетворял похоть Джессики, а в краткие часы отдыха тренировался в подделке ее подписи на чеках.

Он достиг совершенства, но не имел мужества использовать обретенный опыт.

Однажды после полудня, когда Джессика вознамерилась навестить мамочку своей подруги, попавшую в больницу, Теренс бросил ее. Он просто вышел из дома, заполнив чемоданы, купленные ею же, одеждой. На ступеньках он задержался, колеблясь, не прихватить ли с собой что-либо из ее драгоценностей и других, по-настоящему ценных вещей.

Но мужество отказало ему. Он весь покрылся потом и поспешил ретироваться. Его хватило только на то, чтобы прихватить набитый купюрами бумажник Джессики и раствориться в толпе, спешащей на

вокзал Чаринг-Кросс к пригородным электричкам.

К тому времени у Теренса уже был запасной вариант. При посещении кладбища Голдерс-Грин на него обратила свое благосклонное внимание Фреда Фиппс, недавно похоронившая своего супруга.

Любовью они занялись, едва познакомившись.

Проглядывая сейчас свою записную книжку, Теренс признал, что он не такой уж хороший психолог, и опять попал впросак.

Фреда получила все, что имел ее покойный муж, и это было прочно закреплено за нею с помощью грамотно оформленных дорогими адвокатами прав на собственность и благодаря ее собственной житейской мудрости.

С ней не проходили такие штучки, как с Джессикой, когда он благородно возвращал якобы оброненный ею где-то бумажник, туго набитый деньгами, и она верила в его бескорыстность.

Джессика хотя и сетовала, что он исчез из ее жизни, но заявлять в полицию на него не стала.

В случае с Фредой Теренс готов был если не полюбить ее, то проникнуться к ней уважением, но она успела раскусить его и установила ему испытательный срок.

Теперь ему приходилось решать — ждать ли хозяйку подобно покорной собачке, унижая себя, или искать другие шансы.

Просматривая бесполезные для него, но аккуратно скопированные Фредой финансовые бумаги ее покойного мужа, Теренс догадался, что к его смерти она готовилась тщательно и заранее. Умнее женщины он не встречал.

Он продолжил обыск по всему дому, просмотрел стенограммы деловых совещаний совета директоров компании, где председательствовал покойный Говард. Это-то она зачем хранила?

У нее было множество заверенных копий его завещания, свидетельства о рождении и о смерти. Свидетельство о рождении Фреды лежало в этой стопке на самом верху, как и свидетельство на владение какой-то машиной, какого-то коттеджа и страховка на них. И опять бесконечные протоколы совещаний совета директоров.

Единственной пользой, которую Теренс извлек из этих скучных исследований, было то, что он научился досконально копировать подпись мертвеца.

Он заполнил целые листы образцами подписи Джона Говарда Фиппса — и небрежно, и четко, и добился полного сходства. Под бдительным оком банковского или почтового клерка это будет сделать труднее, но тут

оставалось надеяться, что нервы его не подведут.

Позже вечером, когда Теренс устроил себе одинокий ужин — сварил сосиску и добавил консервированные бобы в томате — он подсчитал с карандашом в руках, чем располагает. Его состояние составило всего четырнадцать сотен фунтов. Карьеру альфонса нельзя было назвать блестящей.

«Проблема не в том, с кем ты работаешь, а в том, как ты работаешь, — твердила ему Кэрол. — Тебе не хватает нахальства».

Он снова просмотрел бумаги и наткнулся на коричневый конверт с адресом Спринг-клоуз, 5, Хэмпстед. Туда был засунут договор пятилетней давности о покупке в совместное владение Джона Говарда Фиппса и Фреды Фиппс того самого чудовищного дома, в котором он сейчас находился. Других документов, связанных с обладанием недвижимостью, — налоговых деклараций, счетов от газовой, электрической и прочих компаний там не было. Он вспомнил слова Фреды, что за все уплачено надолго вперед.

Наполеоновского величия идея тут же осенила Теренса, хотя его трусливое нутро дрожало от страха при одной мысли о воплощении этого плана.

Этот дом не был упомянут в завещании, а выдать себя за его владельца — живого и благополучного Джона Говарда Фиппса — не составит труда. Все документы на дом в его руках. Подделывать подпись он научился. Сбыть этого архитектурного уродца с рук — и у него уже реальный капитал.

Джейсон устроился в детском сиденье, когда-то предназначенном Джеймсу, и теперь обнимал пушистого кролика, подаренного ему Мопсой. У Бенет мелькнуло подозрение, что Мопса стащила его из груды уцененных игрушек и вынесла из магазина под одеждой — слишком уж был у нее довольный вид.

У них существовала договоренность, что Мопса будет вести себя пристойно, но скандалить с матерью Бенет не стала.

Джейсон со всех сторон был окружен чемоданами и сумками Мопсы. Это была та же прогулочная коляска, на которой Мопса уволокла когда-то свою добычу. Никто не обратил на старую коляску внимания, пока Мопса катала мальчика по универмагу.

Джейсон подрос и поправился. «Или это только плод моего воображения?» — подумала Бенет. Он даже стал выглядеть симпатичнее. Или это тоже иллюзия?

Когда Мопсы здесь не будет, через час или два, как поведет себя Джейсон? Поднимет ли истошный крик? Но никто не посмеет упрекнуть Бенет, что она травмировала похищенного ее безумной матерью ребенка. Бенет, наоборот, заслуживала благодарности за то, что хоть как-то привела его в порядок

— Это будет такая радость — увидеться снова с твоим отцом, — сказала Мопса. — Мы никогда не расставались на столь долгое время.

Бенет сомневалась, что встреча будет такой уж теплой, а перерывы в их общении, когда Мопса проводила время в клиниках, тянулись иногда месяцами.

— Наша супружеская жизнь почти не прерывалась. Мы привыкли спать в одной постели.

Прошлой ночью в телефонном разговоре отец высказался несколько иначе: «Может, ты еще месяц поддержишь ее у себя?»

И Мопса, перехватив параллельную трубку, услышала эти слова и заискивающим тоном начала говорить, что ничто не удерживает ее в Лондоне, и все тесты она прошла.

Отец отнесся к ее заявлению без энтузиазма. Он имел три недели нормальной жизни там, в Испании, и вот его каникулы кончились. Бенет была рада избавиться от тяжелого бремени, но сочувствовала отцу, зная, что его ожидает с возвращением Мопсы домой.

Отъезд Мопсы в Испанию проходил в более для нее комфортных условиях, чем ее прилет. Там, на континенте, было гораздо теплее, а рядом не капризничал, не шмыгал носом и не задыхался несчастный Джеймс.

Джейсон вел себя в машине спокойно, и путешествие до Хитроу прошло бы нормально, если бы Мопса вдруг не ляпнула под конец:

— Мы еще в пути, а уже пора укладывать Джеймса в постель.

Слова матери оказали на Бенет такое же воздействие, как нож, извлеченный Мопсой из сумки нелепого красного цвета, когда ей было четырнадцать. Тогда был поезд и совсем другая обстановка, но воспоминания хлынули волной.

Мопса ничего особенного не имела в виду. Это просто сорвалось у нее с языка. Джеймс ее никогда не интересовал, еще меньше, чем Джейсон. Они слились в ее затуманенном сознании, как два мальчика одного возраста, и когда Бенет попыталась однажды втолковать матери, что Джеймс умер, а Джейсон принадлежит другой семье, у которой она его выкрала, та лишь пожимала плечами: «О чем ты говоришь? Не понимаю, при чем тут я?»

В Хитроу в газетном и книжном киосках высилась пирамида из «Брачного узла», которая таяла на глазах. Люди покупали книгу, чтобы читать в самолете. Роман действительно стал бестселлером.

Собственное умиротворенное лицо на обложке лишней раз напомнило Бенет, что ей, избавившись наконец от Мопсы, придется пройти огонь, и воду, и медные трубы. Возвращение Джейсона так просто ей не обойдется. Но она должна выйти из этого тяжелого испытания с высоко поднятой головой. За ней есть тыл — имя Бенет Арчдейл, автора бестселлера. Она — личность, в отличие от расплывчатого призрака, каковым можно считать Мопсу.

Однако что бы она ни сделала, каких бы высот ни достигла, над ней будет вечно висеть, как свинцовая грозовая туча, память о том, что когда-то она якобы украла у кого-то ребенка. Если кто-либо вздумает писать ее биографию, он, конечно, не обойдет вниманием этот факт.

Умственная нестабильность ее матери тоже будет упомянута на печатных страницах, и то, что ребенок самой Бенет скончался в раннем возрасте.

Впрочем, появления книги в твердом переплете с подобным текстом об авторе ожидать не стоило. Все материалы об этом появятся в ближайших газетах.

Бенет тут же купила одну. Новости о пропавшем Джейсоне возвратились на первую полосу с интервью и фотографией Кэрл

Стратфорд.

«Сегодня твой день рождения! — восклицала она, обращаясь к неизвестно на каком свете — том или этом — находящемуся сынку. — О мой Джей! Сегодня тебе исполнилось два года».

Джей — так звала его мать. Так мальчик называл себя. Бенет повернула его личико к себе и всмотрелась внимательно.

— Не очень-то весело мы справили твой день рождения, Джей.

— Он ничего не понимает, — сказала Мопса. — Он слишком мал, чтобы отсчитывать прожитые годы.

— И все-таки мы поздравляем тебя, Джей.

— Мой день рождения на следующей неделе, — напомнила Мопса. — Я не очень надеюсь, что ты будешь петь и плясать по этому поводу.

Мопса готовилась к полету. Для этого она проглотила валиум, запив его двумя чашками черного кофе в баре.

Джейсону купили большую порцию мороженого по случаю дня рождения.

Глядя на него, Бенет чувствовала, что ее отвращение к этому ребенку постепенно тает. Разве вообще можно испытывать неприязнь к ребенку? Если бы она могла как-то дать ему понять, что причиной отчуждения было ее собственное горе, что она всегда будет рада в будущем общаться с ним...

Объявили рейс на Малагу. Страх Мопсы перед полетами всегда приводил к тому, что она шла последней в веренице пассажиров, и существовал риск, что вылет задержится именно из-за нее.

Бенет торопила мать, как могла, буквально протолкнула ее через паспортный контроль. Мопса, хранившая на нее в последние дни обиду за свой преждевременный отъезд, вдруг повисла на шее дочери и обцеловала ее лицо от губ до бровей.

— Ты не представляешь, как я буду скучать по тебе, Бриджит. Как страшно, что нас разделяют тысячи миль.

Бенет пообещала позвонить и написать подробное письмо. Она не запомнила, что именно болезнь матери послужила причиной их разлуки и пребывания Мопсы с отцом в Испании.

Мопса не попрощалась с Джейсоном. Она как будто забыла о нем. «Так же она поступила бы и с Джеймсом, будь он жив», — с горечью подумала Бенет.

Мопса наконец-то скрылась в салоне самолета, в последний момент

зацепившись за дверь сумочкой, но благополучно освободившись.

Теперь Бенет знала дату рождения Джейсона. Она посчитала себя обязанной сделать ему подарок. Возможно, сегодня — последний день их общения, так пусть он будет как-то отмечен и запечатлеется в памяти малыша. Почему бы и нет?

Джейсон еще не научился делать выбор. Все игрушки в магазине привлекали его.

Отдел в универмаге напомнил Бенет игровую комнату в больнице. Она вспомнила, как сидела в этой комнате, как следила за Джеймсом, ждала, когда освободится телефон и волновалась из-за Мопсы. И руки дерева умоляли со стен комнаты. О чем? Чтобы Джеймс выжил? Или о чем-то другом?

Бенет выбрала мальчику лошадку-качалку. Она была большая, красивая, серой масти, и такую игрушку нельзя было не запомнить. Отдел доставки магазина обещал привезти покупку утром, но Бенет отказалась. Они забрали ее с собой. Машина стояла напротив, и лошадка отлично бы там поместилась.

Руки Бенет были заняты лошадкой, а Джейсон семенил рядом, вроде бы помогая ей нести покупку, когда они направились к машине. Они были уже на середине пешеходной «зебры», когда Бенет увидела на противоположной стороне Иэна Рейборна.

У нее возникло странное чувство, будто она знает его всю жизнь — нет, даже больше, как если бы он был ее близким другом или членом семьи, и неожиданная встреча с ним стала радостным сюрпризом.

Ей показалось почему-то, что он принадлежит к той маленькой группе людей, которые любят ее искренне. И действительно, когда он повернул голову и заметил ее, его лицо сразу радостно засветилось. Но такое состояние эйфории длилось всего несколько секунд — короткие мгновения полнейшего, без примеси горечи, счастья, испытанные ею впервые после смерти Джеймса.

За яркой вспышкой немедленно последовали угрюмые сумерки, и возродился прежний страх. Ей захотелось накрыть шапкой-невидимкой и себя, и купленную Джейсону в подарок лошадку и, главное, самого Джейсона, цепляющегося за ее руку. Однако на чудо рассчитывать не приходилось, и спрятать мальчика было негде.

Бенет шагнула с мостовой на тротуар.

Иэн Рейборн, купив у зеленщика пару киви и пакет апельсинов, вновь повернулся к ней с улыбкой. Несомненно, он узнал ее.

«Должно быть, он удивлен, что я стою перед ним, держа за руку какого-то мальчика. Я, недавно потерявшая своего сына», — подумала она.

Объяснение, выдуманное Мопсой, было у нее в запасе, и на этот раз могло ее выручить.

— Я присматриваю за сынишкой подруги. Она сейчас в отъезде, и я предложила свою помощь.

— Разрешите и мне предложить свою.

Иэн забрал у нее лошадку. Раскрашенные копытца прорвали обертку и вызвали завистливый интерес у проходившей мимо детворы.

— А вам это помогает? — осторожно поинтересовался Рейборн.

Он имел в виду ее близкое общение с ребенком, того же пола и примерно того же возраста, что и Джеймс.

— Не знаю. — Бенет сама удивилась абсолютной правдивости своего ответа. — Честное слово, не знаю.

Неделю назад она ответила бы истошным воплем: «Никогда! Ни за что!»

— Я звонил вам пару раз. Просто чтобы узнать, как ваше самочувствие. Надеюсь, ваша мать передавала вам.

Мопса ничего не передавала. Впрочем, если бы она и соизволила передать, Бенет оставила бы это без внимания. Так что никакой разницы не было.

— Моя мать уже улетела домой.

— А одиночество вас не тяготит?

Она ограничилась кивком. Иэн открыл багажник ее машины и поместил лошадку рядом с краденой прогулочной коляской. Еще мгновение, и он предложит встретиться вновь, попросит о свидании в более подходящей обстановке. Это как бы само собой подразумевалось, витало незримо в той атмосфере, которая возникла вокруг них.

Но это было неосуществимо. Она лишится своего будущего, потеряет все, как только сдаст Джейсона тем, кто его разыскивает.

Иэн Рейборн не захочет с ней знаться, когда все узнает. На ее репутации будет поставлен жирный крест, многие сочтут ее безумной, как и ее мать.

Бенет взяла мальчика на руки и сказала, что надо попрощаться. Джейсону очень понравилась процедура прощания. Он махал ручкой и охотно повторял: «Пока, пока, пока».

— Щедрый подарок ты сделала сынишке своей подруги, — заметил Иэн, запирая багажник — Он кто, твой крестник?

— Сегодня у него день рождения.

Бенет мгновенно пожалела о сказанном. Фраза слетела у нее с языка бессознательно. Но если предположить, что Иэн читал газету, где сообщалось о дне рождения пропавшего мальчика, то что же он сейчас подумал?

Иэн смотрел на нее вроде бы сочувственно и понимающе.

И все же он многого в ней не понимал и не знал про нее истинной правды, хотя думал обратное. Обычно мы проникаемся некоей долей презрения к тем, кто претендует на полное знание наших достоинств и недостатков, но в случае с Иэном его наивная убежденность в чистоте и благородстве помыслов Бенет была для нее подарком судьбы. Как было бы хорошо, если б он не прозревал как можно дольше!

Однако скрыться с его глаз долой и поскорее было необходимо.

Телефон зазвонил, как только Бенет вошла в дом. Это была Антония. Она звала Бенет на ужин. Сможет ли та найти няню, которая присмотрит за Джеймсом? Бенет вспомнила, что не известила о смерти Джеймса никого из своих знакомых.

На какой-то момент она лишилась дара речи. Ложь Мопсы продолжалась всю неделю и мешала ей оповестить друзей о смерти сына. Она что-то мямлила в телефон, пока не раздались крики Джейсона.

Так и не дав подруге определенного ответа, Бенет поспешно закончила разговор и принялась распаковывать подаренную Джейсону лошадку. Мальчишка быстро освоил ее и был счастлив. Бенет невольно улыбнулась, а потом представила, как полицейские заберут Джейсона, когда она решится на признание.

Ссылка на безумие Мопсы потребует длительной проверки, и репутация известной писательницы и законопослушной гражданки не защитит Бенет от пронзительных взглядов и коварных вопросов.

Машина, использованная для похищения ребенка, принадлежала ей. Район был ей знаком, так как она раньше проживала там. Недавно умер ее ребенок такого же возраста. Она скрыла его смерть от своих знакомых. И на это Бенет нечего было возразить.

Она напоила Джейсона чаем с пирожными — все-таки сегодня его день рождения, почитала ему на ночь книжку Беатрис Поттер, а когда малыш уснул, задумалась о его будущем.

Если бы Бенет была его матерью, она направила бы его учиться на художника. У мальчика явно присутствует талант изображать то, что он видит, причем весьма своеобразно. Но она не его мать. Она лишь слегка залечила его царапины и синяки, которые появятся вновь, если он вернется

в прежнюю семью садистов.

Бенет начала в воображении сочинять свой разговор с полицейскими, когда она приведет им мальчика. Болезнь Мопсы вряд ли вначале будет принята ими как весомый довод в ее защиту, а то, что она продержала у себя Джейсона больше недели и не сообщала о нем, вызовет у них вопросы о состоянии ее собственных мозгов. Детективы будут без конца спрашивать, что мешало ей разобраться в ситуации, а объяснение, что она хотела остановить вопли Мопсы, что не выносит ее крика, не убедит их. Да и она сама не поверила себе сейчас.

Воображаемый диалог между следователем и ею никак не складывался, веские причины пребывания Джейсона в ее доме никак не приходили на ум.

Но другого выхода не было. Его мать... да, Бенет стала враждебно относиться к ней, когда заметила шрамы и свежие раны на детском тельце. Но Бенет не судья и не вправе выносить какой-либо приговор.

Раны, между тем, затянулись. Она обратила на это внимание, когда купала малыша перед сном. Следы от ожогов сигарет, конечно, сохранились. Они могли оставаться на его коже вплоть до старости, но доказать, что это была попытка зажженной сигаретой, Бенет никогда не сможет.

И полиция не захочет ей поверить, и не будет ломать голову, зачем кому-то понадобилось прикладывать горящий окурок к нежной коже ребенка.

Она уложила Джейсона в кроватку. Белый кролик куда-то исчез... Они устроили настоящую охоту по всему дому за пропавшим зверьком, но безуспешно. У Бенет мелькнуло подозрение, что Мопса увезла его с собой в качестве сувенира.

Чтобы утешить Джейсона, Бенет отдала ему тигренка Джеймса. Это была великая жертва с ее стороны. Ей было больно смотреть, как он зажал зубами золотистое ухо тигренка и спокойно уснул, но она выдержала. Ей еще многое предстояло выдержать. Завтра, не позже полудня, она отведет Джейсона в полицию. Такой она назначила себе крайний срок.

Бродя по дому, спускаясь в цокольный этаж и вновь поднимаясь наверх, она вдруг поняла, что не повезет Джейсона в полицию. Представившаяся ее развитому писательскому воображению сцена была настолько пугающей, что она с трудом сдержала дрожь. В полицейском участке все оборачивалось плохо. Ее никто не понимал, все на нее кричали, объявляли невменяемой. Через две минуты пребывания в участке ее уже арестовывали. А на следующий день газеты на первых полосах печатали,

что она целую неделю прятала похищенного ребенка.

Нет, она не пойдет туда и не поведет с собой Джейсона. Такое решение сразу взбодрило ее. Но это не значило, что Джейсона не следует возвращать родным.

Каким способом вернуть мальчика, соблюдая и свои, и его интересы? Способ надо еще придумать, на то она и писательница. Чтобы подстегнуть фантазию, Бенет открыла шкафчик, где хранились запасы виски, и выбрала самый лучший.

Всю витрину агентства по продаже недвижимости заполняли фотографии домов и интерьеров на любой вкус — от особняков в георгианском стиле до модных в восьмидесятых годах студий с просторными помещениями, занимающими целый этаж

Теренс, разглядывая картинки, больше внимания обращал на текст под ними и отмечал цены. Он не имел представления о стоимости жилья в Хэмпстеде, и первые же исследования привели его в состояние легкой паники. Уж больно крупное дело он решил провернуть, но цель была так заманчива...

Действовал он методично, и оставалось лишь одно агентство на Хейс-стрит, возле которого он еще не побывал.

Теренс дошел до угла Черч-роуд и остановился, вглядываясь в роскошную витрину. Он не собирался заходить внутрь. Такие вещи лучше обдeldывать по телефону. Это утро было просто ознакомительным, но на обратном пути он подумал, что потратил время не зря. Предварительная разведка, причем тщательная, была необходима, прежде чем сделать судьбоносный шаг.

Почти неделя прошла с того момента, как он обнаружил документы на дом 5 по Спринг-клоуз. С той поры он только и думал о своем плане и о том, что могло помешать его осуществлению. Вдруг Фреда надумает внезапно нагрянуть, или какой-то агент или юрист окажется личным знакомым Фиппса, или знающим, что тот скончался, или кто-то из соседей проявит излишнюю подозрительность. Хотя им-то какое дело?

Впрочем, все это было маловероятно, а других изъянов в своем грандиозном плане Теренс не видел.

И все же страх не отпускал его. Пугала больше всего простота всей этой затеи, реальность легкой победы, достижимой без лишних усилий. Такого не может быть. Где-то его обязательно должна поджидать яма, в которую он непременно провалится, где-то он совершит промах, и за это заплатится.

Невозможно так легко хапнуть сто тысяч фунтов и помахать ручкой на прощание. Или даже сто пятьдесят тысяч...

Джессика и Фреда, обе регулярно пользовались валиумом. Джессика принимала одну таблетку утром, и с этого для нее начинался день. Теренс пересыпал себе в коробочку сотню таблеток, когда покидал дом.

— Это дешевле, чем выпивка, — обычно приговаривала Фреда, считая, что ведет экономный образ жизни. Она оставила Теренсу почти две сотни таблеток. Он был обеспечен успокоительным надолго.

Теренс проглотил две таблетки, запив их водой, а затем, немного подумав, добавил еще «Чивас Регал» из запасов Фреды. От большой порции виски его аж передернуло. Он не имел особой склонности к крепким напиткам и пил умеренно.

Агент, которого он выбрал, ответил на телефонный звонок сразу же. У мистера Сойера был точно такой же акцент уроженца северного Лондона, как и у Теренса, и, вероятно, такой же уровень образования. Правда, в речи мистер Сойер старался подражать известному теледиктору.

Теренс репетировал свое обращение к агенту неоднократно. Иногда он даже во сне бормотал заготовленные фразы. И вот он наконец громко произнес в телефонную трубку.

— Я желаю выставить свою недвижимость на продажу.

Он согласовал с агентом сумму, которую следует запрашивать за дом. По настоянию агента это было не сто сорок тысяч, а сто тридцать девять тысяч девятьсот девяносто пять фунтов. Такова была специфика этого бизнеса.

— Когда вам будет удобно, мистер Фиппс, чтобы я подъехал к вам и произвел необходимые замеры?

— Замеры?

— Нам надо знать точные размеры комнат для составления проекта будущего контракта. И сфотографировать дом. Конечно, я знаком с этим зданием. Очень интересный объект. Я говорю совершенно искренне.

— Как насчет сегодня? Где-то после полудня? — предложил Теренс.

— Замечательно. В три? Половину четвертого?

Сошлись на трех часах. Чем скорее, тем лучше, решил Теренс.

Он прежде никогда не принимал в расчет соседей. Когда он, например, подкатывал на машине Фреды в два часа ночи, всюю нажимая на газ, и громко хлопал дверью, соседи вообще не существовали для него.

Он выглянул в среднее из трех узких окошек. Худая, изможденного вида женщина с седыми волосами тыкала в землю какие-то луковицы вокруг ствола дерева, росшего посреди двора. Она выглядела особой, любящей совать нос в то, что ее не касается, но тут уж он ничего поделать не мог. Предположим, она или кто-то подобный ей заметит, что Сойер делает фотографии. Даже если им известно, кто такой Сойер, они просто подумают, что это Фреда продает свой дом. Они могут даже не знать, что она путешествует.

Единственная опасность заключалась в том, что кто-нибудь мог услышать, как Сойер называет его Фиппсом. Теренс постарается, чтобы такого не случилось.

Сейчас, совершив первый шаг, он стал меньше нервничать. Что уж он такого сделал, в конце концов? Он всегда может отдернуть руку, увильнуть, отказаться от своего предложения. А то, что он назвался Фиппсом — какое в этом преступление? Он вполне мог быть кузеном покойного Джона Говарда. Молодым кузеном. Джон Говард умер в пятьдесят один год. Теренс выяснил это из свидетельства о его смерти.

Сойер явился вовремя, даже на две минуты раньше. Прежде чем он, стоя на крыльце, смог выразить свое восхищение и спеть дифирамбы строению, так удачно расположенному и так элегантно вписывающемуся в окружающую обстановку, Теренс затащил его внутрь и поспешил захлопнуть парадную дверь, сославшись на сквозняки и простуду.

— Рынок недвижимости, — начал Сойер, ползая на коленях с рулеткой, — как ни печально, напоминает нам о бренности нашей жизни.

Сказанное прозвучало так, словно эта мысль только сейчас осенила агента. Теренс предпочел бы услышать нечто другое, более банальное, например, что рынок жилья позволяет разнообразить наше пребывание на этом свете и оживляет экономику. Ему все еще не верилось, что колесо аферы уже крутится и все меньше остается шансов остановить его, если он немедленно не произнесет «стоп» и не извинится перед агентом за причиненное понапрасну беспокойство.

— Городские дома, — продолжал Сойер, — без сомнения, сегодня легче продать, чем другую недвижимость, но то, что вы предлагаете на продажу, несколько отличается по классу и обладает индивидуальностью. Описывая недвижимость в объявлении, можно создать у покупателей ложные впечатления. Тут необходима абсолютная точность, и я должен подумать, как охарактеризовать ваш дом должным образом, не пропустив ни одной детали. Кстати, могу я поинтересоваться, нашли вы что-нибудь подходящее для себя?

— Простите, не понял.

— Я имею в виду, вы сейчас, наверное, заняты поиском другого дома?

— Вам не надо об этом беспокоиться. Я уезжаю за границу и спешу продать дом. Время для меня сейчас дороже всего.

Теренс предоставил Сойеру свободу действий, а сам взбежал наверх и стал наблюдать, как агент фотографирует дом с разных точек. Насколько он мог судить, никто из соседей не следил за этим процессом.

Убрав камеру, Сойер скрылся в арке, ведущей в более старый район

Хэмпстеда, где еще сохранились бульжные мостовые.

Теренс не ожидал каких-нибудь результатов ранее чем через неделю или даже две, но пару дней спустя набрался мужества сходить на Хейс-стрит и глянуть, помещены ли фотографии в витрине агентства «Стейнер энд Уальдвуд», а если они уже там, то интересно, какие чувства он испытает при этом. Но выход пришлось отложить из-за звонка Сойера, сообщившего, что некие мистер и миссис Пим хотели бы посмотреть дом. Устроит ли его посещение в час дня?

Фреда делала всю домашнюю работу самостоятельно. Она говорила, что это развлекает ее и что ей не нравится, когда по дому шастают посторонние люди. В данном случае это шло на пользу Теренсу. Уборщица и вообще любая прислуга всегда проявляет повышенный интерес к своим нанимателям и не прочь посплетничать, а то и отправить письмецо на Карибы, где нежилась Фреда.

Сам Теренс отвергал всяческие предложения чужих услуг и убеждал Фреду, что справится со всем отлично, и по возвращении та не обнаружит нигде ни пылинки. Правда, дело обстояло далеко не так, и он не прикасался к пылесосу уже несколько дней, что, естественно, портило впечатление от обстановки. Но сейчас было уже слишком поздно беспокоиться об этом.

Он принял двойную дозу валиума и к моменту появления супругов Пим был уже в безмятежном расположении духа.

Они пробыли недолго. Когда потенциальные покупатели увидели сад, приблизительно равный по площади самой маленькой из спален, их интерес к дому сразу угас.

Но это был лишь старт, и Теренс ничуть не расстроился. Он вытащил пылесос, обнаружил хранилище швабр и щеток и навел чистоту. Он выудил паутину из укромных уголков и из-под окрашенных в алый цвет потолочных балок, отполировал до блеска скульптуры дискобола и женщины с дырой в голове.

Впервые в жизни Теренс занимался уборкой, и это не показалось ему особенно трудным делом. Он мог бы даже зарабатывать этим на жизнь, если не преуспеет в других областях и его планы рухнут.

Фотографии, сделанные Сойером, не появились в витрине агентства. Должно быть, их использовали только для визуального подтверждения размеров комнат и вручали для ознакомления клиентам. Это успокоило Теренса. Он был бы очень встревожен, если бы эти снимки висели на стенде, и каждый проходящий мимо мог остановиться и начать их разглядывать.

С отъездом Фреды он вел замкнутую жизнь, словно червяк, заползший

в свою земляную нору, но в этот вечер решил поразмяться и навестить любимые пристанища, где проводил раньше немало времени.

Прежде всего заглянул в «Смита» в Мейда-Вейл, куда он захаживал иногда с Джессикой и где можно было пропьянствовать всю ночь. Там он подцепил девчонку по имени Тереза и представился ей как Джон Фиппс.

Она согласилась поехать к нему, и дом произвел на нее впечатление. В действительности она была поражена до глубины души и призналась, что сначала он не показался ей парнем «такого сорта».

Утром они еще были в постели, когда позвонил Соьер. Миссис Голдшмидт желала бы подъехать и осмотреть дом в два часа пополудни.

Это давало Теренсу время избавиться от гостыи. Он застал ее за тем, что она переписывала телефон Фреды с пластикового кружка в центре наборного диска, но не счел это таким уж важным.

Он проглотил пару таблеток валиума — одну перед тем, как выгнал чересчур любопытную девицу, другую — за полчаса до визита потенциальной покупательницы.

Миссис Голдшмидт сильно запаздывала, и к тому времени, когда в дверь позвонили, он уже считал, что визит не состоится.

Теренс заставил себя медленно подойти к двери, чтобы она немного потолклась на крыльце, в отместку за опоздание.

Она оказалась потрясающе красивой женщиной, того же типа, что и Кэрол Стратфорд, но между ними была такая громадная разница в классе и манере поведения, что самое время было вспомнить изречение Соьера по поводу разницы между особняком на Спринг-клоуз, 5 и стандартным городским домиком.

Можно было догадаться, что даме нужно не только жилье, но и престижный адрес, соответствующий ее облику.

У нее были очень коротко остриженные, зачесанные назад светлые волосы, легкий загар, а рот напоминал разрезанную пополам спелую крупную клубнику. Она была одета в светло-серый замшевый плащ с длинным бледно-желтым шарфом и в такого же цвета сапожки из мягкой кожи.

Если бы такая женщина попалась Теренсу среди вдов, когда он высматривал добычу на ступеньках крематория!

У него не было опыта в продаже или покупке жилья, но инстинкт подсказал ему, что этот дом она захочет купить. Миссис Голдшмидт не заговорила об этом и вообще не произнесла ничего, кроме нескольких общих фраз, пока он водил ее из комнаты в комнату, а осмотр занял много времени. Она была досконально внимательна, и иногда удовлетворенно

кивала головой, как бы отвечая собственным мыслям.

Только в половине четвертого она завершила свое обследование. Неподходящее время для того, чтобы предложить гостю выпить, но и угостить посетительницу чашкой чая Теренс тоже не решился. Чаепитие как-то плохо ассоциировалось в его представлении с имиджем дома 5 по Спринг-клоуз.

В каком-то смысле ему было обидно, что ей определенно понравился дом, а его собственная личность не вызвала ни малейшего интереса. Он был бы не прочь познакомиться с нею поближе.

У нее был монотонный, как у зомби, голос, который, однако, Теренсу показался весьма привлекательным.

— Я бы хотела, чтобы мой супруг тоже осмотрел дом.

— Прекрасно. В любое время.

— Я договорюсь о конкретной дате через Сойера.

Нервы Теренса мгновенно напряглись, несмотря на воздействие валиума.

Простившись с посетительницей, он решил успокоить их физической работой. Достав пылесос, он еще раз прошелся по коврам со следами шерсти спаниеля, чтобы уже ни о чем не тревожиться, когда явится мистер Голдшмидт.

После этого он часок попрактиковался, копируя подпись Джона Говарда. Его рука была тверда, дыхание глубоким и ровным.

Теренс опять тщательно перебрал все в письменном столе и обнаружил две старые чековые книжки, где остались почти одни корешки.

В одной из них оставался выписанный, но неиспользованный чек. Джон Говард умер внезапно, от непредугаданного врачами инфаркта. Какая ирония судьбы, что он уже не мог использовать чек за номером 655339 после выписанного в уплату за газ Северной газовой компании чека номер 655338 на сумму девяносто пять фунтов. И это был последний след, который он оставил на брэнной земле. Кому предназначалась эта выплата? Вероятно, опять же оплата коммунальных услуг.

Теренс ничуть не смутился. Он не был суеверен.

Банк покойного мужа Фреды располагался в Хэмпстеде на Хай-стрит. Теренсу надо было выяснить точно, каких отделений и каких банков ему следовало избегать. Голдшмидт явился на следующий день один, без супруги, а еще ровно через сутки повторил свой визит. Он был темноглаз, толст, лыс и носил очки с сильными линзами в двойной оправе. На этот раз его сопровождала жена в черном кожаном костюме и шарфе из норки, обвивавшем ее плечи.

— Это дом моей мечты, — сказала она.

— Вы готовы немного уступить? — спросил муж.

Теренс ответил ему так, как посоветовал Сойер.

— Все разговоры о цене будут вестись через «Стейнера и Уальдвуда».

Через час позвонил Сойер. Теренс от нервного напряжения едва смог ответить ему.

— Вы настаиваете на прежней цене, мистер Фиппс?

Теренс пробормотал что-то невнятное.

— Мистер Голдшмидт предлагает вам сто тридцать тысяч фунтов.

Такие чудеса совершались лишь в сказках. Что-то сказать Теренс был не в состоянии. За него говорил Сойер, советуя поторопиться со сделкой.

Суток не прошло с того момента, как Теренс был готов отказаться от своего замысла, и еще меньше с той минуты, когда он был готов повеситься на любой люстре от страха перед грядущим разоблачением. Он боялся звонка Сойера, как зова из ада.

Он принимал ванну — не у себя, а в ванне Фреды, благоухающей тонкими ароматами, когда из воды его вырвал этот звонок. Он едва не схватил трубку мокрой рукой.

— Не кажется ли вам, что такой компромисс устроит обе стороны, мистер Фиппс?

Теренс кивнул. И только потом, осознав, что Сойер не может видеть его, он перевел мимику в речь, и прозвучало некое стаккато из: «Да... Конечно... Замечательно... Я согласен...»

Выглядело все так, что сделка состоялась или была близка к тому. Дом Фреды Фиппс ушел за сто тридцать две тысячи девятьсот пять фунтов.

Дождь мешался со снегом, и это было достаточно противно, если добавить еще ледяной ветер, дующий из каждого переулка. Нахохлившись, Барри совершал традиционный субботний поход по магазинам.

Он увидел Морин, выскочившую из подъезда публичной библиотеки с объемистой книгой под мышкой. На ней был ее вечный длинный плащ цвета болотной тины и темные туфли на высокой платформе.

Задержавшись на ступеньках, она раскрыла над собой огромный черный зонт, принадлежавший, видимо, Айвену.

Барри хотел поговорить с ней наедине, но перехватить Морин удалось лишь в толчее универмага, переполненного промокшими под дождем покупателями. Она уложила зонт и библиотечную книгу — какое-то издание по домашнему хозяйству — в магазинную тележку и двинулась вдоль рядов. При виде Барри она проявила не больше реакции, чем собаки, изображенные на банках с кормом, выставленных пирамидой на полках.

— Я слышала, что ты помогаешь полиции в поисках Джейсона, — сказала она ровно и с той же интонацией продолжила: — Передай мне чистящий порошок. Я не дотянусь.

— У тебя найдется время на чашку кофе, Морин? Или на что-нибудь покрепче?

Она почесала нос, что означало раздумье.

— Для чего?

— Я хочу спросить тебя кое о чем. Мы могли бы вдвоем посидеть где-нибудь.

— Я смываю старую краску в гостиной. А вышла только на минуту за губкой и моющим порошком.

— Подумаешь, какое дело! — Барри изобразил на лице беспечную улыбку.

Они прошли к кассе бок о бок со своими тележками. Барри помнил, что Кэрл отзывалась о сестре как о совершенно бесчувственной личности. Может, и правда не стоит искать к ней подхода, а идти напролом, не заботясь о том, что бестактно он ненароком затронет какие-то раны в ее душе?

— Морин, скажи, кто в действительности отец Джейсона?

— Зачем тебе это знать?

Он начал объяснять, но сделал паузу, пока они не миновали кассу.

На улице Морин тут же принялась читать надписи на пакете с моющим порошком, позволив Барри раскрыть и держать зонт над ними обоими.

Барри продолжил прерванный монолог:

— Мне кажется, что Кэрол все еще увлечена этим мужчиной. Возможно, у нее к нему какое-то особое чувство. Такое может быть?

Морин не поднимала глаз от текста, напечатанного на ярко-зеленой упаковке, но все же разомкнула уста.

— В ее постели перебивала куча парней. Был один, который катался на «багги» по пляжу, и тот, у которого гараж неподалеку от моего дома, и еще один черномазый. Нас с Айвеном от этого тошнило. Какое-то время мелькал и Терри, Теренс Ванд. Наша мать знакома с его матерью еще по Браунсвуд-коммон, тем мерзким трущобам, где мы родились.

Она впервые посмотрела на Барри с некоторым интересом, вызванным, по-видимому, воспоминаниями о собственном прошлом.

— Я ни с кем не спала, кроме Айвена. И не буду. Не понимаю, зачем другим женщинам надо то и дело прыгать из постели в постель? Мы с сестрой совсем разные люди. Вот как бывает. Могу я позаимствовать у тебя пакет? Если этот порошок отсыреет, его хоть выбрасывай.

Они расстались на Китайском мосту.

Барри поразило, что Морин выглядела довольной своей жизнью. Она получила от жизни то, что хотела. С Айвеном они проводили большую часть времени в молчании. Если он не был на работе, — а работа отнимала у него чуть ли не половину суток, — и Морин не суетилась по дому, они сидели перед экраном телевизора, взявшись за руки. У них не было детей, требующих заботы, праздников, которые обязательно надо справлять, друзей, которых надо приглашать к себе или навещать, ревности и страданий, ею порожденных.

Однажды они проснутся, поймут, что им уже за шестьдесят, и найдут мир таким же, какой он был раньше. Барри почти завидовал им.

Лишь одно имя вспомнила Морин. Теренс Ванд. И, кажется, обмолвилась, что они были дружны с Кэрол давно. Другие мужчины — у Морин не было в том сомнений — тоже заглядывали под юбку Кэрол. Все мужчины тянулись к ней.

Но Теренс Ванд не был случайным любовником, так подсказывала Барри интуиция. Он вполне мог быть отцом Джейсона.

Быть отцом означает все-таки нести какую-то ответственность, испытывать гордость за своего ребенка и иметь право влиять на женщину, родившую от тебя сына. О таком мужчине не забывают. Недаром Морин

упомянула это имя.

Кэрол начала работать по субботам — и в часы ланча, и вечерами, до закрытия. Этого она никогда не делала раньше, но как только Кэрол вернулась на работу после исчезновения сына, Костас сделал ей такое предложение, и она согласилась.

Квартира пропахла ее косметикой, а французские духи, которые Кэрол щедро расходовала, стоили, как однажды полюбопытствовал Барри, двенадцать фунтов за флакон. Но она покупала их оптом, и они обходились дешевле — двести фунтов за большую склянку. Барри ничего не имел против, но ему хотелось бы дарить духи Кэрол самому.

В очередной раз, раскладывая покупки в холодильнике, он вдруг почувствовал себя отчаянно одиноким. Ему даже не хватало присутствия Джейсона, хотя особой привязанности к нему он не питал. Барри все надеялся, что в дверь позвонят и мальчишка возникнет на пороге. Личико Джейсона все еще являлось ему в воображении, хотя черты его были размыты и он не находил ни с кем сходства. Его всегда удивляло, что Кэрол, с ее кукольной внешностью, родила мальчика, в котором уже в возрасте двух лет проглядывали черты почти взрослого мужчины.

Это еще больше подстегивало Барри на поиски настоящего отца мальчика. Джейсон должен быть похож на своего папашу. У Барри росло убеждение, что, встретив на улице случайно этого мужчину, он тут же узнает в нем отца Джейсона. И не надо для этого никаких тестов, анализа ДНК

Барри нечем было занять остаток дня. Он мог, конечно, отправиться к Костасу и наблюдать, как Кэрол вертит там задом, обслуживая клиентов. Он мог провести вечер с Деннисом Гордоном и поговорить с ним на две вечные темы — как быстро обесцениваются деньги и куда их лучше вложить.

Но тут перед домом вновь появилась полицейская машина. Барри на мгновение зажмурил глаза. Он понял, как «весело» он проведет предстоящий вечер.

Полицейские отыскали тело Джейсона. Они сказали Барри, что убеждены в его виновности, и ему не отвертеться. Они требовали от него опознать вещи, найденные закопанными в саду на Финчли-роуд.

Но сначала они доставили Барри в полицейский участок к двум уже знакомым ему детективам. Главный суперинтендант Треддик дал высокую оценку ловкости Барри, сказал, что понимает его мотивы, и убеждал пойти на сотрудничество с полицией, чтобы облегчить свою участь. Лэтхем был

более груб, и его лицо с красными прожилками и крючковатым носом нависало над Барри, призывая к немедленному признанию.

Владелец дома решил покопаться в саду, чтобы посадить под осень пару деревьев. Под двумя футами земли он обнаружил какие-то тряпки. В Финчли он поселился всего неделю назад, а до того дом пустовал шесть месяцев.

Дом и участок занимали почти сотню ярдов и находились поблизости от того здания, где Барри и Кен Томпсон производили ремонтные работы. Треддику этого было вполне достаточно, чтобы поднять шум и привязать Барри к находке.

— Мы там работаем всего одну неделю, — говорил Барри.

— Но ты мог заранее присматривать местечко для захоронения! — последовал ответ.

— Откуда я мог знать, что мы получим работу близко от того места? — твердил Барри. — Меня вообще не было с Кеном, когда тот договаривался с хозяевами.

Барри пытался все объяснить полицейским, но ничего не добился. Того факта, что Барри находился неподалеку от места захоронения и знал, что оно пустынно, было для них достаточно.

— Я там никогда не бывал и никогда не слышал об этой улице. Что нам поручат эту работу, я узнал от Кена и то совсем недавно, — протестовал он. — Вы с тем же успехом можете обвинить меня, что я просто ходил по улицам и поглядывал по сторонам.

— И это тоже мотив, — сказал Лэтхем.

У них не было никаких доводов, только враждебное отношение к нему, злоба ищeyки, которая устала и утeряла нюх.

Полицейские спрашивали о том, как выглядит улица, где они с Кеном работали, где съедали свой ланч, каким транспортом они добирались до Финчли-роуд и наконец повезли Барри в морг.

До сих пор он не знал назначение этого кирпичного здания с окошками почти под крышей, через которые были видны лишь грубые потолочные балки. Детективы подтолкнули его в дверь, ручка которой была отполирована множеством прикосновений.

В мозгу у Барри запечатлелась именно эта отполированная бронзовая ручка, а потом еще холод и стойкий запах, который, наверное, сопровождал смерти. Пахло какими-то химикатами, но все равно это означало смерть.

В морге он вел себя — как ему самому казалось — будто он и есть убийца Джейсона. Простыня поползла вниз, открывая его взгляду лицо мертвого мальчика.

У Барри защемило горло. Он не мог вдохнуть и едва не умер на месте. Он закрыл ладонями лицо и попятился. Кто-то был вынужден подхватить его, иначе он свалился бы на пол.

Больше Барри ничего не помнил и очнулся лишь в комнате для допросов, сидя на стуле и уткнувшись головой в колени.

Если они попытаются проделать такой же номер с Кэрол, он об этом дознается и убьет их всех. Пусть тогда назовут его убийцей.

Но детективы привели не Кэрол, а Морин. Той тоже было страшно, но она сохраняла спокойствие и отрицательно покачала головой при виде детской одежды.

Потом они отвезли его на Саммерскилл-роуд, где двое репортеров прилепились к Кэрол, когда она выходила из бара.

Но перед этим полицейские еще раз пропустили Барри через очередной круг вопросов. Сколько раз Барри бывал на его участке? Не заходил ли он туда под видом агента по недвижимости, чтобы заранее присмотреть место для захоронения?

Все эти предположения выглядели чудовищной глупостью. В день исчезновения Джейсона Барри работал в другом конце городского предместья, и тому были свидетели.

Но разве так уж трудно покинуть на короткое время строительную площадку в Вуд-Грин и доехать на автобусе до Финчли?

Он мог забрать мальчика у Редьярд-гарденс, сесть с ним в обратный автобус, выйти на Финчли-роуд, убить малыша, закопать и вернуться обратно к месту работы, потратив на все час-полтора и несколько шиллингов на автобусные билеты.

Эту ночь Барри и Кэрол проспали беспробудно, потому что оба были пьяны. Они не стали баловаться вином, а опустошили целую бутылку джина. Проснулся он с разламывающейся от боли головой и такой сухостью во рту, как будто туда насовали шерсти.

Зато личико спящей рядом с ним Кэрол было невинным и розовым, как у школьницы, никогда не пробовавшей спиртного.

Барри не стал ее будить, тихо оделся и вышел купить воскресные газеты. Он хотел знать, что пишут про него и выяснила ли полиция личность найденного ребенка?

Мистер Махмуд, продавец газет, всегда был молчалив и несколько отстранен, как и его дочь, погруженная в собственный мир, так что Барри не обратил внимания на то, что Махмуд, против правил, не сказал ему положенное «спасибо» за выложенную мелочь без сдачи за «Санди миррор» и «Экспресс».

Эта пакистанская семья была известна своей неразговорчивостью, но сейчас их немота выглядела нарочитой.

Пересекая площадь с купленными газетами, Барри наткнулся на двух девчонок с определенной репутацией. Стефани Изадорос и еще одна девица вроде бы по имени Диана Фоулер, как запомнилось Барри, шли в обнимку, стуча высокими каблуками.

Он быстро проглядел заголовки газет — ничего нового, только фото Кэрол на первой странице «Миррор» — с поднятой рукой, словно посылающей всем привет. Двое репортеров увязались за ней, когда она уходила с работы, и сфотографировали ее.

Девчонки шли прямо на него, шурша плащами и как всегда хихикая, неизвестно по какому поводу. Он был вынужден поприветствовать их.

Кэрол однажды обмолвилась, что Стефани сохнет по нему. Если это и было правдой, то теперь ее чувство угасло, потому что она демонстративно отвернула голову. То же самое сделала и Диана.

Конечно, это было смешно. Барри подозревал, что эти создания вообще не знают грамоты, но оказывается, газеты они читают, во всяком случае, разбирают тот текст, где напечатано о его персоне.

Кэрол провалялась в постели до самого ланча.

Телефон звонил несколько раз, но, вероятно, кто-то ошибался в номере, потому что когда Барри брал трубку, тут же давался отбой. Иногда, впрочем, следовала многозначительная пауза.

Потом он решил, что кто-то хочет дозвониться Кэрол, но не желает разговаривать с ним. Барри был уверен, что это какой-то мужчина. Томясь бездельем, он вымыл всю посуду после ночной гулянки и ту, что оставили после себя репортеры, гостеприимно принятые Айрис, навел в кухне порядок и вышел через заднюю дверь с мешком мусора.

На улице было холодно, но сухо. С утра, когда он ходил за газетами, заметно похолодало.

Он посмотрел на зелень вокруг и пожалел, что она скоро погибнет под снегом. Миссис Спайсер возилась возле своих клеток с кроликами, давала им что-то горячее, от чего вился легкий парок. Завидев Барри, она улыбнулась ему, поздоровалась и выразила надежду, что день хоть и прохладный, но обойдется без дождя. Почему-то без всякой причины Барри преисполнился благодарности за эти слова. Он готов был ее расцеловать.

Кэрол сказала, что провести еще один вечер без компании она не в состоянии. Она нуждается в движении и шуме. Она долго пролежала в ванне с косметической маской на лице, нарезаая мелкими кусочками и поедая авокадо.

В черно-белом платье и накидке из искусственной лисицы, она возродилась из небытия и стала прежней Кэрол, которую он любил.

Она не видела ни Таню, ни Райана со дня исчезновения Джейсона. Барри не напоминал ей об этом. У него было достаточно и своих тревог.

Они с Кэрол отправились в «Бульдог» на встречу с Айрис и Джерри, но когда они уже были в дверях, вдруг опять зазвонил телефон. На этот раз трубку взяла Кэрол. Барри решил подождать ее на крыльце. Она же отнесла аппарат в гостиную, и он только успел услышать: «Ой, привет! Рада тебя слышать».

Потом дверь захлопнулась, оставив его на улице. Он вдруг почувствовал себя таким одиноким, как никогда в жизни. Он ни за что не унизился бы до подслушивания, да это бы ему ничего не дало.

Барри почти замерз на ветру, когда она вышла из дома, взяла его под руку и сказала, что это звонила Алкими.

Айрис и Джерри заняли угловой столик с еще одной парой, которую Айрис представила как своих соседей. Барри тут же подумал о матери Теренса Ванда. Могло быть такое?

Айрис не имела привычки представлять друг другу соседей по столу. Люди сами познакомятся во время беседы.

Кэрол, видимо, знала пожилую женщину достаточно хорошо. Она обратилась к ней как к Дороти. Барри всматривался в лицо шестидесятилетней дамы, изрядно потрепанное, с отвисшими щеками, но зато слишком смело покрашенным ртом, и наивно искал в ней генетическое сходство с Джейсоном. Нос, пожалуй, имел ту же форму, и в глазах, сейчас поблекших, а когда-то, очевидно, васильково-голубых, было что-то похожее.

Он все придумывал, как найти подход к интересующей его теме, но вдруг Дороти и ее муж или приятель, это трудно было определить, внезапно поднялись со своих мест и заявили, что им пора уходить. Барри был разочарован.

Только потом ему пришло в голову, что как раз перед их уходом Айрис впервые назвала его по имени. Тогда же Дороти и ее спутник странно переглянулись. Тут явно была какая-то связь.

Кэрол рассеянно скользила взглядом по дымному помещению, по обыкновению накручивая на пальчик один из своих локонов.

Заведение было похоже на пещеру, выстланную алым плюшем, сверкающую хрусталем, имитирующим эпоху короля Эдуарда, с потолочными балками, давно ставшими темно-коричневыми от никотина.

Джерри сидел молча, заполненный джином доверху. Он близко

склонился к Барри.

Айрис втиснулась между мужчинами, словно разделяя их. Она тронула ноготками руку Барри и кивнула вслед удалявшейся пожилой парочке.

— Не бери в голову, Барри. Есть люди, которые чураются тех, кто хоть раз имел дело с полицией.

Обычная полуулыбочка скривила ее рот. Эта улыбка никак не подходила к ее худому, острому лицу. Айрис зажала в губах две сигареты, чиркнула зажигалкой, одну сигарету отдала Кэрол.

По пути домой Барри фактически тащил Кэрол на себе, столь неуверенной была ее походка.

Воспользовавшись ситуацией, он решился прямо спросить: «Фамилия этой Дороти — Ванд?» Кэрол находилась в отключке. Барри не удивился, такое бывало неоднократно, но он продолжал настаивать. Он остановил ее, выбрав более-менее темное место между желтыми фонарями, освещавшими Бевин-сквер. Он жалел, что такой мерзкий тусклый и неестественный свет освещает самое прелестное личико в мире. Фонари излучали зло. Они делали из лиц черепа и лишали глаза зрачков. Он как следует встряхнул ее.

— Что тебе надо?

— Я подумал, что эта дама в баре и была миссис Ванд.

— Нет. Оставь меня в покое! Это миссис Бейли. Что это тебя вдруг взбесило?

Высокая одинокая башня доминировала над всем пространством. Она напоминала заводскую трубу, в которой поселились гномы и пробили себе окошки, провели туда электричество и смотрят там телевизор.

Они продолжили дорогу до дома, повстречав на площади целую банду девчонок, разделенную на несколько группировок. Кто красил черным ногти, кто — губы, кто раскрашивался во все цвета радуги. Все дружно хрустели попкорном.

Когда Барри с Кэрол проходили мимо, одна из девчонок бросила непристойную реплику, вызвавшую у юнцов смешки, но взрослые проигнорировали ее.

— Они все тупицы. У них в головах нет места ни для одной мыслишки, — произнесла Кэрол достаточно громко и четко, чтобы быть услышанной. — Когда ты здесь появился, они были готовы наброситься на тебя, как крысы. Им больше нечего делать, кроме как пялиться на чужих мужчин.

Ее легкое тело подрагивало так близко, и Барри преисполнился мужской гордости, что она ревнует. Потом она шептала ему на ухо:

— Я готова на все, лишь бы убраться отсюда поскорее. Я ненавижу эту вонючую трясины. Мне страшно думать, что я умру, так и не выбравшись отсюда.

— Кэрол, — заклинал он ее, — дай мне год-полтора. Я накоплю денег и куплю нормальный дом.

Она смотрела куда-то в сторону, где скапливалась темнота.

— Это все мечты. Жалкие мечты, и ждать придется так долго. Мне нужны реальные деньги. Я устала от борьбы с бедностью и со скукой. У меня был шанс, но мой муж погиб...

— Но я здоров и молод. Я могу сделать для тебя не меньше, чем Дэйв. Давай поженимся, Кэрол. Я буду прыгать от счастья, когда ты назовешь меня своим мужем.

— Как я могу выйти замуж, пока неизвестно, жив Джейсон или нет?

Его обдало холодом. Неужели и она подозревает, что он замешан в исчезновении ее сына?

Полиция, проявив удивительное рвение, ворвалась к ним еще до рассвета и доложила Кэрол, что обнаруженный мертвый мальчик — не Джейсон. Кэрол встретила их неласково, хоть и придержала свой язвительный язычок, только пожала плечами.

Они, вероятно, восприняли это как равнодушие к судьбе собственного сына.

Выяснилось, что труп ребенка был захоронен еще три месяца назад, когда его родители путешествовали по Северной Африке.

Барри высказал странное, и не вполне оправданное с его стороны желание, чтобы этот ребенок был похоронен достойно. Он предложил взять на себя расходы на похороны. Сержант его не понял, а второе его пожелание посоветовал отослать к утренней смене. Барри потребовал, чтобы его фотографии с подписью «Барри Махоун невиновен в гибели этого ребенка» были отпечатаны и развешаны полицией по всему кварталу. Или чтобы машина с громкоговорителем проехала по району и оповестила жителей о его невиновности. Он хотел быть чистым, безо всяких недомолвок и подозрений.

Мать научила его говорить только правду, и он будет говорить ее даже на пылающем костре. А если он полюбил женщину, то будет верить в нее всегда и простит ей все грехи. В таких традициях он воспитан.

Сегодня был первый выход Кэрол на работу к миссис Флеймон после возвращения той из Туниса.

Барри провожал Кэрол через Китайский мост к автобусной остановке.

Он чувствовал себя рыцарем, защищающим любимую женщину, но горькая мысль не оставляла его — а кто, если понадобится, встанет на его защиту? Щемящее чувство одиночества вдруг опять овладело им, хотя рядом в обнимку с ним шла Кэрол, красивая, как всегда.

По дороге им никто не повстречался, и поэтому и вопросов никаких не было задано о том, как обстоят дела. Старый чудак, удивший рыбу в канале каждое утро в любую погоду, даже не взглянул в их сторону. Автобус Барри пришел первым, и они расстались.

Один автобус до Вуд-Грин, а там пересадка на другой. Но по какой-то случайности к остановке медленно подкатила двухэтажная машина с маршрута на Хэмпстед. Такого никогда не бывало. Никаких автобусов в тот район с этой остановки не отправлялось, но на этом на табличке значилось: «Хэмпстед». Вероятно, это был какой-то учебный рейс. Барри вспомнил адрес на бумажке, выпавшей из пальто Кэрол, — Спринг-клоуз, 5, Хэмпстед.

Теренс Ванд...

Там, правда, было написано уменьшительное Терри. Барри почему-то неприятно стало созвучие этого имени со своим собственным, будто их что-то связывало.

Теренс Ванд, живет в Хэмпстеде? Престижный адрес, ничего общего не имеющий с «вонючей трясиной» или «мусорной свалкой», как обзывала Кэрол их собственный район.

Барри сел в подошедший автобус, идущий к месту его работы, взобрался наверх и начал приглядываться к людям в автобусе и на улице. Ему стало казаться, что их стало намного больше — празднующих или раскатывающих без дела в городском транспорте, чем было несколько лет назад. А ведь сейчас самый разгар рабочего дня. Без сомнения, все эти люди — безработные. Барри пугала безработица. Он не хотел даже мысль о ней допускать в голову.

Большинство мужчин были чернокожие или индейцы, быть может, выходцы из Ирландии, как и он сам, темноволосые, с грубоватыми чертами лица и злым огоньком в глазах. Некоторые обладали мужской привлекательностью, но он не заметил никого, похожего на взрослого Джейсона.

Идея зрела в мозгу Барри и наконец твердо закрепилась там. Для собственного спокойствия, а если и не спокойствия, то хотя бы чтобы сбросить часть груза, давившего на душу, он должен отправиться в Хэмпстед, отыскать нужный дом на Спринг-клоуз и поглядеть на этого Теренса Ванда.

Бенет была в замешательстве, прочтя в газете, что обнаружен труп ребенка.

Если они решили, что это Джейсон, она могла бы не возвращать мальчика.

В ее рассуждениях было два весьма сомнительных момента, вызывающих противоречивые чувства.

Первое — это то, что мертвый мальчик никак не мог быть Джейсоном, потому что настоящий Джейсон стоял в двух шагах от нее и кормил свою игрушечную лошадку кусочками сахара. А второе — и главное — ничего не могло быть более губительным для нее, более враждебным ее планам и в работе и в жизни, чем ощущать себя связанной с Джейсоном.

Однако весть о находке тела погибшего ребенка странным образом обрадовала ее, за что она немедленно выразила себе порицание. Это было ужасно и недопустимо — испытывать такие чувства. Кому бы ни принадлежало это жалкое, изувеченное тельце, когда-то оно было ребенком, чьим-то ребенком, убитым намеренно или случайно в результате слишком далеко зашедшей жестокости и закопанным наспех на пустыре.

Потом какое-то смутное и протivoестественное разочарование охватило ее, когда сообщили, что тело ребенка опознано, что это нигерийский мальчик по имени Мартин М'Боа, находящийся в розыске уже три месяца. Это вернуло Бенет к тому, что пора выполнять задуманный план. Она тянула время, откладывая его, пока существовали сомнения в личности ребенка и еще не был придуман способ, как сделать задуманное скрытно.

Джейсон вдруг начал просыпаться по ночам и звать ее. Первый раз, когда он разбудил Бенет криком «мамочка», она вскочила в ужасе, уверенная, что ее позвал Джеймс. Она не хотела идти к нему в комнату и видеть его вместо Джеймса, но все же пошла на зов.

Мальчик ни в чем не был виноват. Нельзя было сердиться на него за то, что он ночью из-за своих детских страхов поднял с постели женщину, которая последнее время заботилась о нем. На месте Бенет могла оказаться любая другая женщина, а первое слово, пришедшее ребенку на ум, чтобы позвать на помощь, было, конечно, «мамочка».

Успокоив его, она сама уже больше не засыпала, а лежала неподвижно без сна, в раздумьях о том, в какое странное положение она попала.

Мопса, конечно, была сумасшедшей. Но сама Бенет, не обезумела ли от шока, вызванного потерей сына, от горя, затмившего ей весь реальный мир так, что продержала у себя мальчика так долго уже после того, как узнала, кто он такой.

А сейчас в своем ли она уме?

Задаваться таким вопросом не следует. Она полностью пришла в себя и стала даже писать понемногу, и работалось ей хорошо в уютном кабинете, когда Джейсон укладывался спать.

Но это произошло с запозданием. Здравый рассудок она обрела слишком поздно.

Этот здравый смысл, не имея твердой опоры, легко поддавался соблазнительным идеям, исходившим от Мопсы, — что Джейсона надо незаметно посадить на кирпичную ограду Редьярд-гарденс примерно там, откуда его похитили.

Сначала его обнаружат обыватели, отягощенные рождественскими покупками, объявят по радио универмага об одиноком ребенке и доставят в полицию. Установить личность мальчика будет легко, и все закончится благополучно. Эту счастливую картинку Мопса представляла очень ясно, но не слишком настаивала на возвращении Джейсона в семью.

Она не связывалась с Бенет после своего отлета в Испанию. С дочерью говорил по телефону только отец. Он сказал, что Мопса добралась благополучно, в хорошем настроении и рассказывает много интересного о своем визите в Лондон. Бенет волновало, что мать рассказывала о Джеймсе и Джейсоне. Призналась ли она в чем-нибудь?

Бенет сама должна была проявить инициативу, прежде чем Джон Арчдейл спросит: «А как там мальчик?»

Он как раз задал этот вопрос, но так небрежно, что Бенет поняла — отец делает это только из приличия. Значит, ему ничего не известно о горе и трудностях, постигших ее.

Ей нужен был кто-то, кому она могла исповедоваться. Каким-то странным образом Мопса сохранила, не порвала ниточки, связывающие Бенет с людьми, которые проявили к ней доброту.

После Антонию единственным человеком, позвонившим ей, был доктор Иэн Рейборн. Он пригласил ее где-нибудь вместе перекусить.

Бенет колебалась. Встреча с ним на улице, когда она везла лошадку для Джейсона и он увидел мальчика, могла вызвать у него опасные подозрения. Но это можно было как-то объяснить или вообще не затрагивать эту тему, а свидание в ресторане, на нейтральной почве позволит ей узнать этого человека лучше. Она сама удивилась, как ей этого

хочется. Но Джейсона нельзя было оставлять одного, и некого было попросить или нанять посидеть с ним. Это было оправданием, почему она отказала Иэну. Бенет сказала почти правду, что каждый вечер у нее занят.

— Может быть, в другой раз? На следующей неделе?

Она охотно дала согласие, подобно ребенку, откладывающему что-нибудь вкусненькое про запас.

И вот неделя прошла, и Бенет ждала, что Иэн позвонит. Если он напомним о себе, она примет какое-то решение насчет Джейсона.

Лежа в постели без сна в три часа ночи — самое время размышлять логически — она решила во вторник сбить с рук Джейсона, а в среду поужинать с Иэном. Утром, одевая мальчика и кормя его завтраком, толкуя о планах на сегодняшний день, она уже растеряла всю свою решимость. К ней вернулось щемящее чувство жалости к мальчику и ответственности за его судьбу.

Она ждала звонка от Иэна, как девчонка от своего первого возлюбленного. И когда он не позвонил, разочарование было не тем словом, какое могло выразить ее чувство. Она не притрагивалась к телефону, пока не выяснила, что Джейсон принял аппарат за игрушку и сломал его уже два дня назад.

Бенет сдержалась и не стала его наказывать.

Она даже отперла шкаф с запрятанными там игрушками Джеймса и вывалила их грудой, отдавая во владение Джейсону.

Он исследовал, словно обнюхивал, каждую игрушку. Палитру с красками, которую Джеймс никогда не трогал — видно, она была ему еще не по возрасту — Джейсон взял в руки первой. Вряд ли он понимал, какие цвета содержатся в этих маленьких коробочках и как их использовать. Вероятно, он просто любовался пестротой. Но на Бенет это произвело впечатление.

Джейсон отличался разборчивостью во всем, даже в еде. Сейчас он взял кисточку, провел ею по худой ручке, где еще не выросло ни единого волоска. Он проверял, а проверив, улыбнулся ей своей неприятной для нее улыбкой. Еще немного, и он запечатлел на листе бумаги радугу — все семь цветов.

Вдруг ожил дверной звонок Бенет устремилась к двери — взглянуть, кто пришел. Может быть, отчаявшийся дозвониться Иэн? Но на пороге могла быть полиция... Во рту у нее стало сухо.

В шесть вечера уже наступили сумерки, и Долина Покоя не так ярко освещалась, как весь старый Хэмпстед. Она посмотрела в дверной глазок

Там маячила одинокая фигура, искаженная толстым волнистым

стеклом.

Она не сразу узнала посетителя.

Вечер сулил ей разные варианты: от неприятного разговора с полицией до объяснения с Иэном.

Но перед ее дверью стоял Эдвард.

Нотариальная контора, согласившаяся обслуживать Теренса, располагалась в Криклвуде. Он издали заметил золотые буквы на целой веренице окон первого этажа громадного приземистого здания. Криклвуд был безопасней, чем Хэмпстед.

Забрав из машины папку с документами, он, сдерживая нетерпение, направился к дверям. К тому времени Теренс уже приобрел некоторый опыт и спокойно воспринял свое двойственное положение, направляясь в качестве мистера Фиппса, к эксперту по подписям, кажется, всю жизнь занимающемуся и получающему жалование только за исследование подписи Джона Говарда Фиппса.

Теренс ожидал, что на него обрушится куча вопросов, но юрист спросил у него только его фамилию и фамилию агента-посредника. Правда, законник выразил некоторое удивление скоропалительностью сделки.

— За оформление таких быстрых контрактов мы берем десять процентов от стоимости покупки. Вы вправе не согласиться с нашими расценками, но тогда процедура затянется, — предупредил он Теренса.

Сказанное ему Теренс перелопачивал и так, и этак в своем мозгу. Тринадцать тысяч и двести девяносто пять фунтов комиссионных. Величина комиссионных действовала ему на нервы.

Но если дело сорвется, он потеряет гораздо больше. Не достойнее ли пережить такую потерю, подобно истинному джентльмену, у которого вытащили кошелек? При его аппетите хватит и остального. Эта мысль привела его в уравновешенное состояние.

Дома в почтовом ящике его ожидало письмо. Первое письмо от Фреды. Он узнал ее почерк

«Дорогой Терри!»

Обращение выглядело зловеще. Хотя он раньше никогда не получал писем от Фреды, он ждал обычного «моего любимого барашка».

Он стремительно прочитал письмо, в страхе, что она извещает его о своем возвращении. Но там ничего про это не говорилось.

Не очень-то она распространялась, что конкретно подделывает, зато на

двух страницах описывала, как она счастлива, и в этих излияниях довольно часто проскальзывало имя какого-то Энтони.

Кто такой этот Энтони, объяснялось кратко в самом конце письма:

«Мой старый друг, которого я знала еще до своего замужества. Мы потеряли друг друга из виду много лет назад. У него здесь свой дом...»

Теренс сразу же просчитал ситуацию. Вот почему Фреда сорвалась с места и полетела туда! Получила весточку, возможно, даже приглашение от этого Энтони. Богатый старикашка, вот он кто! «Деньги тянутся к деньгам» — подумал Теренс. Очень похоже, что она готова выйти замуж за этого Энтони.

Письмо расстроило его. Фреда ясно дала понять, что ей безразлично его будущее. Весь тон послания был таков, будто она пишет сторожу:

«Отопительную систему следует отремонтировать к Рождеству, но предварительно подвергнуть тщательному осмотру. Позвони на фирму и договорись на определенное число; у меня с ними заключен контракт, так что тебе не надо беспокоиться об оплате».

Последняя фраза немного подняла его настроение. Значит, она пока не собирается возвращаться и совать свой нос куда не следует. Если б он только мог управлять своими нервами, сохранять хладнокровие, то и незачем ему торопиться, исчезать, теряя тринадцать тысяч фунтов, раз у него есть время в запасе.

Он позвонил в офис «Стейнера и Уальдвуда», чтобы сообщить Сойеру имя своего поверенного. В беседе выяснилось, что в обычных обстоятельствах они берут всего лишь три процента комиссионных.

Приятной новостью было то, что мистер и миссис Голдшмидт готовы приобрести дом 5 по Спринг-клоуз, не дожидаясь продажи своего прежнего дома.

— Вопрос о цепочке не встает, — сказал Сойер.

— Цепочке? — переспросил Теренс.

— Это означает, что мистер и миссис Голдшмидт не ставят условием покупки вашего дома предварительную продажу их собственного.

— Я понял. Великолепно. Просто замечательно!

Казалось, что появился повод отпраздновать такое событие. Теренс

стал серьезно подумывать о продаже облигаций внутреннего займа, принадлежавших покойному Джону Говарду Фиппсу. Он был уверен, что способен в совершенстве подделывать его подпись. А ему нужно было подписаться лишь на одном бланке. Он узнал, что даже нет необходимости лично присутствовать в конторе для сверки подписей.

А пока на данный момент он имеет полное право промотать очередное пособие по безработице. Он позвонил Терезе и пригласил ее в кино. Они отправились в новейший кинотеатр на Холме и вернулись на Спрингклоуз вскоре после десяти. Впервые он воспользовался машиной Фреды в ее отсутствие. Теренс не сомневался, что вскоре станет обладателем не менее высококлассного автомобиля.

Он отметил, что машина застоялась, и требовалось хорошенько погонять ее, чтобы подзарядить аккумулятор. Он снова загнал машину в гараж, и они вошли в дом через заднюю дверь.

Тереза спросила, можно ли ей принять ванну? Роскошная ванная комната Фреды напомнила ей фото, виденное в последнем номере журнала «Дом и сад», когда она томила в приемной зубного врача.

Теренс подошел к окну спальни и опустил занавеску из черного шелка с китайской вышивкой. Он не из скромности или стыдливости не включил свет, прежде чем отгородился от внешнего мира. Ему не хотелось привлекать внимание соседей. Вид голой парочки в спальне Фреды вряд ли приведет к немедленному звонку кого-то из соседей в офис «Стейнера и Уальдвуда» и не смешает всю игру, но вызовет подозрения насчет его поведения, что в данный момент — если цитировать Сойера — «крайне нежелательно».

Но кое-что слегка испортило приподнятое настроение Терри.

Задерживая занавески, он успел заметить, что под аркой, которая служила входом на Спринг-клоуз, стоит мужчина. Теренс мог видеть его вполне отчетливо в свете причудливых, сделанных под старинные каретные фонари, ламп.

Мужчина был молод, очень молод, совсем юнец.

Не имея склонности поддаваться беспричинной панике, Теренс, однако, сразу проникся убеждением, что юноша находится в арке не просто так, а интересуется именно домом номер 5 по Спринг-клоуз.

Он был высок, темноволос, красив особой грубоватой красотой, одет в джинсы, кожаную куртку и свитер с высоким горлом. Так мог одеться констебль, желающий выдать себя за обычного прогуливающегося юнца.

Теренс знал, что незнакомец не имел возможности разглядеть его, однако не отрывал глаз от затемненного окна.

Что ему здесь надо? Неужели полиция что-то унюхала, как-то узнала о планах Терри? Откуда, каким образом? «Нотариус...» — подумал Терри, и его сразу бросило в пот.

Возможно, нотариус лично знал Джона Фиппса. Или даже был его другом.

Теренс облокотился о прикроватный столик, доставая оттуда валиум. Он проглотил разом две таблетки. Его раздражало, что Тереза так долго плещется в ванне.

Но почему полиция следит за домом? Почему бы им просто не войти и не арестовать его?

Ему пришло в голову, что тот человек в арке как раз и собирается это сделать, но думает, что Теренс еще не вернулся.

Скоро Теренс узнает, как обстоит дело. Он должен узнать.

Какое преступление, в конце концов, он совершил? Никакое. Он еще ничего не подписал. Он скажет, что приходится Фреде кузенком и она поручила ему продать дом в свое отсутствие.

А если они спросят ее, Фреда его не предаст. Она может возненавидеть его, облить презрением, прогнать с глаз долой, но никогда не выдаст полиции.

Теренс глубоко вздохнул, ощущая благотворное действие принятых таблеток, щелкнул выключателем, зажигая верхний свет.

Тереза вышла из ванной, распространяя волны ароматов самых дорогих духов из запасов Фреды. Но ее запах, как и ее нагота, не возымели никакого эффекта. Желание у Теренса пропало. Он только надеялся, что с божьей помощью его потенция восстановится.

Настала его очередь идти в ванную.

Он почистил зубы. Потом взобрался на край биде и выглянул в окошко. Улица была пуста, только чья-то белая кошка попалась ему на глаза. Молодой мужчина, видимо, удалился.

В слабом свете лампы над крыльцом Эдвард выглядел бледным и изрядно похудевшим. Он вошел молча, как будто его специально ждали.

И вдруг, когда он разматывал длинный шарф и вешал на крючок пальто, Бенет осознала, что в действительности его приход не случайность, а давно подготовлен. Эдвард, наверное, был в числе тех анонимных собеседников Мопсы, которым один бог знает что она говорила.

Конечно, Мопса приглашала его. Это была ее заветная мечта — увидеть их поженившимися, несмотря на несовместимость характеров, разницу в чувствах, испытываемых друг к другу, и все ради какой-то

иллюзорной благопристойности и... ради Джеймса, которого уже нет на свете.

— Полагаю, что моя мать приглашала тебя сюда?

— Она сказала, что это ты меня приглашаешь.

— Эдвард, опомнись. Такого не могло быть.

— Ты была больна, не вставала с постели, когда я звонил. Она сказала, что ты будешь рада видеть меня.

Его тон отнюдь не был наглым; он говорил с печалью, пребывая в давно знакомой ей унылой хандре, может быть, более ощутимой, чем в прежние времена. Это было какое-то заразное состояние духа: тоска окружила ее кольцами.

— Я тебя не приглашала. Это первое, что я намерена тебе сказать.

— А у меня была надежда, что, войдя в этот дом, я попаду в теплые объятия.

— Только не в мои.

Он не изменился. Так же был эксцентрично одет и так же напоминал атлетично сложенного подростка. Тот же мальчишеский взгляд из-под нависшей надо лбом густой копны золотых волос. Рот его был изящно очерчен, но появились предательские морщинки в уголках.

Эдвард постарел, но постарела и она. Только вот чудесная голубизна его глаз осталась прежней.

— Входи и выпей чего-нибудь, — предложила Бенет.

Она собиралась провести его в гостиную, где в буфете хранились напитки, но вспомнила про Джейсона. Мальчик оставался один в цокольном этаже, где располагалась кухня и такие опасные вещи, как электрический чайник, газовая плита, ножи и прочее.

Она чувствовала при каждом шаге, как он следует за ней тигриной мягкой походкой, как будто на нем совсем не было обуви. Когда они путешествовали вместе по экзотическим местам, Эдвард там был своим среди диких племен, крался бесшумно, как кошка, и считался неплохим охотником.

Присутствие в ее доме Джейсона требовало объяснения, вероятно, такого же, какое было дано Иэну Рейборну. Можно было повторить ту же ложь. Почему бы и нет?

Для Эдварда этого будет достаточно, и он не проявит излишнего интереса. В прошлом он неоднократно заявлял, что вообще не любит детей.

— Я прочел твою книгу, — сказал он. — Мне понравилось. Отличная книга, достойная полученной премии.

Бенет была удивлена и даже тронута. Обернувшись к нему, она

искренне произнесла:

— Мне приятно услышать от тебя похвалу.

— А мне приятно осознание того, что многим в этой книге ты обязана мне.

Ей нечего было сказать в ответ. Он как бы заткнул ей рот кляпом.

— Во-первых, только благодаря мне ты вообще решилась поехать в Индию и проникла в такие места, куда без меня тебе доступ был бы закрыт. Во-вторых, оставим за скобками то, что умению излагать свои мысли на бумаге научил тебя я. Ты могла бы оценить мой вклад хотя бы одной строкой, выразить признательность Эдварду Гринвуду, без чьей помощи... и так далее...

— Значит, моральное удовлетворение, которое ты испытываешь, не компенсирует твое участие в моей работе? Ты хотел бы получить вознаграждение в материальной форме?

Бенет стремительно преодолела оставшиеся ступеньки. Гнев душил ее.

Джейсон на время прекратил забавляться с ксилофоном и теперь нагружал игрушечную тележку Джеймса кубиками.

Увидев Бенет, он улыбнулся ей, и личико его радостно засветилось. Он ждал, не хныча и не зовя ее, и был вознагражден за хорошее поведение тем, что она возвратилась к нему. Раскинув ручонки, мальчик направился к ней. Бенет подхватила его, прижала к себе, и прикосновение к детскому тельцу погасило в ней гнев.

Эдвард пристально рассматривал их обоих. Чуть заметный румянец проступил на его лице. Со свойственной ему угрюмостью он прокомментировал увиденную сценку.

— Значит, вот он каков, мой сын.

Для Бенет это было неожиданностью. Допуская Эдварда в свой дом, она не предвидела, как он отнесется к ребенку, хотя, очевидно, должна была подумать о последствиях. Сейчас не было ничего легче, чем сказать «да» и таким образом выйти из сложной ситуации.

В конце концов, Эдвард вряд ли появится здесь снова. Она приложит все усилия, чтобы этого больше не случилось. Нет никакого повода для возобновления их отношений.

Если бы Джеймс был жив, если б ребенок, которого она сейчас обнимает, был его сыном, Эдвард имел хоть какое-то право навещать ее дом. А раз Джеймс мертв, ее с Эдвардом ничего не связывает.

Не желая произносить ложь вслух, Бенет лишь молча кивнула, неопределенно пожав, однако, при этом плечами. Ее сдержанность должна пресечь все дальнейшие вопросы, все его попытки что-то разузнать

поподробнее, погасить все подозрения, возможно, возникшие у него. Ей будет достаточно кивнуть утвердительно головой, сделать один маленький шаг вперед и показать хорошенького, светловолосого, голубоглазого малыша этому красивому светловолосому, голубоглазому мужчине, чтобы тот рассмотрел ребенка вблизи.

И все-таки она не могла так поступить. Ее совесть противилась этому шагу. Значит, что-то еще существовало между Эдвардом и ею. Возможно, он еще что-то значил для нее. И эти жалкие остатки бывшего чувства мешали ей заявить прямо, глядя ему в лицо, что это его сын.

— Нет. Это ребенок моей подруги. Я присматриваю за ним.

Эдвард не поверил ей.

— Не морочь мне голову, Бенет. Ты полностью отсекала меня от себя, от своей книги, от своего успеха. Ты все подгрестила под себя, как последний скряга. А теперь ты даже отрицаешь, что у нас есть общий ребенок

— Я ничего не отрицаю, Эдвард. Но этот ребенок — не Джеймс.

Она посадила Джейсона на лошадку и попыталась раскатать. Но мальчику надоели лошадки, ксилофоны и тележки. Он потер кулачками глаза и заявил:

— Джей хочет соку.

Он всегда говорил это, когда уставал. Бенет поднесла его к холодильнику, вместе с ним выбрала бутылочку, подержала ее немного под струей горячей воды, усадила малыша на колени и дала ему пить. Эдвард наблюдал за ним, потом подошел и встал почти вплотную.

— Если он не мой сын, то где же Джеймс?

Набираясь мужества и сил для тяжкого признания, Бенет поступила странно даже для себя самой. Она еще крепче стиснула ребенка в своих объятиях, словно он был и надежным щитом, и источником, питающим ее энергией.

— Джеймс умер, Эдвард.

— Что?!

— Ты слышал, что я сказала. Джеймс мертв. Он умер от крупа в больнице шесть недель тому назад.

— Дети не умирают от крупа в наши дни, — сказал он и повторил: — Дети теперь не умирают от крупа.

— Я тоже так думала, но ошибалась. Такое случается.

Джейсон предпочел потягивать напиток на свободе, и ей пришлось пересадить его в широкое виндзорское кресло, выложенное подушками.

Эдвард не отрывал от мальчика глаз.

— Я не верю тебе, Бенет. Это вполне в твоем духе — изобретать

всяческие уловки, чтобы лишить меня сына, целиком присвоив его себе. Знаю, я не имею законных прав на него, но то, что он мой сын — это факт. Ты это знаешь, я это знаю, и этого достаточно, чтобы тебе не жилось спокойно на свете. Вот ты и решила обрубить все концы, и даже пошла на такую подлую ложь.

Она вздрогнула от оскорбления, но произнесла с каменным лицом:

— Я покажу тебе свидетельство о смерти.

Когда Бенет выписали из больницы, Мопса в тот же день съездила туда и привезла продолговатый темно-желтый конверт, который постаралась незаметно от дочери спрятать в самом дальнем ящике письменного стола.

Мать и дочь не обмолвились ни словом, но Бенет знала, что содержится в конверте. Сейчас она достала конверт и, не заглядывая в текст документа, вручила его Эдварду.

Тот прочел внимательно все, что было напечатано на большом листе бумаги, поднял на нее взгляд, и в глазах его она увидела страдание.

Он еще больше осунулся.

— Как ты могла допустить подобное? Он скончался от удушья. Здесь указан латинский термин, а фактически его задушили. И ты была рядом.

Эдвард опустил голову и закрыл ладонями лицо.

Как она ненавидела Эдварда в эту минуту! За его незаслуженные упреки, за его показную скорбь... Бенет молила бога, чтобы он скорее ушел, сыграв свой маленький спектакль, выступив в роли отца, скорбящего по сыну, которого никогда не видел и не любил.

Она готова была выслушать еще парочку оскорблений, может быть, угроз и обвинений в эгоизме, черствости, скарденности и неблагодарности по отношению к такому благородному человеку, как Эдвард, готова была дать ему возможность выговориться, лишь бы он потом удалился и исчез из ее жизни навсегда.

Однако в финале спектакля ее ждала неожиданность.

Эдвард отнял руки от лица и взглянул на Бенет покрасневшими глазами.

— Полчаса назад ты приглашала меня выпить с тобой. Я это воспринял как шаг с твоей стороны к нашему воссоединению, но колебался, будучи неуверенным, насколько это серьезно. После того, что я услышал от тебя, признаюсь честно: мне необходимо выпить.

Бенет вдруг поняла, кого он ей напоминает.

Мопсу.

Существовало ли это сходство и раньше? Может, в характере самой Бенет заложена потребность в Мопсе, в личности-паразите, который

откармливается за ее счет и изводит оскорблениями и подавляет своим чудовищным эгоизмом?

У нее даже вырвался смешок, такой неуместный и оскорбительный для Эдварда.

— Когда мы расставались почти три года назад, я удивлялся твоей жестокости и упрямству и считал, что тебя ничто не сломает... Однако, оказывается, я ошибался. Хочешь знать, зачем я пришел? Я думал, что мы сможем снова быть вместе. Я даже не исключал вероятности, что мы поженимся.

— Но теперь ты окончательно лишился всех иллюзий?

Не дожидаясь ответа, Бенет, осторожно отняв у уснувшего Джейсона бутылочку с соком, собралась отнести его в спальню.

— Если ты хочешь выпить на дорожку, Эдвард, обслужи себя сам. В гостиной есть буфет, в нем стоят бутылки. Уходя, просто захлопни входную дверь.

Весь вечер дом, за которым следил Барри, был погружен в темноту, и только под конец, когда он потерял всякую надежду увидеть на этот раз Теренса Ванда, крошечный просвет мелькнул в окне одной из задних комнат и был замечен им из арки, где он устроил себе наблюдательный пункт.

Теренс сначала загнал машину в гараж, а потом проник почему-то в свой дом с черного хода. Это показалось Барри странным.

Покидая свой наблюдательный пост, Барри обошел дом и разглядел в гараже сияющий голубой «вольво» самой престижной модели.

Смутило Барри то, что Теренс явно заметил его в арке, и потому спешно задернул шторы.

Барри рассчитывал, что, придя в свой дом и зажигая по пути свет, Теренс будет расхаживать по комнатам, заниматься привычными делами и не обратит внимания на какого-то парня в арке.

Но у него создалось впечатление, что Теренс чего-то испугался и спрятался за шторами.

Теперь Барри оставалось гадать, насколько хорошо разглядел его Теренс и догадался ли, что он имеет отношение к Кэрол.

Его поведение вызывало подозрения: чего он боится?

Если Барри и имел раньше какие-то сомнения по поводу Теренса Ванда и Кэрол, то теперь они начисто рассеялись.

Пнув ногой приставучую белую кошку, Барри решил больше не унижаться.

Что заставляет его смотреть на закрытые темными шторами окна богатого дома? О ревности не могло быть и речи. Эти дела остались в прошлом. Только шестое чувство заставляло его подозревать что-то нечистое в этой ситуации. Но шестое чувство существует, и оно не покидало его...

От станции метро Барри шел домой через Китайский мост. Он считал огни в домах, но не увидел света в окошке Кэрол. Возможно, она еще не вернулась с работы или с гулянки.

Бевин-сквер словно вымерла. Даже подростки на мопедах не крутились там. Лайла Курар, которая никогда не занавешивала свои светящиеся окна и всю ночь напролет гладила белые сари, только она одна продолжала заниматься привычным делом. Голая, без абажура, лампочка, слишком сильная для маленькой комнаты, слепила глаза.

У Спайсеров шторы были задернуты, зато телевизор работал на полную мощность, и оттуда грохотал бессмысленный смех.

Из темноты перед мысленным взглядом Барри выплыло лицо Теренса Ванда. В реальности он видел его не более пяти секунд, но оно запечатлелось в его памяти, будто высеченное навечно.

У Барри не было резиновых перчаток. Он воспользовался перчатками Кэрол, подвешенными на крючке на кухне. Перед ним все время маячило лицо Джейсона, каким бы он мог стать тридцать лет спустя.

Натянув перчатки, Барри отыскал шариковую ручку. Конверт он купит завтра, а пока напишет послание, не оставляя отпечатков пальцев и тщательно подбирая слова.

Любопытное анонимное письмо пришло в полицейский участок. Без всяких отпечатков пальцев и прочих следов, которые могли бы навести на след отправителя. Тщательная экспертиза ничего не дала.

К тому времени как листок из ученической тетради в линейку попал к детективам, он был уже изрядно помят.

По поводу письма состоялось совещание с привлечением лучших умов.

«Отцом Джейсона Стратфорда является Теренс Ванд. Спринг-клоуз, 5, Хэмпстед».

Сочинитель анонимного послания, очевидно, хотел убедить полицию, что этот Ванд похитил собственного сына и где-то его прячет. Цель, вероятно, заключалась в том, чтобы причинить неприятности мистеру Ванду. Кто-то имел на него зуб.

Треддик не сомневался, что Джейсон мертв, что его нет в живых со дня исчезновения; даже раньше чем о пропаже было заявлено. Мальчик был убит и закопан где-то, подобно маленькому африканцу в саду на Финчли-роуд, и со временем земля сама выдаст свои тайны.

Лэтхем, наоборот, придерживался другого мнения. Он по-прежнему считал, что Джейсона держат где-то взаперти с неизвестной целью. Он навидался всякого и хорошо знал о жестокости современного мира взрослых, но убийство малолетнего ребенка без четких мотивов казалось ему бессмысленным. И вообще он любил детей. После исчезновения Джейсона он стал внимательнее относиться к своим маленьким сыновьям. Отцовское чувство проснулось в нем.

Треддик делал упор на версию о виновности Барри. Еще чуть-чуть, и он расколет этого парня, и Барри сам выдаст себя и выведет к могиле Джейсона.

Треддик был терпелив. Он умел ждать, как паук в паутине зазевавшуюся муху.

Они спорили друг с другом, но одно их объединяло — убеждение в том, что анонимное письмо послал Барри. Предметом спора была лишь цель его поступка.

В любом случае, стрелка, указывающая на Теренса Ванда, не должна была быть оставлена без внимания.

Миссис Голдшмидт позвонила рано утром. Могла ли она зайти и еще раз осмотреть дом и сделать дополнительные измерения? Теренсу вовсе этого не хотелось, но он не мог отказать.

Кроме него, никто не должен присутствовать в доме, а день полон неожиданностей... Лучше встретить ее пораньше. Он принял две таблетки валиума.

Она явилась в половине одиннадцатого, одетая в бледно-розовый кожаный плащ с меховым воротничком. Теренс отметил, что она имеет пристрастие к мехам.

Она изменила прическу, и ее дотоле гладкие волосы были высоко взбиты. Казалось, что она чего-то нанюхалась или наглоталась, но не сильнодействующего наркотика. Первая ее фраза была странной:

— Ваш дом меня притягивает и страшит одновременно.

— Что больше?

— Больше притягивает...

— Я рад.

— Да, да, конечно. — Она мерила рулеткой стены, заносила в записную книжечку цифры.

Эмоции в ее речи по-прежнему отсутствовали. Все произносимое ею звучало как-то механически. Так монотонно обычно говорят о затянувшейся до бесконечности плохой погоде или о состоянии хронического больного.

Теренс обошел с ней весь дом. Они заглянули в каждый уголок. В восточной спальне миссис Голдшмидт сняла плащ и бросила его на один из низеньких японских стульчиков. Под плащом на ней было надето коротенькое обтягивающее платьице розового цвета с большим воротником поло.

— Так свободнее! — прокомментировала она.

Миссис Голдшмидт взобралась на скамеечку, намереваясь обмерить окно для будущих занавесок, а закончив, оперлась рукой о плечо Теренса, чтобы он помог ей спуститься, хотя высота была совсем небольшая.

Затем, уже без туфель, в чулках, она ступила на оттоманку, занимавшую оконную нишу в хозяйской спальне. Она растянула свою рулетку, потеряла равновесие и непременно бы упала, если бы Теренс не успел ее поймать.

Он обхватил ее талию и довольно бесцеремонно прижал к себе, но вместо пружинящего, нервно сопротивляющегося тела ощутил полную расслабленность и податливость женщины. Он задался вопросом, что

делать дальше.

Что-то обязательно должно произойти.

Теренс знал, что чем-то привлекает женщин, и зарабатывал этим на жизнь. Он сам не понимал, почему пошел по этому пути и на основании каких данных. Как раз данными для подобной «профессии» он не обладал. Роста он был ниже среднего, внешне — абсолютно невыразителен, а цвет его волос в безжалостном женском лексиконе определялся как «мышинный».

Кэрол Стратфорд однажды спросила его, кто он — мужчина или мышь, и правда, он часто ощущал себя мышью, маленькой, серенькой, пугливой. Вероятно, это почему-то и нравилось в нем женщинам.

Он убрал руки с талии миссис Голдшмидт и слегка шлепнул ее по бедру. Он был не совсем уверен в себе в этот момент, не знал, каков будет отклик, если он начнет действовать активнее: нарвется ли он на скандал, за которым последует отказ от покупки дома, или с молчаливого согласия дамы ему позволят продолжить штурм?

Времени для раздумий не было, но тут взгляд Теренса случайно уперся в окно, а за окном он увидел двух мужчин, вышедших из-под арки и теперь осматривавших дома по его стороне улицы.

Если Теренс так и не пришел к определенному выводу, кто был незнакомец, наблюдавший за домом в памятный и не очень приятный вечер, то в этих двух он сразу распознал полицейских.

Теренс был из тех людей, у кого на полицию особый нюх.

Ни у кого больше нет таких мутных, усталых глаз, одежды, которая выглядит так, будто ее обладатели потеряли внезапно немало в весе, а также давно не чищенной обуви.

Пять домов в этом уединенном местечке стояли почти вплотную. Мужчины оглядели их, затем двинулись через двор к дому номер один. Теренс, затаивший дыхание, наконец выдохнул.

Миссис Голдшмидт протянула ему руку, ожидая, что он поможет ей слезть с оттоманки, а может, для поцелуя.

Целовать ей руку ему в голову не пришло, поддерживать даму он тоже не спешил, поэтому она спустилась самостоятельно и присела на оттоманку, обуваясь. Потом Теренс в молчании повел ее вниз в холл.

По пути он мельком взглянул в одно из окошек, через которые падал свет на лестницу. Полисмены зашли в дом номер один, но входная дверь осталась приоткрытой. Теренсу это не понравилось.

Он хотел поскорее избавиться от миссис Голдшмидт.

Она шла впереди него, медленно, с томным видом скользя рукой по перилам, один раз оглянулась через плечо, одарив его задумчивой, с

неопределенным подтекстом улыбкой. В холле возле статуи с дырой в голове она задержалась, делая какие-то пометки в блокноте крупным размашистым почерком.

— Я забыла плащ. Я оставила его наверху.

«Она пойдет за ним, — подумал Теренс, — затем позовет меня, а затем...»

— Я сейчас принесу его.

Он помчался наверх.

В спальне Теренс первым делом выглянул в окно. Оба полисмена теперь стояли на узкой гранитной террасе перед входом в дом номер три, и беседовали с проживающей там женщиной.

Теренс схватил кожаный плащ, чуть ли не смяв его в комок, и устремился обратно вниз.

Но на первой же лестничной площадке он кое-как поборол панику, расправил плащ, спустился неспешным шагом и помог даме одеться, как и подобает джентльмену.

Ему потребовалось все мужество, — а его было немного, — чтобы открыть дверь на улицу.

Полицейские были уже в трех ярдах и оглядывали крыльцо. Потом в их поле зрения попал он. У Теренса перехватило дыхание, а в глубине грудной клетки сердце дало о себе знать. Оно прямо запрыгало от страха.

Каким-то образом они все-таки вышли на него. Кто-то, по всей вероятности, «добрая» душа из соседей, узнала, что дом выставлен на продажу. Может быть, это был хороший знакомый Сойера, может, он переписывался с Фредой...

Миссис Голдшмидт медленно спустилась по ступенькам, гордо вытянув свою лебединую шею и загадочно улыбаясь.

Полиция не обратилась к ней с вопросами. Это было величайшим проявлением такта со стороны слуг государства. Теренс возблагодарил господ, хотя преждевременно. Она сама могла спровоцировать опасную ситуацию.

Миссис Голдшмидт обернулась к нему.

— Что ж, до свидания, и благодарю вас за ваши хлопоты.

«Только не назови меня мистером Фипсом!» — мысленно взмолился он.

— Мы свяжемся с вами в ближайшее время. Я вернусь сюда очень скоро.

Это звучало почти как угроза. Теренс не нашел подходящих слов для ответа, и вряд ли мог их произнести, так как голос ему отказал. Его рот был

словно набит мягким пирогом, который ни проглотить, ни выплюнуть невозможно.

Она прошла мимо полицейских, как будто они оба были невидимками, еще раз обернулась, посмотрела на дом, чуть раздвинула губы в прощальной улыбке, и далее Теренс видел только ее удаляющуюся спину.

Зато полисмены ожили. Они вошли на крыльцо, и тот, кто постарше, рыжий, в плаще с распущенным поясом, отчего плащ раздувался на ветру, обратился к нему почти ласково.

— Мистер Теренс Ванд? Вот мы и свиделись. Вы ведь и есть мистер Ванд?

Теренс кивнул. Он ощущал себя податливым, как вялый лист.

Он даже не заметил, как они вошли, только защелкнулся замок на входной двери.

Он безропотно впустил их в свой дом, в «свою крепость».

Войдя, полицейские оглядывали холл, оформленный согласно вкусу Фреды: уродливые статуи, копии Модильяни, ковры, так до конца и не очищенные от шерсти спаниеля.

Полицейские ни о чем не просили, но Теренс сам открыл перед ними двойные стеклянные двери, ведущие в гостиную. Как бы ему хотелось, чтобы там не было следов его прежних трапез — ни кукурузных хлопьев на полу и на столе, ни яичной скорлупы и зачерствелого круассана после поспешного завтрака, вызванного ранним визитом миссис Голдшмидт! Его самого тошнило от зрелища собственной неаккуратности. Но полицейским, наверняка, приходилось видеть и не такое.

Они вошли и с интересом огляделись, меряя комнату взглядами, словно сами собирались на пару приобрести этот дом.

Осмотр продолжался в молчании вплоть до ваннх комнат, пока младший из полицейских не спросил спокойно.

— Где вы прячете Джейсона Стратфорда? Мы пришли за ним.

Сначала Теренс ничего не понял. Сказанное было слишком далеко от того, что он ожидал и чего боялся. Его просто парализовало.

— Разрешите нам присесть?

Теренс кивнул.

Однако сам он не сел на ближайший стул, а остался стоять в напряженной неподвижности, опасаясь, что, сидя, тут же раскиснет и признается во всем.

— Вы, конечно, знаете, что маленький Джейсон исчез. Думаю, что нет никого в округе, да и во всем Лондоне, кто бы ни знал об этом. Если я не ошибаюсь, то вы — близкий друг его матери, миссис Кэрол Стратфорд?

К лицу Теренса будто приложили освежающе прохладное полотенце, и он воспрял духом. В такую удачу трудно было поверить. Ищейки не разнюхивали его аферу с продажей дома и занимались тем, что его вовсе не касалось.

Но страх все же не покидал его.

— Согласно нашим сведениям, вы отец Джейсона Стратфорда.

— Я?! — Это было первое слово, которое смог исторгнуть из себя Теренс.

Они промолчали, только посмотрели на него далеко не дружелюбно.

— Это она вам ляпнула такую глупость? — расхрабрился Теренс.

— Нет-нет, мистер Ванд. Мы не имеем права открывать источник нашей информации, но, будьте покойны, вы можете в условиях полнейшей конфиденциальности сообщить нам сведения о рождении ребенка миссис Стратфорд.

Теренс им не поверил. Это Кэрол навешала им лапшу на уши. Это как раз в ее характере — подыскать наиболее уязвимую жертву. Без сомнения, она защищает истинного отца Джейсона, потому что он или слишком опасен для нее, или вправду похитил мальчика.

— Я даже не знал, что у нее есть ребенок такого возраста, пока не увидел по телевизору сюжет о его исчезновении.

Они были предельно вежливы, эти полицейские.

— Чем вы занимаетесь, мистер Ванд? Вы женаты?

Теренс неопределенно пожал плечами. Как объяснить, особенно этому молодцу, свою профессию?

— Вы готовы показать нам весь дом, не дожидаясь официального ордера?

— Да, пожалуйста, — чуть не вскрикнул от радости Теренс и, заглотив без виски две таблетки валиума, пустил полицейских шастать по дому. Тут он был чист, и осознание этого доставляло ему счастье.

Они ушли, и это было счастьем вдвойне, даже втройне. Он справился со своей трусостью. Он мог позволить себе отметить грядущее завоевание ста тридцати тысяч фунтов двойной порцией виски.

Теренс знал свой характер. Страх, пережитый сегодняшним утром, чуть не довел его до смерти. Если визит двух полицейских привел его в состояние ужаса и почти полной потери контроля над собой, не упадет ли он в обморок, подписывая купчую и получая из банка сто тридцать тысяч и скрываясь с ними неизвестно куда?

В какую мышиную нору забиться? Как он будет себя чувствовать с сумкой, полной денег, в аэропорту или уже на борту самолета?

Не умрет ли он от сердечного приступа, как умирают загнанные зайцы?

Не разумнее ли взять чек на десять процентов от всей суммы, внесенные Голдшмидтом на депозит в качестве задатка, и смыться, ограничившись этими тринадцатью тысячами фунтов? Но что делать с чеком?

Теренса опять пробрала дрожь. Он поспешил поставить стакан с виски на стол, чтобы не расплескать его содержимое.

Кое-что, очень важное, он не продумал, упустил из виду.

Голдшмидты — или их юристы — выпишут чек и переведут деньги на счет Джона Говарда Фиппса. Следовательно, Теренс должен предъявить чек и снять деньги со счета, которого не существовало, как и самого Фиппса.

Ничто не могло помешать Теренсу открыть, например, счет в другом банке на имя Джона Говарда Фиппса, если там не потребуют рекомендации от какого-нибудь их клиента, пусть даже из другого отделения, но который был постоянен, надежен и кредитоспособен. Как и Фиппс. Теренс знал, хоть и немного, об этих банковских делах Джессика однажды открыла счет на его имя в «Англо-Виктории», и там ей пришлось поручиться за него.

А сейчас? Кто в целом мире поручится теперь, что Теренс Ванд есть Джон Фиппс, уважаемый гражданин? Кто осмелится подтвердить это при внимательном взгляде банковского служащего?

Никто. Он никого не мог взять в сообщники. Делить сто тридцать две тысячи фунтов с кем-нибудь значило не только отдавать кому-то чуть ли не половину, но и стать возможным объектом шантажа партнера. Дальнейший ход операции требовал тщательного обдумывания.

Ночью выпал снежок и скрыл уродство крыш и все грехи архитекторов, а почтальон наконец обнаружил свою неустанную деятельность четкими следами на тонкой белой пелене.

Закончив завтрак, Джейсон вновь расположился на полу и занялся рисованием. Он нарисовал саксофон, из которого, как из трубы, вылетали ноты. Причем разного цвета. Для двухлетнего малыша это была странная фантазия. Бенет пыталась угадать смысл, но отступила, озадаченная.

Собираясь в поездку, Бенет купила накануне теплую одежду для малыша. Предварительно она спорила все этикетки, чтобы обновки не навели на след. На Джейсоне теперь были синие вельветовые брючки, теплая матросская тельняшка и свитер из натуральной неокрашенной шерсти. На ногах желто-коричневые носки и светлой кожи полуботинки на шнурках.

Бенет посадила его себе на колени, напяливая на малыша твидовое пальтишко фасона «Черная гвардия». Оно не вызывало у нее положительных эмоций, и не потому, что не нравилось ей само по себе. Купила она его в Хэмпстеде, в дорогом магазине, где провела с Джейсоном при выборе довольно много времени, чтобы его как следует примерить. Продавщица могла их запомнить. Но уж очень хотелось Бенет одеть малыша согласно собственному вкусу, отсечь его от уродливого прошлого. Зима обещала быть суровой.

Ездить в машине мальчику очень нравилось, и он не создавал для Бенет никаких проблем даже в уличных пробках. Он не капризничал, и его не укачивало. Ей было интересно, как он поведет себя на Лордшип-авеню, когда увидит знакомые места. И запомнил ли ее дом в Долине Покоя, в котором теперь живет?

Сейчас это, может быть, не так уж важно, но когда он вырастет и проедет здесь, что-то защемит в его сердце или нет, притормозит он или попросит водителя замедлить ход? Возникнет ли в нем чувство, что мы называем дежавю? — я был здесь когда-то? Вспомнит ли он, что провел здесь шесть недель, возможно, самых странных в своей жизни, как бы она ни сложилась.

Бенет не слишком опасалась за себя. Она не из тех личностей, что находятся на подозрении у полиции. Однако если они начнут допрашивать подряд всех женщин, которые при разных обстоятельствах в недавнее время потеряли ребенка, то со временем доберутся и до нее. Работа эта несложная, но уж как-то не похоже на полицейских, что им придет в голову первым делом заподозрить молодую писательницу — автора бестселлера, недавно поселившуюся в престижном районе и не знакомую с той средой, где родился и рос Джейсон. И все-таки она находится в опасности, пока Джейсон не будет найден живым и здоровым.

Остановившись на красный свет светофора, она оглянулась назад и спросила у малыша, что уже вошло у нее в привычку:

— Как дела, Джей? Что новенького?

— Белое, — сказал мальчик — Все белое. Снег.

— Сейчас его мало, но потом будет много, и ты сможешь слепить снеговика.

— Снеговик! — повторил Джейсон, словно смакуя это слово. — Снеговик снеговик

Ей захотелось поделиться с ним вдруг тем, что она задумала:

— Я собираюсь оставить тебя в библиотеке на Лордшип-авеню. Я часто бывала там в детстве, думаю, тебе там понравится. Там есть детский

отдел с большим круглым столом и маленькими стульчиками. Я усажу тебя на один из таких стульчиков, достану с полки книжку с картинками, а потом уйду. Но сначала я прикреплю к твоему пальто бумажку, где будет написано, кто ты такой: «Это Джейсон Стратфорд».

— Пальто, — повторил Джейсон. — Пальто Джея.

— Да, а на нем бумажка с твоим настоящим именем. И когда люди увидят, что на стульчике сидит одинокий мальчик в пальто с именем, написанным на бумажке, они сразу все поймут и позовут твою маму.

«И полицию», — подумала Бенет, представив, как все это будет происходить — суматоха, суета, шум. Ей стало тяжело. Она уже ощущала, как изменится ее жизнь после расставания с Джейсоном.

— Мамочка, — вдруг произнес Джейсон вполне разумно. — Мамочка, зеленый свет, поехали.

Она проезжала вдоль Редьярд-гарденс, выискивая место для парковки. Проблема усугубилась с тех лет, когда она жила здесь. Везде были запрещающие желтые двойные линии. Бенет выискивала место поближе к зданию библиотеки. Пришлось сделать большой круг, проехать вдоль канала и мимо гаража, откуда мог выйти Том Вудхаус и увидеть ее, проезжающую на медленной скорости. Он так и сделал — вышел, посмотрел, но узнал ли?

Оголенные сучья деревьев были облеплены снегом. Свинцовое, низко нависшее небо угрожало уже серьезным снегопадом. А те ветви, откуда снег осыпался, торчали, как голые кости скелета.

Она повстречалась с Эдвардом именно в это время года и в такую погоду. Он нашел для себя, а может и для них обоих, уютную комнатку, достаточно дешевую, со всеми удобствами в этом районе, и она пришла к нему, чтобы согреться и перезимовать, не планируя ничего большего. Тяжело было вспоминать, как складывалась их совместная жизнь. Ее тело еще не привыкло к испытаниям, было нежно, отзывчиво, а он впивался в него ногтями, заделал ей ребенка и все требовал, чтобы они узаконили свой брак

Он соблазнил ее на поездку в Индию, и это был подарок судьбы. Поболтавшись с ним там немного и отпустив от себя изучать наркоту на практике, она засела за роман. Индийские женщины открыли ей такое, что стало интересным для Америки и Европы, а главное, убедили ее в том, что ее призвание — писать.

Бенет обнаружила просвет между стоящими вплотную машинами у Китайского моста.

Она выкинула Эдварда из головы, как мусор, потому что предстояло

заняться серьезным делом.

Бенет вытащила из багажника прогулочную коляску Джейсона, сомневаясь, стоит ли оставлять ее на месте преступления. Коляска была настолько потрепанная и убогая, что годилась на свалку, но, может быть, и такая вещь представляет ценность для Кэрол Стратфорд, и Бенет не имела права распоряжаться чужой собственностью.

Но, с другой стороны, с этой коляской могут не впустить в библиотеку, а спорить и привлекать к себе внимание Бенет совсем ни к чему.

Она решила оставить коляску на месте, там, где она был похищена. Если кто-то польстится на нее, новая одежда Джейсона послужит многократной компенсацией за утерянную вещь.

Бенет взяла на руки Джейсона и опустила его на тротуар рядом с машиной. Он оглядел то, что должно было быть знакомо ему с рождения, но никак не переменился в лице. Холодный воздух подрумянил его щеки. Он крепко держал Бенет за руку, потом вдруг резко вырвал свою руку и указал на высокую башню в центре Бевин-сквер.

— Что это? — спрашивал он возбужденно. — Что это?

— Ты здесь жил, Джей.

Он остановился, и Бенет подхватила его на руки.

— Прости, Джей. — Это была последняя возможность назвать его так. — Мы все жертвы обстоятельств. Бедная Мопса больна, и она не понимает, что делает, поэтому тебя похитила. Что касается меня — то мне нет прощения, я удерживала тебя так долго. Я сама не знаю, почему так получилось. Я трусила, боялась полиции... Но я надеялась, что ты не был так уж несчастлив со мной.

Мальчик нахмурился, потом закусил нижнюю губу в глубоком раздумье.

— Скажи мне что-нибудь, — попросила Бенет. — Если не доброе слово на прощание, то хотя бы до свидания.

— Собака! — воскликнул Джейсон, завидев залаявшего на них крупного добермана, и прижался к Бенет в страхе. — Мамочка!

Две библиотекариши распоряжались в главном зале. Одна изучала каталог, вторая выдавала книги, ставя штампы в читательские билеты. Бенет заметила, как какой-то подросток прижимает к груди ее книгу и показывает библиотекарше свое свидетельство о рождении, а значит, право на прочтение такой книги.

Бенет с трудом узнала себя на фотографии на суперобложке — там была изображена красавица с обольстительной улыбкой и гривой волос. Сейчас она выглядела совсем иначе.

Увидев круглый стол в отделе детской книги, она представила за ним Джеймса, и глубокая тоска овладела ею, и никакие плакаты и забавные рисунки, развешанные по стенам и созданные детскими руками, не вызвали у нее улыбки.

Отдел располагался на прежнем месте, и мало что изменилось со времен детства Бенет. Лишь маленькие стульчики теперь были окрашены в разные яркие цвета, и прибавилось коллажей и плакатов на стенах. Она сразу же заметила среди них скромное по размерам изображение «Рук дерева», и улыбка ее тут же угасла. Откуда оно здесь? Может быть, какой-нибудь ребенок побывал в той же больнице, где скончался Джеймс, и скопировал странное творение из тамошней игровой комнаты?

Это выглядело как предзнаменование. Но предзнаменование чего? Бенет не верила ни в приметы, ни в пророчества. Она усадила Джейсона на живописный стульчик с арабским орнаментом, достала для него с полки книгу с картинками. В библиотеке царила уважительная тишина, лишь иногда ее нарушали шаги тех, кто переходил от стеллажа к стеллажу, да какой-то мужчина, примостившийся при входе у столика для свежих газет, читая, не сдержал своих эмоций и выразил их ироническим покашливанием.

Он не смотрел в их сторону, и Бенет с Джейсоном были практически одни в обширном помещении. Джейсон листал книгу, где на каждой странице изображался какой-нибудь предмет или животное — автомобиль, лошадь в упряжке, кошка.

— Что это? Собака? — громко спросил Джейсон, узнав черного добермана.

Она приложила палец к губам — сначала к своим, потом к его, призывая соблюдать тишину. Руки дерева, изображенного на плакате, были совсем как ее руки — худые, смуглые, без колец на пальцах, и все указывали куда-то вниз. Ее пальцы тоже потянулись вниз, к сумочке, за приготовленной запиской и булавкой.

Джейсон указал на раскрытую книгу и перешел на шепот, как велела ему Бенет:

— Не люблю собак... Они лают...

Он едва ли не впервые произнес связное предложение, правда, слегка запинаясь. Но оно звучало четко, мальчик правильно артикулировал. Он ощущал себя триумфатором, и гордая улыбка светилась на его личике.

— Не люблю собак, — повторил Джейсон и по контрасту со смыслом своих слов радостно хихикнул.

Листок с фамилией мальчика был у Бенет в левой руке, булавка — в

правой. Она ощущала слабость, будто была близка к обмороку. До нее со всей ясностью дошло, что она собиралась сделать. И ей представилось, что последует за ее поступком сразу же и потом — в остальные часы дня, вечером, ночью. Пустыня, одиночество.

Ее разум мгновенно прокрутил недавнее прошлое, и на все она глянула совсем иными глазами. С первого появления мальчика в ее доме, с ее отвращения к невоспитанности, самодовольству, неуклюжести, со шрамов на детском тельце. Тогда Бенет относилась к нему совсем иначе, чем сейчас. Конечно, она не может прикрепить к малышу бирку и отправить, как почтовую посылку, в дальнейшую жизнь. Как в ее голову мог прийти такой нелепый план? Как она не поняла, что за недели, проведенные с Джейсоном, сама переменилась? И раздражение, и неприязнь к постороннему существу с чуждыми ей привычками остались в прошлом. Они стали единым целым.

— Я не смогу дальше жить без него, — призналась она себе.

Джейсон поднялся со стульчика, протянул ей уже надоевшую ему книжку, всем своим видом показывая, что пора возвращаться домой.

Прошное Рождество Кэрол справляла дома и приглашала гостей. Конечно, дети — Таня и Райан были с ней, и Айрис и Джерри, и семейство Морин. Барри интересовался, присутствовал ли там Теренс Ванд, но Кэрол не хотела вспоминать о том Рождестве, и от разговоров о предстоящем тоже уклонялась. Ей нечего праздновать, для нее работа лучший праздник, а то, что дети будут постоянно мелькать перед глазами — особой радости она от этого не предвкушала.

Если бы его собственная работа была надежной и более или менее регулярной, Барри убедил бы ее меньше времени и сил отдавать заведению Костаса. Но он не мог поручиться, что дела будут складываться так же неплохо, как в прошлый год. Кен Томсон не имел заказов после завершения работ по соседству со злосчастным участком в Финчли. А дело близилось к концу. Они попросту тянули время, затягивали каждый процесс, что, по мнению Барри, было нечестно.

Но такова жизнь. В любой момент мог заявиться заказчик, проверить, как обстоят дела, дать им пару дней на уборку территории, расплатиться и выгнать в шею. По совести, Кен не имел намерения избавиться от Барри, сбросить его в мусорный контейнер, как пару истрепавшихся ботинок. Слишком хорошим был Барри для него напарником, верным и надежным, но если нет никого, кто бы их нанял... Но не будет же он платить Барри зарплату из своего кармана? Все эти проблемы Барри, разумеется, скрывал от Кэрол, но гроза надвигалась.

Кен, во всяком случае, стал вести себя по-другому. Изменения были трудноуловимы, но он перестал, например, обращаться к Барри по имени. Так уж повелось между ними — «Барри туда, Барри сюда», а теперь Кен вообще избегал произносить его имя. А иногда, когда они сидели в конторе и подводили итоги, Барри ловил на себе взгляд Кена. Не презрительный и не опасливый, а скорее жалостливо-сочувственный, как к существу, которое гораздо ниже тебя по развитию и обречено на вымирание.

Неужели полиция так повлияла на Кена? Барри терялся в догадках. Его анонимное письмо вроде бы не получило никакого отклика. А может, полицейские каким-то образом проследили его авторство? И разъяренный мистер Теренс Ванд устроил разнос Треддику или Лэтхему за то, что на него возводятся какие-то поклепы? На него, проживающего по такому престижному адресу! Кто видел его когда-нибудь с ребенком на руках или

угощающего младенца шлепками? Для мистера Ванда было оскорблением высшего порядка, что полиция посмела забрать его с собой из такого солидного дома, доставить в участок на машине с мигалкой, а там тратить время на пустые разговоры.

Барри пытался вообразить, как подобная личность, с таким прошлым могла стать собственником столь роскошного особняка. Наверное, Теренс Ванд начал заниматься очень выгодным бизнесом с самых юных лет и ему повезло. Барри мечтал пройти тот же путь и занять действительно хороший дом для себя и Кэрол, и машину, но только времена выдались неподходящие. Он слышал, что десять лет назад все складывалось по-другому. Сейчас начинать собственное дело — означало рисковать всем, что имеешь. Даже Кен, заставший те времена и ставший хозяином, чувствует себя неуверенно.

Уинтерсайд-Даун встретил его не слишком приветливо. Спайсеры — ближайшие соседи — не вели себя так, как племя Изадорос или выходящие из лавок на Бевин-сквер нагруженные покупками обыватели. Спайсеры не пялили на Барри глаза, а просто притворялись, что не видят его.

Барри должен был чем-то занимать себя по вечерам. Он не мог сидеть дома один и в одиночку глазеть на телевизионный экран. Он решил навестить «Бульдог», который был расположен достаточно далеко от Уинтерсайд-Даун, и не многие посетители паба знали его в лицо. Около семи вечера он направился туда пропустить пару кружек

По дороге Барри наткнулся на Айрис и Джерри, следующих, видимо, как раз оттуда и уже успевших с лихвой выполнить ту же задачу. Они шла рука об руку. Айрис возвышалась над Джерри, благодаря своим непомерно высоким платформам. Барри никогда не думал, что настанет день, когда он будет рад тому, что даже Айрис и Джерри поговорят с ним.

Он не помахал им рукой, не рассчитывая на ответное приветствие, а, наоборот, ускорил шаг. «Бульдог» был уже близок, всего в нескольких ярдах. Хозяин постарался к Рождеству сменить вывеску и обновить рекламу. У бульдога теперь во рту была сигара, а на голове матросская шапочка. Барри заметил, что Айрис дернула Джерри за рукав, указала на него и что-то прошептала. Они как раз остановились у пешеходного перехода и, пережидая поток машин, никак не могли избежать встречи с Барри лицом к лицу. А им этого явно не хотелось.

Барри трудно было в такое поверить. Мать Кэрол! Уж она-то никак не должна считать его убийцей Джейсона. Кстати, она больше чем кто-либо ответственна за его исчезновение. Он уже шагнул в «Бульдог», но приостановился на пороге, наблюдая, как Айрис и Джерри медленно идут

вдоль витрин Лордшип-авеню, но смотрят не на выставленные в них товары, а на него, и никакой доброты не было в их глазах, а только холодная застывшая злоба.

Очевидно, в мозгу у Айрис засело то, что и у всех остальных, а именно — банальная житейская мудрость: «Нет дыма без огня, и раз все так говорят, на то есть причины».

Охвативший его праведный гнев заставил Барри отказаться от прежнего решения. Теперь ему уже не хотелось ни выпивки, ни общения с себе подобными. Он отпустил тугую пружину входной двери «Бульдога» и зашагал прочь по Лордшип-авеню без всякой цели, кроме одной-единственной. Он удалится отсюда всего лишь на пару миль, и уже никто из встречных прохожих не взглянет на него, как на детоубийцу. Может быть, ему стоит зайти в бар, где сейчас орудует Кэрол, не вступать с ней в разговор, а лишь издали взглянуть на нее?

Однажды Кэрол проговорила, что Айрис избегает его, считая виновным. Кэрол должна была как-то откликнуться на поведение своей матери по отношению к нему. Барри представил, как она разозлится на Айрис и осудит ее, и назовет его «мой любимый» в присутствии всех тех, кто сидит в баре.

Ждать автобуса было бессмысленно — Барри и так прошел почти все расстояние пешком.

Огни рекламных вывесок слепили глаза. Барри любил заниматься с Кэрол сексом днем, в сумерках, при неярком свете, но ни разу не видел ее обнаженной в этом буйстве разноцветных огней.

Неоновая надпись над пивной была заметна издали, потому что бар располагался на изгибе, где дорога сворачивала вправо. Забавно, что стоило Барри увидеть эти светящиеся буквы с любого расстояния, как его, словно мощным магнитом, тянуло туда.

За углом здания пряталась узкая, почти незаметная улочка, идущая под уклон. Там внизу находилось другое питейное заведение, где у Кена было постоянное, давно облюбованное место. Но сейчас Барри совсем не хотелось наткнуться на Кена. Одно дело — работа, а другое — разговоры о том, как плохо идут у них дела. Он не хотел бы увидеть и Денниса Гордона, но избежать встречи не смог.

Ему был неприятен вид припаркованного прямо под уличным фонарем серебристого «Роллса», как будто Деннису Гордону принадлежали не только «Роллс», но и муниципальный фонарь. Сам Деннис Гордон как раз в этот момент садился в машину. Дверца была еще приоткрыта, мерцали перстни на его пальцах.

Он почему-то подался вперед, шагнул из автомобиля и сделал Барри неопределенный знак рукой. Никакого повода для этого жеста не было, если только он не желал показать Барри свою новоприобретенную куртку из светлой кожи.

«Роллс» сдвинулся с места бесшумно и элегантно, как величественный корабль, покидающий наконец жалкий ремонтный док. Барри посмотрел ему вслед и подумал о людях, — а их полно, — чьи карманы набиты деньгами. Первым делом Кен — но он зарабатывает честно, крутясь как белка в колесе. Костас тоже. А Теренс Ванд, Деннис Гордон? Иногда Кэрол перепали случайные деньги, но не так уж много, и она имеет полное право пускать их на ветер. Но как бы все-таки придержать ее транжирство? И как бы удержать ее при себе навечно?

Бар был похож на музей всего, что могла предоставить природа, история и культура, чтобы удовлетворить вкус тех, у кого шуршат купюры в бумажнике.

Там были и экзотические растения, и копии картин маринистов, изображающие жестокие штормы, и фотографии египетских саркофагов, и копии обломков колонн древнегреческих храмов. В общем, здесь было на что посмотреть, плюс еще на отлично сложенных девочек, здорово натренированных. Алкмини — черноволосая, с округлыми формами, обслужила его молча, поставив перед Барри принесенные из бара напитки. Он задним умом догадался, что здесь знают, кто он такой, и сразу стушевался, внезапно оробев. Костас, заметив его за столиком, удивленно вскинул густые черные брови, а Алкмини тихо спросила:

— Ты что, забыл, что сегодня среда, Барри?

Он промолчал, что-то происходило с его здоровым, молодым сердцем. Ему стало жарко, и пот выступил на лице. Барри понял, на что намекала Алкмини. Он неправильно выбрал и место, и время. По субботам Кэрол действительно стояла за стойкой бара, но среда была предназначена для другой работы.

— Как-то вылетело из головы, — пробормотал он, словно извиняясь.

Ему было все равно, узнали ли в баре, кто он, пока не услышал за спиной шепот Алкмини, обращенный к какому-то посетителю:

— Это бойфренд Кэрол Стратфорд... тот самый...

Если Кэрол ничего не сообщила ему, значит, на среду у нее были определенные планы, и она не хотела, чтобы Барри их знал. Он выпил заказанный джин и пиво, в мозгах прояснилось. Конечно, он мог догадаться, куда направилась Кэрол, наведя на себя лоск.

Он сел на первый же автобус на остановке, даже не

поинтересовавшись маршрутом, только бы тот увез его подальше от Уинтерсайд-Даун. Любопытная идея возникла в его мозгу, правда, сразу же им отвергнутая. Кэрол слишком любит его и поэтому скрывает, что вынуждена совокупляться с другими мужчинами. Она старается не унижить его достоинство.

Барри захотел вспомнить, как она оделась сегодняшним вечером. Даже если б он вспомнил, все равно это ничего не значило. В чем она отправилась к Теренсу Ванду? Почему это должно его занимать? Он бы узнал ее издали в любом наряде, но все-таки интересно. Барри любил и ее платья, и другие ее вещи, как любил и ее саму. Даже украденные ею в магазинах тряпки — ведь она воровала не из корысти, а ради забавы и тренировки ловкости рук, — вызывали в нем не осуждение, а восхищение.

Он вышел из автобуса на Камден-Таун и спустился в подземку в Хэмпстеде. Когда Барри продолжил свой путь по Хейс-стрит, начал падать легкий снежок с мрачного, свинцово-темного неба.

Хэмпстед был иным миром, огражденным богатыми людьми от мира бедных. Только еще не были воздвигнуты крепостные стены. Барри остановился в той самой арке, откуда наблюдал за Теренсом Вандом и видел его мелькнувший за шторами силуэт. Даже городские фонари здесь были другие, и дома освещались не тем противным цветом хаки, который господствовал в Уинтерсайд-Даун.

Дом Теренса был погружен во тьму. Конечно, они развлекаются где-нибудь — слишком ранний час для любовных утех, но, вероятно, скоро вернутся. Как он поступит, если увидит их? Помешает ли им войти? Или ворвется в дом, когда они уже будут в постели? Он не боец, не агрессор, он не сможет схватить Кэрол и увести ее с собой. Куда? До остановки автобуса? У него нет никаких прав. Он ей не муж. Она даже не обещала выйти за него замуж в ближайшее время.

Барри рискнул выйти из арки и пройтись вдоль престижных домов. Гараж дома номер пять был пуст. Дверь приподнята. Они куда-то отправились на машине.

Он прошелся по Хэмпстеду, заказал в дорогом баре «Король Богемии» выпивку. Там было тепло и полно публики. Кэрол, по идее, в половине двенадцатого должна быть дома, даже если она и соврала, что сегодня занята в баре. Сейчас было только десять. Ждать оставалось полтора часа. Он понял, как глупо проводит время. Холод сковал его, несмотря на то, что в баре было жарко. Лучше было бы остаться за стойкой, но Барри решил идти обратно на Спринг-клоуз пешком и согреваться на ходу.

Появление полицейской машины положило конец его вынужденному бодрствованию на наблюдательном посту. Бело-голубой автомобиль с оранжевым огоньком на крыше проскользнул в арку. Барри был пойман светом фар как испуганный заяц на дороге, и прижался к холодной стене. Он подумал, что они явились за ним, чтобы опять задать ему дюжины вопросов, вымотать из него душу и окончательно погубить его репутацию честного работающего парня.

Но молодой полицейский в форме, выйдя из машины, лишь вежливо спросил, что Барри здесь делает, и даже не попросил показать документы. У Барри язык присох к небу. Он не знал, что сказать. Он сам не очень понимал, почему оказался на этом месте и что тут делает.

— Просто прогуливаюсь, — наконец нашелся он. — Присматриваюсь к современной архитектуре. Я строитель.

— И частенько вы так проводите время по ночам?

Барри догадался, что кто-то из соседей заметил человека, бесцельно слоняющегося вокруг, взирающего на неосвещенный дом, забеспокоился и сообщил куда следует.

— На вашем месте я бы убрался отсюда поскорее, — посоветовал полисмен. — Уже поздно заниматься изучением архитектуры чужих домов. У вас-то самого есть крыша над головой? Или мы проверим это в полицейском участке?

Он, конечно, не принял Барри за обитателя Хэмпстеда. И поэтому полицейские проследили из машины, как он убрался восвояси, причем он слышал, как они потихоньку ехали за ним до самой станции метро и светили ему в спину фарами, пока общедоступная подземка не поглотила его. Время уже перевалило за половину двенадцатого. Если он не поторопится, то опоздает на последний поезд на линии Пикаддилли с пересадкой на Кингс-Кросс.

Возможно, Кэрл подивится, куда он делся. Но Барри не хотел идти торопливым шагом перед полицейской машиной.

Он успел, наверное, на последний поезд, который шел в нужном ему направлении, но довозил только до Тернпайк-лейн. Оттуда ему пришлось идти к дому пешком. Попутчиками его была одна молодежь — его возраста и помладше — одиночки или небольшие нетрезвые компании. Среди них не было ни одной женщины.

Снег, падающий с неба, становился все гуще. Машины переключили фары на дальний свет, снег засиял, но все равно был отвратительного желтовато-зеленоватого цвета. Молодой негр с транзистором, из которого несся оглушительно громкий рок, обогнал Барри.

Барри свернул на Уинтерсайд-роуд и начал спускаться по тропинке к Китайскому мосту. Он по привычке пересчитал дома, увидел свет в восьмом от угла, но на этот раз сердце его не забило от радости и он не ускорил шаг.

Барри принялся обдумывать, какие слова сказать Кэрол при встрече. Он не мог так просто все это оставить. Газоны уже успели оттаять от недавнего снежка и выглядели теперь бурозеленоватыми в освещении уличных фонарей, а на небе держалось мрачное красное зарево от неблизкого Лондона.

Впрочем, фонари стали гаснуть один за другим, что означало наступление полуночи, и вскоре проход к их домам стал темным, как зев пещеры.

Барри вдруг подумал, а что, если он ошибся и накрутил в голове массу чепухи, что Кэрол только одну эту среду прогуляла работу в баре и просто забыла его предупредить? Алкмини ведь не сказала ничего определенного. Кэрол вполне могла, передав дела миссис Флеймон, отправиться за покупками куда-нибудь в торговый центр, который открыт допоздна. Ведь раньше она так часто поступала. Он же ушел из дома в семь, ее не дождавшись. А теперь она там, за освещенными окнами, ждет его уже несколько часов.

Барри очень хотелось в это верить. Если Кэрол расскажет ему историю, похожую на ту, которую он только что сам сочинил, Барри ей, безусловно, поверит и будет спокоен душой.

Он вошел в проход между двумя высокими оградами, и одновременно с ним с противоположной стороны туда же шагнули двое мужчин. Их фигуры перекрывали свет, и он видел только их темные силуэты. Сначала Барри не придавал этому значения. Двое мужчин идут ему навстречу по узкому проходу — вот и все, что в этом особенного?

Он продолжал путь, может быть, чуть замедлив шаг, когда ощутил какую-то странность ситуации. А она заключалась в том, что мужчины явно не собирались посторониться — хотя бы один из них — и пропустить его, даже подойдя вплотную. Они как будто не видели его и шли с явным расчетом на столкновение.

Барри почувствовал опасность, и холодок пробежал по его спине. Он повернул обратно, но тут же понял, что попал в западню. Еще один мужчина — худой, долговязый, в кожаной куртке, чуть поблескивающей в слабом свете, проникающем в проулок с открытого пространства, бесшумно прокрался по траве и теперь стоял на пешеходной дорожке, скрестив руки на груди и отрезая Барри путь к отступлению.

Впрочем, это были не взрослые мужчины, скорее мальчишки. Того, кто был в засаде, в тылу, Барри узнал, разглядев его синюю шевелюру. Они следили за ним, должно быть, долго и упорно. Выжидали, когда он окажется в одиночестве в столь поздний час.

Барри повел себя как загнанное животное, решив идти напролом. Он снова двинулся вперед и ощутил на своем лице горячее дыхание Хупи, разящее луком и какими-то специями. Черная Красотка, стоящий рядом с Хупи плечом к плечу, носил такое прозвище потому, что был рябой — все лицо в черных точках, как будто однажды в него пальнули пороховым зарядом.

— Дай пройти! — потребовал Барри.

— Гребаный убийца малышей!

Барри знал, что ему не избавиться от этого ярлыка, и что ему предстоит, он тоже знал. Что бы он ни сделал сейчас — на последствия это никак бы не повлияло. Объясняться, просить, унижаться — не составляло никакой разницы. А унижаться перед этой швалью он не собирался. И спорить с ними тоже. Горькая ирония заключалась в том, что именно они представляли сейчас так называемое «общественное мнение». Правой рукой он схватил Хупи за локоть, дернул и столкнул его с дорожки. Тот стукнулся спиной об ограду, но мгновенно оправился и полез в драку. Его рябой, испещренный отметинами союзник мгновенно пришел на помощь. Барри отбивался кулаками и локтями.

Черная Красотка повис у него на плече, нанес Барри удар по лицу, но стряхнуть с себя эту мерзкую бродячую кошку оказалось не так уж трудно —хватило одного хорошего пинка локтем в челюсть. Адреналин мощным потоком хлынул в кровеносные сосуды Барри. Он обрел силу, он побеждал, но только на какой-то короткий момент.

Синеволосый совершил невероятной длины прыжок и напал на Барри сзади. У него на руках были кожаные перчатки с вшитыми металлическими шипами. Черная Красотка, которого Барри свалил с ног, вновь вступил в бой, захватив как в наручники, запястья противника, а тем временем Синеволосый принялся колотить Барри кулаками в кожаных перчатках с шипами, специально целясь в лицо.

Синеволосый еще долго наслаждался этой процедурой уже после того, как Барри лежал на земле. Он же предоставил право приятелям использовать поверженного противника для тренировки силы ног, как мешок с песком.

Тьма заволокла сознание Барри только после того, как рот его заполнился кровью и крошевом выбитых зубов. Синеволосый отошел в

сторону, может быть, брезгуя запачкаться кровью, а дружки его все еще пинали Барри ногами, приподнимали и снова били, ударяя о железную ограду, которая в ответ вздрагивала и вибрировала. Ботинок Хупи нацелился Барри точно в печень. Он почему-то замахнулся правой ногой, хотя левая у него была сильнее. Он только сломал Барри еще несколько ребер, насколько хватило силы удара.

Прежде чем окончательно опустился черный занавес, Барри успел заметить, что за какой-то оградой засветилось окошко, распахнулись створки, и он услышал голос, незнакомый голос, который что-то прокричал на непонятном ему языке.

Книга третья

Договор заключен ___ числа _____ месяца 198__ года между Джоном Говардом Фиппсом, проживающим по адресу; 5 Спринг-клоуз, Лондон, Хэмпстед (в дальнейшем именуемым Продавцом) и Моррисом Голдшмидтом и Розмари Каталиной Голдшмидт, его супругой, проживающими по адресу: 102 Дейл, Криклвуд, Лондон (в дальнейшем именуемые Покупатели).

Теренс быстро пробежал глазами первые два пункта и запнулся на третьем, весьма существенном.

Цена определяется в 132950 фунтов стерлингов, и Покупатель согласно договору обязан перевести предварительно в обеспечение услуг, оказанных Продавцу нотариальной конторой «Люис энд Пламмер», 13295 фунтов стерлингов на счет «Строительного общества».

Означало ли это, что посредник будет держать эти деньги у себя и использовать их в своих целях до полного завершения расчетов? Теренс не так уж был удивлен — эти крючокотворы были хуже любой акулы, истинные заглатыватели денег... В любом случае, весь процесс не может затянуться более чем на месяц. Надо только установить дату.

Пока дата не была определена. Официальным письмом Теренса известили, что это произойдет до 15 февраля, и вежливо интересовались, устраивает ли такой срок мистера Фиппса? Если устраивает, то от мистера Фиппса ждут подтверждения. Теренс перезвонил. Самого юриста не было на месте, но разъяснения дал его помощник:

— Это обычная практика внесения залога, пока сделка утрясается, мистер Фиппс, во избежание наших непредвиденных затрат в случае ее расторжения.

Теренс не хотел возбуждать какие-либо подозрения своей торопливостью и настойчивостью, а тем более, срочной нуждой в деньгах, хотя так оно и было. Он оказался на мели. Ему пришлось в голову купить билет на самолет заранее на день получения денег по чеку. Какой это будет

день недели 15 февраля?

На кухонной двери висел календарь на этот год, и нигде в доме он не смог отыскать на следующий. Ему пришлось высчитывать дни по пальцам. Слава богу, это будет вторник. Представить, что это могла быть пятница и правоверный еврей Голдшмидт придержал бы свои денежки до понедельника. Вот был бы кошмар!

Покупать дорогой билет на авиарейс на вторник ему было не по карману. Самый дешевый рейс куда-нибудь в Южную Америку исчерпал бы все его финансы. Дорога в любое место подальше от Лондона, где бы он хотел оказаться как можно скорее, стоила больше пятисот фунтов. Можно ли купить билет на авиарейс в кредит, используя имя покойного Фиппса и его адрес? Он задал вопрос и получил отрицательный ответ.

Без денег Голдшмидта Теренс был беспомощен. Пятьсот фунтов — такую минимальную сумму он обозначил для себя почти неосознанно — возможно было получить по кредитной карточке в «Барклай кард», выданной ему Джессикой, которую он прихватил, покидая ее дом и поселяясь у Фреды. Но в «Барклай кард» не знали о том, что он сменил адрес и, вполне вероятно, карточка уже была заблокирована.

Или все-таки какой-то шанс оставался? Теренс не имел ни малейшего понятия, где эта чертова карточка, но пребывал лишь в уверенности, что он никогда не выбросит то, что может в определенных обстоятельствах стать источником получения, пусть и ерундовой, но все-таки какой-то суммы денег.

Он отправился на «охоту». В шкафу, где Теренс развесил большую часть своей одежды после переселения от Джессики, он обшарил каждый уголок, проверил каждый карман, и не обнаружил ничего, кроме нескольких мелких монет, грязных платков и пачки жевательной резинки. К чтению он не имел пристрастия и не приобрел ни одной книги за всю жизнь, так что засунуть карточку меж страниц ему никогда не пришлось бы в голову. Зато его осенила более рациональная идея. Куда подевался чемодан, который он позаимствовал у Джессики, чтобы сложить туда свои вещи при переезде?

Несомненно, чемодан обрел пристанище среди прочих громоздких предметов в стенном шкафу рядом с ванной комнатой для гостей. Теренс заглянул в шкаф и нашел его там — коричневый, кожаный, старомодно добротный, с отделением на «молнии» внутри, которое, как он убедился на ощупь, было туго набит какими-то бумагами.

Он расстегнул «молнию» и извлек оттуда несколько номеров журнала «Дамский угодник», письмо от Фредди, неблагоразумно посланное ему на

адрес Джессики, счет от Брайана с Брук-стрит за две рубашки, еще целая пачка счетов... и «Барклай кард». Срок ее действия заканчивался в феврале будущего года.

Теперь он все вспомнил. Джессика вручила ему карточку ранней весной около двух лет назад, а через три или четыре месяца он ее оставил. Теренс с трудом поверил в свою удачу. Что он должен сделать, так это немедленно написать в «Барклай кард» и известить их о смене адреса, чтобы они смогли выслать ему новую карточку на тот же срок действия, что и в прежней.

С новой карточкой все будет легко проверить. Тот факт, что его кредит составлял всего лишь 550 фунтов, не имело никакого значения. Он мог приобрести билет в один конец в агентстве путешествий, депонируя в уплату кредит одного месяца и добавляя сумму кредита следующего. Теренс помнил, что в «Барклай кард» подведение итогов происходит где-то в двадцатых числах месяца. Чтобы не возбуждать подозрений, он мог бы с легкой душой пожертвовать набежавшими за эти годы процентами — десять или двадцать фунтов не играли никакой роли.

Он восстановит кредит еще на месяц, а пятнадцатого февраля за день-два до подведения итогов по счету исчезнет.

Теренс уселся за письменный стол и сочинил послание в «Барклай кард», сообщая о смене адреса, и с просьбой прислать ему новую карточку. К счастью, он опомнился в тот момент, когда подписывал письмо уже натренированной рукой — Джон Говард Фиппс. Если бы он был склонен к самоанализу, то определил бы, что в нем уже назревает раздвоение личности. Он написал также юристу, подтверждая дату окончательного расчета — 15 февраля. Затем он заполнил графы и подписался под контрактом. Слава богу, подписей свидетелей не требовалось.

Неплохо было бы сейчас выпить для бодрости. Один глоток, чтобы снять напряжение, чтобы укрепить руку, чтобы убрать противное дрожание пальцев при начертании букв. Вернуть вдохновение, которое озарило его, когда он в самом начале задумал аферу с продажей дома Фреды. На полтора дюйма виски в стакане и столько же содовой. Валиум, принятый им после ланча, не оказывал уже на него прежнего воздействия. Иногда Теренс подумывал, что слишком злоупотребляет им.

За окнами потемнело, хотя до конца дня было еще далеко. Он включил несколько ламп под плотными абажурами и под белыми для разнообразия и для создания впечатления во вкусе Фреды, и принялся расхаживать по черному шелковистому ковру, смакуя виски из ледяного стакана.

На дворе кто-то зажег гирлянды цветных лампочек, обмотав ими

большое дерево — от нижних ветвей до вершины. Красные, зеленые, голубые, желтые огоньки призывно мелькали — поочередно или все вместе.

Теренс решительно уселся за письменный стол и положил перед собой бланк контракта. Два-три раза он глубоко вдохнул и выдохнул, крепко сжал в пальцах авторучку и поставил под документом подпись — Джон Говард Фиппс. Лучшего образца подделки еще не выходило из-под его руки. Подпись выглядела более подлинной, чем была бы подпись настоящего, ныне покойного, Фиппса. Почту теперь не заберут до утра, но Теренсу не терпелось самому опустить конверт в ящик, а потом выпить еще в «Белом медведе» на обратном пути.

У него завалилась в кармане парочка гиней. Когда Теренс спокойно сидел в пабе в тихом уголке один, понемногу отпивая из кружки темный «Форстер Лагер», он вдруг вспомнил о банковском документе, обнаруженном среди прочих пустяковых бумаг в том же застегнутом на «молнию» отделении чемодана. На него он не обратил внимания в азарте поиска кредитной карточки.

Предположим, что документ имел отношение тоже к каким-то вложенным деньгам? Предположим, там был депозит на двадцать фунтов? Какие-то давно вложенные и забытые напрочь Джессикой деньги? Вполне возможно. Теренс не имел никаких сношений — ни личных, ни финансовых — с Джессикой после того, как порвал с ней. Какая-то заноза царапнула его душу. Деньги есть деньги. В любом случае неплохо было бы проверить этот счет. Уж очень ему не хотелось, оставляя страну навсегда, дарить ее банкам даже ничтожные гроши.

Первым делом с утра он отправится туда и задаст осторожный вопрос — вежливо и небрежно... как бы между прочим. Девушка за стеклом также вежливо и без всяких подозрений даст ему ответ в виде цифры, проставленной на банковском документе, и протолкнет ему бланк сквозь щелочку в пуленепробиваемом стекле. И добавит, что он может закрыть счет, но не сегодня и не завтра. Потому что завтра Рождество, а сегодня короткий день. Значит, на следующей неделе.

Теренс продолжал размышлять, как бы ему вытянуть средства из других банков, где вкладчиком был покойный Джон Гордон Фиппс.

К пятнадцатому февраля он, так или иначе, получит сто тридцать две тысячи, уплаченных Голдшмидтом за дом. Где бы в это время Теренс ни находился — в Амстердаме или Буэнос-Айресе, крючкотворы обязаны перечислить ему эту сумму в любой валюте. Но можно рискнуть и увеличить свой капитал за счет покойного Фиппса.

И внезапно Теренса осенило. Он разглядел очертания этой идеи в пене опустошенной им кружки «Лагера». Идея смутно болталась где-то на дне, а потом обратилась в сияющий кристалл, символ мудрости. Великие ученые всегда делают свои открытия по наитию свыше — Теренс запомнил это со школьных лет.

— Счастливого Рождества! — пожелал он девушке за стойкой бара, и чуть было не раскошелился, чтобы угостить ее и выпить с ней на пару.

Представление о Рождестве отложилось в памяти Джейсона как появление троих детей в сопровождении троицы их мамаш с угощениями, причем такими изобильными, что съесть все сразу было невозможно, слишком много украшений в комнатах и подарков, которые ему были неинтересны. Но церемония все-таки доставила мальчику удовольствие, и Бенет сама радовалась, что устроила малышу праздник. Пришла Хлоя и ее двухлетняя дочурка Кейт. Хлоя полгода не видела Джеймса и не сомневалась, что Джейсон и есть Джеймс. Другие — мальчик и девочка, тоже соседи — вообще ни разу не видели живого Джеймса.

Когда гости отправились по домам, а Джейсон уснул в своей кровати, Бенет осталась одна в своей кухне среди грязных тарелок и чашек, среди распакованных подарков и наблюдала иллюминацию на дереве во дворе. Свет отражался в уже погашенных лампочках рождественской елки, и Бенет как бы была во власти разноцветных мелькающих огней. Они были похожи своей фальшивой праздничностью на ее будущую участь.

Только сейчас Бенет заметила, что дерево во дворе имело руки, и оно тянулось к чему-то, протягивая подарки Джейсону, будь то фонарик, игрушка или совсем непонятный предмет. Оно подмигивало, намекая на что-то. Бенет знала, что это лишь игра ее воображения, что пройдет ночь, наступит утро, что оно неизбежно.

Она знала, что пересекла черту, разделяющую праздник от серых буден. В дальнейшем ошеломлять ребенка обилием подарков и общением с гостями, что свалились на него нежданно-негаданно всего лишь на один день, она себе никогда не позволит. Но это было их первое совместное Рождество, а как он его проводил раньше — вряд ли ему запомнилось. Бенет отдала ему частицу нерастраченной материнской теплоты и была вознаграждена за это. Она не забудет до конца жизни, как постепенно малыш таял от восторга и улыбка не сходила с его лица.

С того дня в библиотеке, когда Бенет приняла судьбоносное для себя решение, холодный, сумрачный декабрь стал для нее солнечным месяцем. Она все чаще выбегала на улицу в легкой ветровке и ощущала, что

помолодела. Только воспоминание о том дне, когда она украдкой прикалывала бумажку к пальтишку Джейсона в пустом детском зале библиотеки, собираясь потом смыться, как преступница, наполняло ее ужасом. Ей казалось, что полиция не так глупа и в конце концов доберется до нее.

Вспоминая мать, Бенет начинала сомневаться в своей нормальности. Если она нормальная женщина, то у нее должен быть мужчина. Она пригласила Иэна Рейборна в гости, назначив поздний час, чтобы быть уверенной, что Джейсон будет уже крепко спать.

Иэн согласился без колебаний на свидание в тот же вечер.

Все было понятно без всяких слов. Они заключили друг друга в объятия и поцеловались страстно и жарко и направились в спальню, и лица их светились улыбкой, когда они начали раздеваться.

Понятно было все, только непонятно, почему Джейсон из своей комнаты наверху истошно закричал:

— Мамочка! Ма-амочка!

Это сразу отключило энергию, которая притягивала их с Иэном друг к другу.

Помчавшись наверх к Джейсону, Бенет еще надеялась, что все сможет объяснить, что ее встреча с Иэном не последняя, и будет еще любовь, но не в этот вечер.

Она взяла Джейсона на руки, прижала к груди, которая ныла от прерванной ласки, и сама, полная сексуального желания, отправилась в спальню. Но Иэна в спальне не было, она нашла его в кухне, уже полностью одетого. Они уселись рядышком — он, она и ребенок. Его добрые руки гладили ее тело, и тело ребенка, и волна спокойствия окатила всех троих.

Иэн вернул ее в реальность.

Не хочет ли она усыновить этого мальчика? Он мог бы помочь ей в этой процедуре.

Она кивнула. Да, хочет!

— Конечно, он не заменит тебе Джеймса. Ты еще долго будешь мучиться...

— Я справлюсь.

— Скажу на своем примере, — у меня было двое сыновей. Один умер. Я не могу забыть его, и пустое пространство в моей жизни по-прежнему остается. Пустой стульчик за обеденным столом... Тебе кажется, что я слишком сентиментален...

— Я тебя понимаю.

— Мы разные. У меня жесткая профессия, когда смерть не редкость, а для твоего творчества должен быть открыт весь мир, возможность дышать всеми его ароматами и вбирать все его краски. Однако меня влечет к тебе, — сказал Иэн. — Давай встречаться в свободное время, если оно у нас будет.

— Ты постоянно на службе, а я должна писать свой новый роман. Иначе разорюсь.

— Пошли они к черту, эти проблемы! — произнесли они почти хором.

И они начали встречаться втроем — Бенет, Иэн и Джейсон. Иэн был с ним так ровен — иного слова подобрать нельзя, как со всеми своими другими пациентами, но не более того.

Джейсон не протестовал и не устраивал истерик.

Взрыв произошел после звонка Мопсы из Испании. Мать позвонила ночью, напомнив о своем существовании.

— Я не уверена, что твой Джеймс похоронен как следует по католическому обряду.

Это был жестокий удар и недобрый знак того, что мать вернулась в прежнее свое состояние.

— Джеймса нет. И он похоронен, как положено. Зачем ты тревожишь меня, мать? Это вместо поздравления в канун Нового года?

— А как его здоровье?

Страшно было вести разговор по межатлантическому кабелю с безумицей. Мысли матери метались туда-сюда, в ее воображении мелькало сразу двое детей — живой и мертвый. Она забыла о смерти одного и о похищении другого.

— Он в порядке, — нашла в себе волю ответить Бенет. — Только что разошлись гости.

— А почему не пригласили меня? — капризно спросила Мопса.

— Ты же так далеко.

— Несколько тысяч миль не такое уж большое расстояние, чтобы я не обняла своего внука.

— Я как-то об этом не подумала.

— Когда глава компании, где твой отец был главным менеджером в Сантьяго, выдавала свою дочь замуж, мне прислали авиабилет и приглашение на свадьбу, и я летела через два океана и пересекла экватор.

Это была одна из фантазий Мопсы, но опровергать эту историю и вступать в спор по телефону было бессмысленно. Бенет попросила позвать к телефону отца. Его голос звучал уныло, зато Мопса где-то поблизости кричала так, что трещало в ушах. «Я не должна ненавидеть свою мать», —

убеждала себя Бенет.

И вдруг наконец Бенет поняла, что никакой ненависти к матери она не испытывает. Что, наоборот, благодарна Мопсе за похищение Джейсона. Ведь совершая такой поступок, мать ради любви к дочери рисковала оказаться до конца своих дней в сумасшедшем доме. И пусть ее поступок безумен, в нем были смысл и доброта, и забота о лишившейся своего ребенка Бенет.

Пусть это грозило им обоим большими неприятностями, если даже не тюрьмой. Сейчас это уже не имело значения. В доме рос Джейсон, и сумасшедшая Мопса, совершая свой нелепый поступок, каким-то сверхчутьем предугадала дальнейшее развитие событий. Она утратила разум, но все равно мыслила по-женски. Отец дал понять Бенет, что Мопса призналась ему кое в чем, и просил не выдавать Мопсу полиции — опять же разговор шел лишь намеками. Ни одного конкретного пожелания высказано не было.

— Чем скорее ты забудешь об этом, тем лучше, — сказал отец.

— Теперь это уже не имеет значения, — заверила отца Бенет. — Попрощайся с ней за меня. И передай, что я ее люблю.

Для Теренса дни рождественских каникул до возобновления деловой активности финансовых учреждений на Финчли-Хай-роуд были сравнимы с пребыванием в холодном адском чистилище, прежде чем тебя кинут в котел с кипящей смолой. Двадцать девятого декабря половина магазинов была еще на замке, но не банки. Подбодренный небольшой порцией виски и двумя таблетками валиума, Теренс отыскал место на Регент-парк-роуд для парковки роскошного автомобиля Фреды Фиппс. Немногие прохожие, пополняющие истощенные праздниками припасы продуктов, с любопытством смотрели на такую дорогую машину и гадали, зачем ее владельцу понадобилось так рано прервать праздник.

Чтобы не привлекать к себе ненужного внимания, Теренс прошелся пешком, прогулочным шагом по финансовому центру. Он миновал «Вестминстер банк», «Ллойд» и «Мидланд», а при виде «Баркляя» его заколотила нервная дрожь. Он не думал, что у них тоже есть отделение и «Англиан-Виктория» как-то связан с ним. А тут оказывается, они расположены впритык и почтовое отделение рядом. Связь между банками очевидна, и не требуется много времени, чтобы сообщение было передано туда или отсюда.

Он заколебался, задержал шаг и стал рассматривать витрину дорогого мужского бутика, где были выставлены на манекенах соблазнительные

желтые свитера и пуловеры. Время шло, и надо было принимать решение. Или заходить в банк, или послать к черту заманчивую идею, а следовательно, уйти с пустыми карманами.

В половине двенадцатого открылись пабы. Теренс был достаточно обеспечен взятыми с карточки Джессики наличными, чтобы и выпить, и хорошо поесть. Он мог пропустить еще пару порций скотча, но побоялся, что после выпивки и еды ему откажет самое главное его оружие — наглый, развязанный язык и, наоборот, одолеет природная трусость.

Что если они потребуют в присутствии эксперта повторить на бланке подпись Джона Говарда Фипса, а он оплошает? Что они могут сделать с ним, кроме того, что откажут в выдаче денег? Вызовут ли немедленно полицию? Ведь это не преступление — присвоить себе чужое имя? В такой стране, как Англия, каждый может называть себя, как ему заблагорассудится. Возможно, ему это понадобилось временно, чтобы успешно сделать бизнес. Поди докажи. Но денег, конечно, ему не дадут.

Теренс часто применял метод самовнушения, подавляя приступы страха, которые свойственны были его по существу трусливой натуре. Он твердил про себя такие расхожие истины, как «Волков бояться — в лес не ходить», «Страх нагоняешь ты на себя сам, а его нет и в помине» или «Тебя никто не съест, ты не среди людоедов» и, наконец, «Во всякой ситуации есть шанс вовремя смыться».

Но самогипноз помогал плохо. Страх одерживал верх и над успокоительными истинами, и над логическими построениями, пока Теренс вел машину по Финчли-Хай-роуд, в серой дымке после рождественского утра, и его преследовала мысль, что всю жизнь он провел в страхе, в боязни, что обязательно что-то сорвется, что его поймут и накажут. Однако пока ему везло, хоть он и трепетал при малейшей опасности, и ни валиум, ни виски не придавали ему храбрости. Но трусость его не замечалась — ни женщинами, с которыми он спал, ни бдительными банковскими служащими, чья обязанность как раз и была в том, чтобы распознавать трусливых жуликов вроде него.

Он сам выбрал такую жизнь. И не имел ни способностей, ни желания свернуть на иной путь. Другой вариант был — признать себя ничтожеством и уйти из жизни добровольно, но трусость и здесь мешала ему. Поэтому альтернативы не было. Умирать не хотелось, а в своей афере Теренс зашел слишком далеко, чтобы поворачивать назад. Он подписал контракт и тем заковал себя в колодки, оцененные вплоть до пенни в сто тридцать две тысячи фунтов стерлингов.

Он вошел в помещение банка и хриловатым от волнения голосом

заявил о себе, спрашивая, кто может его обслужить, чтобы открыть счет.

— Фиппс, — сказал Теренс, когда спросили его фамилию.

Ему предложили присесть в одно из кожаных, апельсинового цвета, кресел. Через минуту-другую объявился некто невзрачный и сказал, что главный помощник менеджера хочет переговорить с ним. Теренс вошел в очень тесный кабинет, обставленный, однако, со вкусом, выдержанный в оранжевом цвете, и пожал руку мужчине, представившемуся как мистер Флетчер.

— Я хочу открыть счет в вашем банке. — К Теренсу вернулся дар речи, но тело его и душа трепетали, и сам он как будто плыл, преодолевая сильное течение. — ...На пятьдесят фунтов, — продолжил он, сознавая, что подобная сумма выглядит смехотворно. Это было все, что он сумел наскрести из своего социального пособия по безработице.

Флетчер, однако, выглядел вполне удовлетворенным. Вероятно, подумалось Теренсу, менеджер решил, что клиент хочет поэкспериментировать со своим счетом в банке, а не собирается грабить его банк с налету.

— Никаких проблем, мистер Фиппс.

Теренсу был тут же предоставлен бланк, который он подписал сразу же. Подпись подверглась вежливому исследованию, но была безупречна. «Джон Говард Фиппс» — твердо начертала его рука.

Дальше пошли переговоры о поручителе, ответственном за вклад. Тут Теренс с удовольствием поставил на бланке свою фамилию и указал адрес своей матери. Что с нее возьмешь, когда афера вскрыется?

Огнестрельное оружие, направленное на него, — вот этого Барри никак не ожидал. Ему предлагали чуть ли не ружье, а не пистолет, на который он рассчитывал, — поменьше размером и подешевле. Револьвер купить именно такой, из какого Деннис Гордон когда-то застрелил свою женушку. Тот, что человек по имени Пэдди предложил ему за сорок фунтов, выглядел соответствующе цене и стоил не так уж дорого, по сведениям Барри, и это был «верняк».

— Ты клянешься, что оно сработает? — уточнил Барри.

— Непременно, — сказал Пэдди. — Даже клянусь вернуть деньги, если произойдет осечка.

Комната, которую занимал Пэдди, была самым любопытным местом из тех, что довелось посещать Барри. Он совсем не помнил этого района Лондона под названием Хорнси, а проще, «Осиное гнездо», где провел первые месяцы детства, где неподалеку тихо доживали свой век его престарелые родители, пустившие своих детей странствовать по свету. В их квартире не было кроватей, а только матрасы на полу, пропахшие нечистым бельем, гамбургерами и мочой. В полтора года его взяли в приют, на полное обеспечение как младшего ребенка из многодетной семьи, и вот теперь круг замкнулся.

— Какая марка? — поинтересовался Барри на всякий случай.

Ему хотелось обладать, как всякому герою, — «Люггером», «Береттой» или «Смит и Вессоном».

— Надежная штучка, — ограничился коротким ответом Пэдди.

Это был высокий мужчина с пышной шевелюрой, и никто не принял бы его за ирландского террориста, торгующего оружием. А может быть, он вообще не был ирландцем, а только делал на этом свой бизнес. Акцент в его речи не ощущался. Но во время их случайного знакомства в пабе сразу после выписки Барри из больницы произошло какое-то взаимопроникновение, и двое мужчин почувствовали, что тянутся друг к другу и не в сексуальном смысле, а в борьбе против общего врага.

Национальность Барри не подразумевала врагов в лице англичан, он был человек мирный и общительный, но раз его жестоко обидели и избили, он нуждался в оружии, чтобы чувствовать себя уверенно. Барри считал себя англичанином, британцем, по крайней мере, и оружие ассоциировалось у него с терроризмом. Но теперь он никогда не пройдет по

Китайскому мосту и не углубится в свой квартал невооруженным. Повторения прошлого вечера не будет. И он не будет по совету одного из старших братьев красться к себе в дом окольным путем.

— Если такая штука выстрелит, то наделает много шума? — поинтересовался он у продавца.

— Здесь — да, а в открытом пространстве будет вроде хлопка. Если ты что-то у меня покупаешь, то доверяй мне. Остальное в твоих руках, — нахмурился Пэдди и после паузы завернул оружие в кусок плотной ткани и вручил Барри, как вручают изысканный подарок.

Получив деньги и черкнув расписку, он вдруг шепнул:

— Смерть англичанам.

У Барри кровь застыла в жилах, но светлые глаза продавца смотрели на него так приветливо, что не верилось, что подобные слова только что были им произнесены.

Навещать родителей в такой час было уже поздно, а Кэрол, согласно ее графику, вот-вот должна была появиться дома. Это был первый вечер, когда он вернулся домой из больницы и поклялся себе, что такого унижительного избиения больше не повторится, и ей не придется тащить его полутруп до дома семьдесят ярдов, а потом вызывать «Скорую помощь». Хупи и двое других подонков лишили его пары зубов и здорово прошлись по ребрам.

Они выполнили свою работу на отлично, но другого шанса этим негодьям поиздеваться над ним, беспомощным, не представится. Барри ощупал завернутое в серую тряпицу оружие в своей сумке. Оно всегда будет при нем, куда бы он ни пошел, и Барри улыбнулся самодовольно, представив, как они струсят и обратятся в бегство, когда он пальнет в них поверх голов, а шайка Хупи вообразит, что миролюбивый, избитый ими Барри готов убивать.

Наутро после того как Барри доставили в больницу, полиция, не теряя времени, появилась в его палате. Они спросили, знает ли он тех, кто избил его, и Барри лишь секунду-другую колебался, прежде чем сказать «нет». Нет, он не может опознать их, они ему незнакомы, и о поводе нападения он не имеет ни малейшего понятия. Какой смысл называть их имена? Синеволосый и прочие предстанут перед судом, им вынесут условный приговор или отправят на психиатрическую экспертизу, а после они еще больше озлобятся и отомстят Барри уже всерьез.

«Я их не разглядел. Было темно. Я не видел и не слышал их до того, как они стайей накинудись на меня».

По лицу сержанта, с которым Барри встречался впервые, было видно, что он принимает эту ложь охотно и даже одобряет. В полицейских

коридорах уже утвердилось мнение, что Барри для них недоступен, так как нет никаких свидетельств против него. Но хотя бы он получил свое от рук подонков, презираемых полицией, однако на этот раз совершивших своего рода суд Линча. Последовало еще несколько формальных вопросов, но как-то вяло, без особой настойчивости. Сержант явно надеялся, что доктора не проявят излишней прыти и, веря, что именно Барри прикончил Джейсона, довершат работу, начатую хулиганами в темном проулке.

Им с Кэрол надо срочно убираться из этого района. Возможно, муниципальная власть предложит им обмен в связи с угрожающей ситуацией. Барри предпочел бы Кроуч-Энд или Палмер-Грин, но район не западнее и не ближе к Хэмпстеду. Куда бы их ни переселили, лучше жить как можно дальше от Теренса Ванда.

Встречалась ли с ним Кэрол, пока Барри лежал в больнице? Он не спрашивал и не хотел этого знать. Несмотря на боль, — а его тело словно горело на костре для мучеников, — кожа медленно стягивалась после ножевых ударов, а внутри словно пылал адский костер, он был рад, что Кэрол заботится о нем. Он запомнил ее ужас, когда Кэрол увидела его изуродованным, и это сделало его счастливым.

В первый же день она появилась в часы посещения, вошла в палату, упала на колени перед больничной койкой, протянула к нему руки с таким видом, будто она потеряла самое дорогое в ее жизни. Кэрол в порыве прижалась к нему всем телом, словно демонстрируя любовную страсть, и причинила Барри сильную боль, но за это он был ей благодарен, и радость в душе пересиливала физические страдания. Он даже не выразил протеста, когда Кэрол легла на него сверху, лаская, и только шептал, что если вдруг в палату войдет дежурная медсестра, разразится скандал.

Впоследствии она навещала его реже. Часы, отведенные для посещения больных, не совпадали с графиком ее работы. Барри все понимал. Лежа на больничной койке, он имел массу времени для размышлений, а чаще всего возвращался к поступку, который совершил и которого немного стыдился. Посылать анонимные письма, а тем более в полицию, было не в его характере. Однако ему хотелось бы знать, как прореагировали эти облаченные в мундиры мужчины, находящиеся на государственном жаловании, на достаточно ясный сигнал.

В один из вечеров его навестила Морин. Он удивился ее появлению. Она была в плаще до пят, а свои пышные волосы стянула резинкой. Морин не спросила, как он себя чувствует. Она просто распахнула его пижаму, увидела повязки на груди, гипс на руках, заживающие шрамы на лице, синяки отвратительного цвета.

— Так или иначе, — сказала она, — ты выжил и вновь среди нас.

— Они не убили меня, если ты это имеешь в виду.

— Мама сказала, что он встал между вами...

— Кто? — Барри подумал о Джейсоне, но малыш ему никак не мешал.

— Джейсон, — твердо заявила она.

У Морин, в отличие от Кэрол, было простецкое округлое лицо и глаза, которые не умели лгать.

То, что она сейчас сказала, причинило ему не меньшую боль, чем предательское нападение местных подонков.

— Может быть, оно все к лучшему. Никто не хотел, чтобы он жил, а вот ты попался, чтобы убрать его с дороги.

Барри знал, что Морин верила в его причастность к смерти Джейсона. Насколько ее подозрения отличались от мнения других членов семьи и полицейских ищущих, не имело значения.

Да, он никогда не будет прощен, даже если полиция прекратит расследование, а Кэрол вернет его в свои жаркие объятия.

Барри испугался, что Морин, при ее физической силе, способна схватить его за локоть, переломать ему кости и навсегда лишить возможности работать. Это были жестокие люди, и они почему-то ненавидели чужака. Он, как мог, поспешно отодвинулся от нее и укрылся простыней. И пролежал так, пока Морин не встала со стульчика возле кровати и не дала добрый совет на прощание:

— На твоём месте я бы поспешила смыться отсюда.

Барри постоянно думал над советами, которые получал. Скорее выписаться из больницы и не мозолить глаза врачам и полиции — это было ему понятно. Но откуда такая враждебность во всем районе по отношению к мирному и работающему человеку, который лишь только посмел покуситься на их местную красавицу? Чего-то он не понимал. Была ли это ревность за то, что он ухватил самый лакомый кусочек, отнял у кого-то более достойного? Ему завидовали, его сравнивали с другими не в его пользу, над ним подшучивали и, наконец, избили до полусмерти.

Когда Барри вышел из больницы, люди при встрече с ним отводили глаза. Разговаривая с ним, вынужденно, например, в магазине, они не называли его по имени. И исчезнувший Джейсон не был тому основной причиной. К такому выводу пришел Барри. Это был лишь повод, чтобы найти в нем предмет ненависти, а главная причина в том, что он продолжает жить под одной крышей с первой красавицей этого гиблого местечка и не собирается уходить оттуда.

Пока Барри оправлялся от травм, маялся от безделья, голова его пухла

от мыслей. Во-первых, пропавший Джейсон никак не мог быть его жертвой, и то, что люди, да и полиция подозревают здесь умышленное убийство, — полная нелепица. Но одному, без поддержки, противостоять целому миру никому не по силам.

Он бы сам нашел тело бедного малыша, если б знал, где оно захоронено и причину, почему отец, а именно Теренс Ванд, решил с ним покончить. Это стало навязчивой идеей Барри.

Когда он все-таки вышел на улицу, чувствуя, что боль сохранилась везде, в его некогда здоровом теле, то обошел опасный квартал стороной, увидев, что троица юнцов, облаченных в черные кожаные куртки, болтается там, дымя сигаретами. На всякий случай он проверил, что оружие при нем, в сумке, а сумка легко открывается, и вынуть оружие нетрудно.

Но парнишки, которые нагло смотрели на него, были не из той компании, что Синеволосый и Хупи, помоложе и менее агрессивны. Но все равно кто-то уже успел нашептать им на ухо, что по кварталу безнаказанно прогуливается убийца малыша Джейсона. Рано или поздно в темный вечер они попробуют напасть на него и вот тогда-то ему и пригодится купленное оружие. Только тогда уже преимущество будет на его стороне.

Ночь была темной, но не такой, как когда он попал в засаду. И час был более ранний, и луна выползла на небо, а трава и кусты, тронутые морозом, серебрились в ее свете. С радостным биением сердца Барри увидел свет в окошках Кэрол. Чтобы быть точно уверенным, он, переходя Китайский мост, пересчитал дома. Точно, в восьмом от начала линии горел свет.

Он летел на огонь зажженной лампы, как мотылек, бездумно и радостно, хотя стояла зима, и не сезон был для бабочек.

Проулок между двумя изгородями, столь роковой для него, был на этот раз свободен. Барри преодолел это расстояние быстро и вспомнил, сколько кровавых пятен оставил он здесь, на этом асфальте и на досках заборов с обеих сторон. Днем он их видел, никто не позаботился их смыть.

Барри не сказал Кэрол о покупке оружия, а уж тем более не показал ей, чем он теперь обладает. Она могла бы упрекнуть Барри в пустой трате денег, когда он остался без работы.

Она ждала его, уставившись в телевизор, задрав по-американски ноги на стол, с бутылкой красного вина и двумя бокалами. Один был приготовлен для него, подумал Барри. Она охотно приняла его поцелуй в губы, но отстранилась, когда Барри захотел продолжить ласку.

Платье на ней было то же самое — черное с зигзагами, которое она украла в бутике. Барри не одобрял ее склонности, но не мог не восхищаться

ловкостью Кэрол. Черные колготки, причем две пары, она увела с рекламной выставки, пока восхищенные ее ножками репортеры перезаряжали, по ее словам, свои перегревшиеся фотокамеры. Ему нравился ее юмор и полное отсутствие моральных устоев, ее свобода. А главное, неукротимая женственность. Но если Кэрол когда-нибудь все же попадется, тут он вступится и заплатит штраф, наскребет последние деньги. Он не нищий, а если временно безработный, то вина лежит не на нем. Его руки умеют многое, и профессия остается при нем.

Он заметил длинную кровоточащую царапину на ее обнаженной руке. Барри вспомнил свои припадки ярости, когда так хотел поднять руку на эту издевающуюся над ним красавицу, которую полюбил и которая, как он надеялся, полюбила его.

Барри не стал спрашивать, откуда появилась эта царапина. Он лишь решил установить строгий надзор над своей любимой женщиной. Тем более что теперь он был вооружен и способен ее защитить.

Теренс лежал в роскошной кровати, сделанной по проекту Фреды, но теперь ее место занимала миссис Голдшмидт. Ее умиротворенный храп разбудил Теренса в довольно позднее утро, и теперь его мышинная натура металась в поисках способа, как избавиться от совершенно ненужной ему любовницы.

Почему они липнут к нему, как мухи на клейкую ленту? Сам он ни разу не влюблялся, да и в сексе не испытывал большой потребности. Правда, Теренс извлекал из этого выгоду, а в этом случае выгода была не за горами и весьма внушительная.

Она явилась несколько часов назад, причем совершенно неожиданно. Теренс безумно боялся таких вот, не оговоренных заранее, звонков в дверь. После отправки в банк документа о перечислении счета Джона Говарда Фиппса на имя Теренса Ванда он, вполне логично, ожидал, что за этим последует визит полицейских.

У него живот свело от страха. Он заставил себя подойти к двери и распахнуть ее, стиснув зубы и готовый подчиниться воле неумолимого рока. Но тут же разжал зубы, изобразив на лице некое подобие улыбки, увидев, кто к нему пожаловал.

На миссис Голдшмидт было коротенькое, напоминающее детское, но соблазнительное, обтягивающее фигуру платьице, и уже почти сброшенное с плеч меховое манто, сшитое из крохотных шкурок, вероятно, многих тысяч убитых и ободранных ради этого безумно дорогих зверушек.

Никакого делового повода для ее появления здесь не было и быть не могло, кроме разве сексуального влечения, что она и не собиралась скрывать. Миссис Голдшмидт молча поднялась в спальню. Теренс покорно следовал за ней. Толкнув дверь спальни ногой и оказавшись внутри, она тут же обвила его шею сильной рукой, притянула его губы к своим, одновременно сбросив на ковер манто. Оно легло на пол бесшумно и застыло, как красивый и послушный зверь.

Теренс понял, что он полностью во власти океанского прилива, и куда его вынесет, зависит только от жребия, который вытягивать не ему. Таким уж он родился — «ничтожеством», как окрестила его Фреда, и это притягивало к нему женщин, желание позабавиться с ним, сыграть роль жесткого босса, ласковой мамочки или просто сожрать самца, что, как известно, широко распространено в мире насекомых

Миссис Голдшмидт, вероятно, выбрала последнее, и у него не было выбора. Не мог же Теренс сказать ей, чтобы она шла домой, к мужу и посоветовала отказаться подписывать контракт на покупку дома только потому, что он ей разонравился. Отвергнув ее любовные притязания, Теренс столкнется с такими ужасными последствиями, о которых лучше не думать. У него уже имелся некоторый опыт в этой области, когда месть отвергнутой женщины была опасней змеиного укуса. Зато, подчинившись приказу жены, он ничем не обидит ее мужа. Тот ничего не будет знать и подпишет контракт.

Теренс только сейчас узнал, как зовут миссис Голдшмидт. Розмари. Имя совсем ей не подходило. Его пристальный взгляд разбудил ее. Она открыла глаза, встала и проследовала в ванную комнату, не издав ни звука. Теренс поспешно натянул трусы и устремился вниз. Там он достал из холодильника бутылку виски, бутылку «Перрье», стаканы и все это погрузил на поднос.

На лестничной площадке, где было окно во двор, он задержался и внимательно осмотрелся. Лампочки с дерева давно уже убраны. Кто-то раскидал по двору белые пластиковые пакеты, и ветер крутил их, забрасывал через забор, а потом возвращал обратно. Так и судьба поступала с Теренсом Вандом. Небо потемнело, на нем выступили редкие остро-колючие звезды. Теренс целый день не выходил из дома, не интересовался погодой, но сейчас на улице наверняка было морозно.

Под аркой, на том проклятом прежнем месте, он увидел того же самого молодого человека. Давно его не было, и вот он тут опять, как знак судьбы. Вряд ли это было возможно, но их глаза соединил единый луч. Они посмотрели друг на друга, и этот взгляд не сулил Теренсу ничего хорошего.

Теренс поспешно отвернулся. Неизвестный наблюдатель чем-то был похож на младшего из парочки полицейских, навещавших его не так давно, но уверенности в этом у Теренса не было.

Миссис Голдшмидт одевалась, в комнате горел полный свет, шторы были раздвинуты. Теренс сразу же задержал их.

— Я подумал, что тебе захочется выпить, Розмари.

— Кэтти.

— Прости, я не понял.

— Меня зовут Кэтти.

Он кивнул, вспомнив, что второе имя миссис Голдшмидт Каталина. Оно не подходило ей так же, как Розмари. Она была уже в колготках и сунула ноги в туфли бронзового цвета на очень высоких каблуках.

— Ты не собираешься расстаться кое с чем из мебели?

Он пожал плечами в нерешительности.

— Я бы купила эту кровать. Если цена подойдет.

Теренс обслужил ее напитками, как заправский официант. Глотнув виски, он набрался храбрости и спросил, подписали ли они с супругом контракт.

— Бумаги ждут меня дома, — ответила она. — Думаю, что они будут подписаны к утру, смотря как пройдет ночь.

Теренс усмотрел в ее словах некую тайну, но решил не настаивать и не совать нос в чужие семейные дела. Все и так висело на волоске

Кэтти облачилась в манто и выписала чек на скромную сумму в качестве задатка. Теренс был рад деньгам, но понимал, что это скорее не задаток, а не слишком щедрая плата за оказанные им услуги.

Впервые Джейсон самостоятельно взял телефонную трубку, когда позвонил Иэн.

— Мапочка, мамочка! Тебе звонит Иэн.

Бенет уже не тревожилась за последствия подобного поступка. Джейсон первым успел к телефону и когда позвонил отец из Испании, и в его тоне она не ощутила напряжения или недовольства. Он воспринял пребывание в ее доме ребенка, похищенного Мопсой, как свершившийся факт, а не как нечто чудовищное, что надо прятать как семейный скелет в шкафу.

Первую ночь, проведенную с Иэном в постели, Бенет еще была не совсем в себе, потому что где-то рядом находился Джейсон. Проснувшись рано утром в крепких и ласковых объятиях Иэна, она тотчас подумала о малыше и о том, как он воспримет присутствие незнакомого мужчины в одной кровати с его «мамочкой». Хотя Джейсон жил в такой среде, где из подобных ситуаций не делалось события — успокаивала она себя.

Вот если на месте Джейсона был бы Джеймс. Ее Джеймс не должен быть свидетелем сексуальных отношений взрослых, но его уже давно нет в живых. Хотя мысль, что Джеймс жив и спит в соседней комнате, часто возвращалась к ней.

Бенет уже привычно взяла из рук мальчика переданную ей трубку. Иэн напросился на ранний завтрак после ночного дежурства. Она охотно согласилась, Джейсон тоже обрадовался гостю.

Глядя на мальчика, она каждый раз поражалась быстроте перемен, происходящих в нем. Его собственная мать, без сомнения, узнала бы своего сына, но вряд ли кто другой. Накануне Бенет постригла его, и короткая стрижка превратила его из малыша в маленького мальчика. Он немного

похудел и подрос, зато личико округлилось и приобрело мягкость выражения, которого не было раньше. Только пронизательный материнский взгляд и интуиция могли бы распознать в нем Джейсона.

По сути же Джейсон Стратфорд преобразился в иную личность, как бывает с человеком, сделавшим пластическую операцию, когда одновременно с новым обликом меняются внешность и характер.

Бенет уложила мальчика обратно в кроватку, наклонилась и крепко поцеловала в упругую румяную щечку. Потом отправилась готовить завтрак

Вернувшись с подносом в свою спальню, Бенет обнаружила его уже там. Джейсон развалился на ее кровати рядом с Иэном. Один взгляд на них обоих наполнил ее такой радостью, что у нее перехватило дыхание. Казалось, жизнь влилась в нее мощным потоком. Не раздумывая ни секунды, Бенет поставила поднос на стол и нырнула к ним в постель. Джейсон или Джей, как он предпочитал себя называть, уютно устроился между нею и Иэном, свернувшись калачиком.

Попозже утром вновь зазвонил телефон. Звонки скоро прекратились, потому что малыш первым устремился к аппарату и что-то сказал в трубку. Когда Бенет спустилась к телефону, она увидела, что трубка повешена и Джейсон преспокойно играет на ксилофоне. Она спросила его, кто звонил. Он улыбнулся. Мальчик часто изобретал собственные слова и сейчас использовал комбинацию, вероятно, составленную из слов «урод» и «гадкий». «Урогад», — ответил он.

У нее тревожно екнуло сердце. Бенет пыталась угадать, какой смысл Джей вкладывал в изобретенное слово и почему он так отнесся к позвонившему по ее номеру человеку.

— Джей, значит, ты повесил трубку и не позвал к телефону маму, потому что тебе не понравился его голос?

— Да, — сказал Джей и подчеркнул свой ответ энергичным кивком головы. — Урод и гад. Урогад!

Бенет хотелось бы рассмеяться, но в душе у нее зашевелилось беспокойство. Вполне вероятно, она ошиблась, думая, что Джейсон только дважды отвечал на телефонные звонки. Не исключено, что он брал трубку много раз и вешал обратно, если ему не нравился чей-то голос. Любые недоразумения и даже неприятности могли последовать из-за такого бесцеремонного обращения с телефоном.

Бенет посадила Джея себе на колени и как могла вразумительно объяснила ему, что он должен всегда сообщать ей, кто звонит. Если она наверху и там у нее отключен звонок, то может получиться так, что она не

услышит сигнала и не будет знать, кто звонил ей.

— Ты понял меня?

Днем позвонил один из директоров ее издательства и предложил Бенет совершить в мае рекламное турне по Соединенным Штатам в связи с публикацией там ее романа в бумажной обложке массовым тиражом. Бенет спросила, звонил ли он ей до этого.

— Да, один раз звонил, — сказал директор. — Подошел ваш маленький сын, но потом сразу же повесил трубку.

Голос у мужчины был действительно не бархатистый, а резкий, крикливый, неприятный на слух.

Бенет тотчас вздохнула с облегчением, хотя кроме директора издательства вполне мог дозваниваться до нее кто-то еще, так и оставшийся неопознанным.

Женщина, мелькнувшая в окне дома Теренса Ванда, была, разумеется, не Кэрол. Барри уверился в этом сразу. Она, одеваясь, вскинула над головой руки яркой белизны, и у нее были короткие и светлые волосы. Поездка в Хэмпстед и наблюдение за домом Ванда оказалось, как он и предчувствовал, пустой тратой времени, но у него было слишком много этого времени, день длился бесконечно, и ему нечем было себя занять.

Барри все еще никак не мог найти себе новую работу, а вот Кэрол нашла. Вдобавок к тому, что она делала у миссис Флеймон и в баре Костаса, Кэрол устроилась на половину рабочей смены дежурной за стойкой в отеле. Барри отнесся к этому с благоговением, хотя немного испугался за Кэрол. Такая должность в его глазах уже означала принадлежность к среднему классу и требовала особых профессиональных знаний. Вероятно, где-то специально обучают тех, кто сидит на месте портье, отвечает на телефонные звонки и делает записи в регистрационной книге.

— Ты откликнулась на объявление и прошла конкурс? Да? Что же ты скрывала от меня, любовь моя? — ласково упрекнул он.

Она ответила небрежно:

— Тот мальчик, что управляет этим заведением, увидел меня в баре. Он сказал Алкмини, что принял меня за фотомодель.

«С подносом в руках, разносящей напитки?» — подумал Барри, но не произнес этого вслух.

У Кэрол на руке красовалось колечко с красным камнем, которое она, по ее словам, получила в подарок на Рождество от Айрис. Барри сильно сомневался, что такой подарок ей по средствам.

— Он сказал, — похвасталась Кэрол, — что прольется золотой дождь, как только я появлюсь у него за стойкой в «Росслин Парк».

— Надеюсь, так оно и будет, — без особого энтузиазма согласился Барри.

Чтобы увидеть Кэрол и полюбоваться ею на новом месте, где «льется золотой дождь», ему надо было свернуть налево от станции метро, дойти до отеля и заглянуть в вестибюль, но его почему-то опять потянуло в Хэмпстед. И он повернул направо. То ли он не поверил ее рассказу про «Росслин Парк», то ли испугался, что она заметит его, решит, что он проверяет ее и рассердится.

Но повторный визит в арку перед домом Ванда ничего не дал. Там была не Кэрол. Он столько раз видел ее одевающейся и раздевающейся, что никаких сомнений быть не могло.

Возвращаясь к метро, он стыдил себя за глупую ревность, унижительную роль соглядатая, подсматривающего за чужими любовницами. И идти в «Росслин Парк» и выглядывать там Кэрол у него пропало всякое желание. Ему не хотелось знать, обманывает ли она его. Не зная, жить проще.

Он возвратился домой привычным путем.

Хупи со Стефани Изадорос, Черная Красотка и пара других ребят помоложе расселись на скамейках Бевин-сквер, поедая что-то остро пахнущее из промасленных бумажных пакетов. Стоило только Барри завидеть Хупи даже издали, как его словно пронзало электрическим током, вспоминалась боль, когда твердый носок ботинка вламывался ему между ребер.

Сейчас никто из этой компании не обратил на него внимания. Однако Барри опустил руку в карман и нащупал завернутый в мягкую тряпицу пистолет. Он вроде бы не нуждался в оружии, но оно давало ему ощущение внутреннего комфорта, какое дает кому-то пухлая пачка денег в бумажнике или воспоминание о недавно услышанных из уст любимой женщины нежных словах.

Едва эти мысли пронеслись у него в мозгу, как ощущение комфорта тут же уступило место проклятым сомнениям. Так ли уж он уверен, что это не Кэрол навещала спальню Теренса Ванда? Тогда, стоя в арке и наблюдая за ней издали, он убедил себя, что это совсем другая женщина. Разве не могло его подвести собственное воображение? И уверенность в том, что Кэрол находится совсем в другом месте, за регистрационной стойкой «Росслин Парк» отеля.

Положить конец своим метаниям и мукам ревности Барри мог только

одним простым действием — позвонить туда по телефону. Аппарат стоял на полочке рядом с фотографией Дэйва. Барри не знал номера «Росслин Парка», но ведь существует справочная служба. Правда, если Кэрол сейчас в отеле, это еще не будет стопроцентным доказательством того, что час назад ее не было в спальне Ванда. И все-таки стоило попытаться.

Барри дозвонился в справочную и узнал номер отеля, но дальше этого он не продвинулся. Однако на него подействовало ободряюще даже то, что ему дали номер «Росслин Парка». Он сразу же пришел в благодушное настроение, как будто раньше вообще не верил в существование отеля с таким названием.

Он поменял простыни на кровати, пропылесосил спальню, собрал в корзину грязное белье для прачечной.

Когда Теренсу сообщили, что обмен подписанными договорами произошел, депозит внесен и находится у поверенного Голдшмидта и определена дата окончательного оформления сделки — 15 февраля, он зашел в агентство путешествий неподалеку от дома, где жила его мать, чтобы зарезервировать билет на рейс в Сингапур на это же число.

Лишь только дело подошло к благополучному финалу, мужество, как это всегда случалось с ним, отказало Теренсу, стоило лишь ему представить, что он окажется один-одинешенек с чемоданом, полным денег, где-нибудь в Центральной или Южной Америке. Нет уж, лучше податься в более цивилизованный Сингапур, а оттуда на местном самолете или корабле на остров Бали. В рай для состоятельных туристов.

Все это зависело, конечно, от времени рейса на Сингапур. Деньги Голдшмидта будут переведены с его банковского счета и попадут на счет Джона Говарда Фиппса в полдень пятнадцатого февраля. Таким образом, у Теренса будет в распоряжении три с половиной часа до закрытия банка, чтобы снять их со счета. Он должен успеть это сделать и тут же отправиться в Хитроу. Перспектива провести вечер или даже ночь в Лондоне наполняла его ужасом. Его нервы этого не выдержат.

Фургон, нанятый Голдшмидтом для переезда и загруженный мебелью, прибудет вскоре после ланча. Дом на Спринг-клоуз тоже будет полон мебели, мебели Фреды, а ее машина будет занимать гараж. Разумеется, это явится для новых хозяев неприятным сюрпризом, и сразу же возникнут проблемы, которые Теренса уже не коснутся, если он будет на пути в аэропорт.

Большим облегчением для него было узнать, что австралийский рейс с посадкой в Бахрейне и Сингапуре отправляется в девять сорок пять вечера.

Он заказал себе место в эконом-классе и воспользовался скидкой, так как оплачивал билет за месяц вперед авансом. Его новая кредитная карточка, полученная этим утром, как раз здесь и пригодилась. Той же почтой из юридической конторы Теренсу прислали документ под заголовком «Передача прав в целом», где упоминалось что-то о регистрации земельного участка, и требовалась его подпись. Его и еще кого-нибудь. В данном случае свидетеля.

Теренс сел в машину и спустился с холма в бар, где нашел Кэрол Стартфорд и угостил ее ланчем. До этого он, прочитав присланный документ, позаботился о небольшом подарке для нее и купил по дороге кольцо с красным камнем, которое тут же вручил ей до начала разговора.

— Никаких новостей о малыше? — поинтересовался Теренс ради приличия.

— Ни малейших. — Кэрол уже привыкла, что преамбулой к любому разговору с кем бы то ни было служили вопросы о Джейсоне.

— Он ведь не мой ребенок. Ты это знаешь, Кэрол.

— Я никогда и не говорила, что он твой. Я догадываюсь, от кого этот слух исходит, но могу сказать твердо — не от меня.

Теренс пожал плечами. Тема Джейсона была исчерпана. Он сообщил Кэрол, что продал дом и попросил засвидетельствовать его подпись на одном юридическом документе.

Он рассудил, что Кэрол — единственный человек, к кому он мог обратиться с подобной просьбой. Единственная из его знакомых, кто, если ее начнут расспрашивать — до 15-го февраля, естественно, а потом это будет уже неважно, — станет лгать стойко и нагло, хотя бы из принципа, из презрения к тем, кто ее допрашивает. Она единственная, кто не станет рассматривать документ слишком внимательно. Ее носик чуял, что там непременно кроется какая-то мошенническая уловка, но это как раз было ей по душе.

А уловка заключалась в том, что Теренс сделал ксерокопию документа, заехав по пути на ближайшую почту. Он намеревался расписаться на копии своим настоящим именем в присутствии Кэрол. Ему был нужен только образец ее подписи, которую он вставит потом в настоящий документ, подписанный им уже как Джон Гордон Фиппс, воспользовавшись тем чудненьким аппаратом в лавочке при почтовом отделении. Современная техника здорово помогала современным мошенникам.

Кэрол расписалась своим округлым, почти детским почерком, но все же удосужилась прежде ознакомиться с содержанием документа. Ее внимание первым делом привлекли цифры.

— Три года назад, — сказала она, — ты был так же гол, как и я...

— Мне немного повезло, — быстро нашелся Теренс.

Вздохнув, она спросила, что он собирается делать с такой кучей денег, а Теренс ответил, что потратит их на кругосветное путешествие.

— Не шути со мной, я человек серьезный, — сказала куколка с круглыми глупыми глазками и симпатичными кудряшками.

— Прости, я неудачно пошутил. На самом деле это будет не развлекательная, а деловая поездка. Я бы хотел устроить прощальный ужин. Конечно, мы расстанемся ненадолго, но и это надо отметить накануне моего отъезда.

«Как раз будет повод сбить с рук „Барклай кард“», — подумал он.

За ужином в «Вилла Бланка» Иэн поведал Бенет, что ему предложили работу в Канаде. Это было их первое свидание вне дома, когда она рискнула оставить Джея без личного своего присмотра. Она созвонилась с конторой, где раньше сама подрабатывала, сидя по вечерам с детьми, и вызывала няню, когда Джеймсу было чуть больше года. Персонал там переменялся, но кое-кто ее еще помнил. Джей был уже в кровати и дремал, когда появилась няня — девица лет восемнадцати, скромная и с хорошими манерами.

— Это грандиозный шанс для меня, — восторженно говорил Иэн. — Больница совсем новая. И оборудована так, что можно только мечтать.

— И когда ты туда уезжаешь?

— Я попросил отсрочку на пару месяцев. Под тем предлогом, что надо решить личные проблемы, но мне ее не дают. — Бенет почувствовала, каких усилий ему стоило задать следующий вопрос: — Ты не хочешь, Бенет, переселиться в Ванкувер?

На другой край света, черт возьми!

А почему бы и нет? Хотя, расставаясь с родителями, уезжавшими навсегда в Испанию, она твердила, что ничто не заставит ее жить за пределами Англии. Тогда у нее была наивная девичья любовь, и это властвовало над ее рассудком.

С тех пор воды много утекло под мостом. Теперь все ее планы были связаны с Джемом. А главное, с риском, что они будут опознаны, если Бенет возьмет его с собой, чтобы пересечь океан и целый континент.

— Дай мне подумать, Иэн, прошу тебя. Немного времени, чтобы я решилась. Мне страшно, Иэн.

— У тебя было достаточно времени. Я оттягивал этот разговор до последнего момента. Я был уверен, что ты откажешься. А то, что ты медлишь с ответом, как ни смешно, делает меня счастливым.

Чуть позже они вернулись домой и отпустили девицу Мелани, которая изнывала от скуки и только ждала, чтобы с ней рассчитались. Иэн повез ее домой, как было оговорено в контракте.

Около телефона Бенет нашла записку: «Эдвард Гринвуд звонил в двадцать тридцать».

Читая записку, Бенет вспомнила, почему у нее вызывало тревогу, что Джей берет трубку и не зовет ее к телефону. Временное исчезновение с

горизонта Эдварда не успокоило ее. Он обязательно вернется — она это предчувствовала. Месяц истек после их последнего свидания, но это был далеко не конец.

Возможность уехать в Ванкувер давало ей шанс. Но глобус так мал и весь переплетен современными средствами связи.

Она ничего не сказала про это Иэну, когда он вернулся. Это была их последняя совместная ночь, так как его вновь переводили на ночное дежурство. Бенет старалась не думать об Эдварде и, кажется, преуспела в этом, но он вторгся в ее сон кошмарным видением, грозил ножом и призывал к совместному самоубийству.

Испуганная, она проснулась с криком, хотела прижаться к Иэну, но его половина постели была пуста. Бенет зажгла ночник и принялась звать его, охваченная паническим страхом. Он выскочил на ее зов из спальни Джея.

— Малыш закричал первым, затем ты присоединилась к нему. Что с вами произошло?

— Не знаю. Я ничего не знаю... Что я буду делать без тебя?

— Ты не будешь ничего делать без меня. Я всегда буду рядом.

Утром, когда Иэн ушел и они договорились встретиться где-нибудь в городе попозже, Бенет собрала волю в кулак и набрала номер, оставленный ей Эдвардом.

В ней теплилась надежда, что Эдвард в конце концов отцепится от нее, если она скажет ему о своем решении выйти замуж и уехать в Канаду.

Телефон не отвечал. В одиннадцать утра такое было вполне естественно. Без сомнения, Эдвард устроился куда-то и теперь был на работе. Может быть, она и позвонила ему именно в одиннадцать, зная наверняка, что не застанет его дома? Чтобы убрать противные мурашки по коже и унять внутренний озноб, чтобы доказать себе: «Я могу позвонить ему. Я уже сделала одну попытку и способна ее повторить».

Бенет вышла на крыльцо, откликнувшись на звонок в дверь, и дала фунт женщине, собиравшей деньги на благотворительные цели. И в это время телефон в доме ожил, прозвонил дважды и смолк. Джей должен был бы поднять трубку, но она не услышала его тоненького, зовущегоголоска.

Бенет спустилась вниз. Джей с азартом прищпоривал свою игрушечную лошадку.

— Телефон динькал, — сообщил он и одарил Бенет лучезарной улыбкой. — И опять динькает.

Однако звонили не по телефону, а снова в дверь. Ее сон оказался вещим.

Эдвард был скорее не одет, а закутан в свою одежду — в тонкий из восточной ткани костюм и толстый шерстяной шарф, обвивающий его петлями наподобие удава. Бенет подумала, что он и вправду окоченел и выглядел как чудовищного размера кукла.

Когда она впустила Эдварда в переднюю, Джейсон отшатнулся от него и спрятался за ее юбку.

— Если б ты этого парня послала открыть мне дверь, я бы замерз у тебя на пороге, — заявил Эдвард.

— На моем пороге тебе нечего делать.

— Прости, что доставляю тебе лишние хлопоты.

Она знала, что он придет, знала, что ей будет трудно, но не впустить его в дом Бенет не могла.

— Не думай, что я какая-то сволочь, но видеть тебя мне неприятно.

— Ты научила дьяволенка не отвечать на мои звонки. У него появился рефлекс.

Бенет все не нравилось в Эдварде. И то, что он называл мальчика дьяволенком, в первую очередь. Бывают ошибки в жизни, бывают увлечения, но их должно смывать волной памяти. Называть дьяволенком ребенка — своего или чужого — нельзя. Зачем Эдвард явился? Два ответа вертелись у нее в мозгу. Или он хочет денег и возбуждения иска за небрежность, повлекшую смерть ребенка, или опять овладеть ее душой и телом, как было когда-то и стало уже ее роковой ошибкой? Но больше всего в ней возбудило ненависть то, что Эдвард назвал Джея дьяволенком.

Сам «дьяволенок» насупился и разглядывал пришельца с явной неприязнью. Иногда маленькие дети воспринимают взрослых, как страшных чудовищ. Бенет из-за появления Эдварда не собиралась менять свои планы. Она переодела мальчика, оделась сама потеплее и повезла его в коляске на площадку, где дети резвились под присмотром высоко оплачиваемых нянь.

Ей хотелось поскорее выдворить Эдварда из своего дома, если не удастся из своей памяти. А он плелся за ней, за ребенком, которого она везла в коляске, и наводил тоску... а может быть, и угрожал ей своими поджатыми губами и взглядом, впивающимся в нее, как иголки. Оба его плана были ясны как на ладони. И ей нетрудно было их разрушить, считала Бенет.

Дерево с руками, на которых были пакетики с записочками внутри, по-прежнему было пристроено к стене. Бенет увидела, как странно посмотрел Эдвард на этот коллаж, ощутила озноб, вспомнив грудку никому не нужных игрушек в детской комнате больницы. Единственно, в чем она была

солидарна, так в отношении к этой неудачной придумке.

Быстрым шагом преодолев два квартала, она довезла Джея до небольшого зоопарка, где в вольерах, хоть их и было немного, встречали посетителей настоящие животные. Детям разрешалось их кормить, и тут же продавался корм. Сквозь сетку животные вытягивали вперед влажные губы, жарко дыша, и принимали из детских рук дозволенные вафли и крекеры...

А рядом высилась застекленная, в форме небольшой горки теплица, где было множество растений, цветов и где царило вечное лето. И птицы там летали — настоящие, живые, порхая и чирикавая, хотя через стекло их голосов и не было слышно.

Джей раскрыл альбомчик, лежащий у него на коленях, и стал что-то зарисовывать, используя разноцветные карандаши, в основном зеленый, что вызвало у Эдварда такую же злобную реакцию, как и пренебрежение Джея к его телефонным звонкам.

— Твой мальчишка совсем распоясался. Он уже полностью отключил тебя от мира, хулиганя с телефоном. Теперь ты будешь восхищаться его мазней.

Внезапно Бенет вспомнила, что когда Эдвард навестил ее впервые после почти годичного перерыва, она солгала, что у нее временно живет парнишка ее подруги. Два месяца — долгий срок, но в памяти Эдварда ее слова, без сомнения, удержались.

Прогулка не могла длиться бесконечно, и они вернулись туда, откуда вышли. Бенет вскипятила чайник, поставила чашки на поднос, вскрыла банку апельсинового сока для Джея. В любой момент Эдвард мог задать вопрос, почему этот чужой мальчик так долго болтается здесь, и ей нужно было придумать какое-то правдоподобное объяснение.

Эдвард уселся в кресло-качалку и с этой позиции внимательно рассматривал Джея. Внезапно он встал, грубо схватил мальчика, повертел в руках, оторвав его от рисования, потом отпустил и вновь вернулся на прежнее место.

Джей не вскрикнул и не заплакал. Он просто посмотрел на этого мужчину глазами, в которых было больше презрения, чем испуга. Зато Бенет захотелось закричать и обрушить кулаки на Эдварда. Ей стоило больших усилий удержать над собой контроль. После некоторой паузы она нашла в себе силы объяснить Эдварду, что у Джея проявились способности к рисованию, и его надо поощрять любым способом.

Все же мальчик испугался Эдварда. Его губы все сильнее дрожали, и наконец он разразился плачем и спрятал лицо в юбке Бенет. Утешая Джея, она ожидала от Эдварда расспросов: «Чей это ребенок? Откуда он взялся?»

Что ты с ним будешь делать?»

Но Эдвард, по всей видимости, решил отложить этот разговор. Он вытянул свое тело из кресла-качалки и встал перед ней во весь рост. Прогулка по морозу не заставила его лицо порозоветь, он остался таким же бледным, как был, кровь еще и отлила от его аристократического лица.

Джей утер слезы о юбку Бенет и взглянул на него.

— Урогад! — произнес он изобретенное им слово.

К счастью, Эдвард не понял смысла этого выражения.

Бенет накрыла стол к чаю. В чашку Эдварда она положила одну ложку сахара.

— Еще помнишь, — сказал он с некоторым самодовольством.

— Такое не забывается. — Неизвестно, уловил ли он в ее словах иронию.

Чаепитие прошло в молчании.

Джей закончил рисунок ярко-зеленого дерева и принялся за изображение птицы с огромными красными ногами и когтями, способными разорвать любую плоть.

Бенет подумала, что уже нет никаких слов, чтобы что-то сказать Эдварду, и это было так тяжело, словно свинцовый шлем кто-то надел ей на голову. Зато его язык вновь заработал.

— Бенет, я хочу, чтобы мы снова были вместе, и все, что между нами было, повторилось. Я хочу прийти к тебе и остаться. Так и должно быть. Такова судьба. Никто не должен мешать нашему воссоединению, ни этот малыш... никто. Мы принадлежим друг другу, Бенет!

— Все это чепуха, — покачала головой Бенет, — и плод твоих иллюзий.

— Почему? Мы оба стали старше и соответственно мудрее. Ты достигла вершины успеха, а я расстался со своими амбициями. Я готов даже преподавать английский в любой школе для иностранцев за скромное жалованье. У меня есть диплом. Я буду следить, как ты на крыльях популярности летаешь по всей планете, но я устрою тебе домашний огонек и стану твоей домохозяйкой.

Бенет чуть не расхохоталась. Подтекст был ясен — воспользоваться ее доходами от книги. Эдвард был слишком плохим актером, чтобы скрыть свою истинную сущность паразита — подобно лиане на сочном дереве, прилипале к чужому таланту.

— Это невозможно, Эдвард. И никогда не получится, дорогой мой. И нет в том моей вины, как и твоей. То, что было, давно прошло. Ты для меня чужой мужчина, я для тебя — чужая женщина. Давай порешим на этом.

— Ты опять все решаешь сама. — Он сделал паузу, подыскивая доводы.

Бенет ощутила, как ее сердце сжалось. Джей наблюдал за ними, отложив свои рисунки и ощущая, как сгущается в комнате грозовая атмосфера.

— Ты не тот человек, который мне нужен. Пойми, Эдвард.

— Если мы поженимся, я стану таким, как ты хочешь.

— Мне не так уж нужен муж

Ее сместила его уверенность в том, что брачные узы — мечта любой женщины.

— Ты, однако, плохо знаешь современных женщин. Возможно, ты найдешь себе подходящую кандидатуру в жены, но только это буду не я. Лично я для тебя табу.

Эдвард не сдавался.

— Ты думаешь, суд решит в твою пользу? Одиноким женщинам усыновление ребенка вряд ли позволят.

Вот это удар под дых.

Она ведь не говорила ему, что собирается усыновить Джея. Последний раз речь шла не о ребенке. Эдвард только настаивал на заключении законного брака.

— Тебе нужно одно. Чтобы этот мальчишка стал твоим? Ты и спланировала аферу вместе со своей безумной матушкой.

Он был так убежден, что раскрыл ее тайну, так доволен собой, что она безвольно кивнула. Эдвард вернул ее к тому состоянию, когда ей в больнице сказали, что ее Джеймс умер. У нее в глазах потемнело, голова закружилась, но Бенет устояла на ногах и даже выпрямилась, чтобы не потерять достоинство.

— Я знаю, кого ты прячешь у себя в доме, — продолжал Эдвард тем же тоном, для которого маленький мальчик придумал уничтожающе-презрительное определение. — Задача решается легко. Этот исчезнувший мальчишка, о котором недавно шумела пресса, спрятан у тебя.

Потом Бенет жалела, что, растерявшись, не стала все отрицать. Хотя ложь ее бы унизила. Эдвард был мерзок и противен ей с его притязаниями и на прежнюю любовь, и на общие секреты.

— Интересно, как ты докопался? — все-таки спросила она. — Ты же не наблюдателен и равнодушен ко всему, кроме самого себя.

А он торжествовал, наслаждаясь тем, что хоть в чем-то добился успеха.

— Очень просто. Ты зовешь его Джей, а раньше никогда не употребляла в речи укороченные имена. Ты даже меня в интимные минуты не называла Тедом, только Эдвардом. Ну а потом описания в газетах и фотографии разыскиваемого ребенка на телевидении. Волосики у него вроде бы другие. Не наша наследственность. И место, где он был похищен. Оно буквально по соседству от твоего роскошного особняка. Ты удовлетворена моими объяснениями?

Она поняла, что на дорожке, по которой шла, появилась опасная яма. «Удовлетворена?» Эдвард употребил это слово, но никто другой — ни власти, ни общество — не будут удовлетворены ее объяснениями. Все сочтут ее преступницей. В крайнем случае, сумасшедшей, как и ее мать.

Эдвард мог бы убрать из памяти эту историю, как убрала ее безумная Мопса. Но он не уберет и не забудет. И это будет концом ее мира.

Бенет решила на переговоры. Будучи поверженной, она попыталась заключить устраивающее обоих соглашение.

— Что ты собираешься делать?

— Тебе кажется, что ты пока живешь в раю, только этот рай для дураков. Рано или поздно вскроется, что наш с тобой сын похоронен, а ты присвоила чужого ребенка. Откуда появилась эта милая мордашка — тебе придется объяснять и сейчас, и в будущем, и на протяжении всей жизни.

Она не заглядывала далеко вперед — жила только сегодняшним днем.

— Я думала, что он подрастет, и никто его уже не узнает. И тогда я увезу его подальше отсюда, — наивно призналась Бенет, разговаривая с Эдвардом как с нормальным и даже добрым человеком. — Скоро его никто не узнает — ни сыщики, ни даже родная мать. Он меняется на глазах. И, кстати, никто особо не заботится отыскать его живым...

Эдвард не дал ей договорить:

— А что ты предприняла, чтобы обезопасить себя?

— От чего?

— От обвинения в похищении? От заключения в тюрьму?

Джей в это время, воспринимая разговор взрослых как неинтересное бормотание, примостился у нее на коленях, и этот такой инстинктивный детский поступок придал ей силы в споре с взрослым оппонентом. Мальчик взобрался повыше, обхватил ее шею тонкими ручонками и захныкал.

— Ты меня душишь, Джей. Дай мне поговорить спокойно. — Она с трудом освободилась от объятий мальчика. — Скажи мне прямо, Эдвард, как ты собираешься поступить?

— Можешь счесть это шантажом.

Она не поверила тому, что услышала.

— Эдвард! Не может быть...

— Я дошел до крайней черты... Мне наплевать. Все равно я для тебя дерьмо...

С человеком, дошедшим до такого состояния, было страшно общаться. Бенет поняла, что так или иначе, шантажом или по закону, разные люди с разными целями отнимут у нее этого ребенка. И ей надо быть ловкой и очень хитрой, чтобы обмануть их.

— Как ты можешь так говорить, если претендуешь на роль отца?

— А где его отец?

— Без сомнения, таковой есть. Но только я об этом не думала.

Эдвард злобно посмотрел на нее.

— Тебе нужен не отец, а ребенок. Ты хочешь его купить?

В глазах Бенет Эдвард выглядел сейчас точно так, как его определил по голосу малыш, — уродом и гадом.

— Ты будешь его матерью, а если я стану твоим мужем, то, соответственно, и отцом этому мальцу. Нас по закону признают его приемными родителями, и никаких затруднений не возникнет. У тебя есть деньги и дом. Мы оба подходящего возраста. Никто из нас не состоял раньше в браке. Что может препятствовать усыновлению? Если обратимся в суд с такой просьбой, нам охотно пойдут навстречу.

— Ребенок для тебя лишь повод, чтобы жениться на мне. Ты добиваешься своей цели любым способом, — произнесла она сухо.

— Правильно. Я хочу быть твоим мужем и стану им.

Невольно взгляд Бенет скользнул в сторону. Она посмотрела на мальчика, прильнувшего к ней, и подумала: «Как скоро, ты, Эдвард, поднимешь руку на малыша, начнешь его избивать? Твоего терпения хватит ненадолго. Ты ведь ненавидишь детей».

— То, что ты предлагаешь, неосуществимо при всех вариантах. Его нельзя усыновить. У него есть живые родители. Я его у них украла. Судя по тому, что ты мне говорил только что, ситуация тебе ясна.

Однако Эдвард не уговорился.

— Я провел весь вчерашний день в читальном зале библиотеки Холиндейл и просмотрел все, что публиковали в газетах о деле Джейсона Стратфорда. Абсолютно очевидно, что его мамаша пальцем о палец не ударила, чтобы отыскать своего отпрыска. Двое ее старших детей отданы в приют, и Джейсона ждет та же участь через год-полтора. Она барменша в сомнительном заведении, а ее дружок — безработный. Тебе не кажется, что она попросту охотно продаст Джейсона тебе?

К Бенет вернулась надежда, точнее, поманила ее, дразня, словно маленький шаловливый пальчик, высунувшийся из какой-то щелки. Ей представился открытый безграничный мир, где всем известна ее правда, где смерть Джеймса ни от кого не скрывается, а Джей становится ее сыном на законных основаниях, и даже Эдвард как-то вписывался в этот мир.

Но это было лишь короткое счастливое видение, иллюзия, которой наверняка не суждено стать реальностью. Пальчик надежды скрылся в щелке, и каменная стена реальности сомкнулась.

— Я думаю, с нее хватит двадцати тысяч фунтов, — заявил Эдвард.

— Это вряд ли пройдет, — без всякой уверенности сказала Бенет. — На это она не купится. Дом, где мы сейчас находимся, обошелся мне в пять раз дороже.

Затеянный так сразу, без всякой подготовки, циничный разговор о деньгах подталкивал Бенет к истерике. Она едва сдерживалась.

— Боюсь, ты все испортишь, Эдвард, и тогда всему конец. Ты не понимаешь, что значит ребенок. Это не вещь и не товар. Он не имеет цены.

— Ты выложишь пятьдесят тысяч, если я все улажу?

«Выложу все, что у меня есть, — думала она, — и этот проклятый дом, и будущие гонорары за переиздания. И буду работать как бешеная».

— А если она плюнет тебе в лицо и напрямик потопает в полицию? — засомневалась Бенет.

— Ты рискуешь, не я.

— Почему я, Эдвард? Почему вся вина ляжет на меня? Давай тогда расстанемся прямо сейчас же. Ты уйдешь чистеньким, а я сама разберусь с этим делом.

— Не давай волю эмоциям, Бенет. Давай поговорим на чистоту. Ты ведь знаешь, что я в курсе этой истории. Раз уж я раскопал правду, то я дело не оставлю. Даю тебе три дня на размышления. У меня назначено свидание

с Кэрол Стратфорд — она, правда, не знает истинной причины, но чувствует, что здесь пахнет деньгами, а деньги она любит.

— Ты слишком в себе уверен, — сказала Бенет тихо.

— Да, я уверен в себе.

Прекрасно! Он определил срок в три дня. За эти три дня можно удрать на край света вместе с Джемом. Он, не подумав, дает ей шанс. Полиция не была бы так беспечна.

В ночь, когда Кэрол вообще не вернулась домой, Барри решил позвонить в «Росслин Парк» уже после полуночи. Он выпил целую бутылку крепкого вина, и ему было наплевать, как там люди отнесутся к его звонку. В доме теперь не переводились спиртные напитки, приносимые Кэрол.

Ему ответили, что он ошибся. Кэрол вовсе не задержалась на работе допоздна, и ей не предоставили ночлег в отеле из-за снегопада и плохих дорожных условий. В этот вечер ее не было на работе, и фактически она вообще не состоит в штате отеля. То была последняя соломинка, за которую хватался Барри.

Выслушав все это, Барри наконец уснул на кушетке в гостиной.

Весь следующий день он ее не видел. После полудня какой-то мужчина с мерзким голосом попросил позвать Кэрол к телефону. Барри спросил, не зовут ли его Теренс Ванд? Но трубку бросили на другом конце провода с такой силой, что у Барри заложило уши.

Немного оправившись, он отправился в центр по найму рабочих, но, как всегда, свободных вакансий не нашлось, и он предпринял долгую пешую прогулку, чтобы чем-то занять себя, а пистолет, спрятанный под курткой, давил на его ребра, пока он бесцельными шагами мерил улицу за улицей.

Вернувшись домой, Барри от усталости сразу завалился спать, а пробудившись на следующее утро, наконец увидел Кэрол. Она была рядом с ним, примостившись на самом краю кровати, и удивительно, как только он не столкнул ее на пол во сне. Он пролежал так, бодрствуя с похмелья, и все вглядывался в нее спящую, не решаясь потревожить.

Уже было близко к одиннадцати, когда Барри встал и отправился готовить завтрак.

Первое, что ему бросилось в глаза, когда он вернулся из кухни, были часики, украшенные мелкими бриллиантами, которые Кэрол сняла и положила на прикроватный столик. Она уже не спала, лежала на спине, уставившись в потолок, и ее небесно-голубые глаза были широко

распахнуты.

— Привет, — сказала она, а потом, увидев поднос с завтраком, спросила: — В доме найдется закурить?

Он растерянно пожал плечами. Он не имел понятия. Недели две назад он перестал покупать сигареты и для себя, и для нее. И это как-то прошло незаметно. Бывало, что он выкуривал по полторы пачки в сутки, а потом вообще не курил и не страдал от этого. Кэрол произнесла, подражая грубому тону Айрис:

— Твое лицо похоже на щетку для сортира. Или на что-то еще похуже. Какой бес в тебя вселился? Если я не ночевала дома, тому были причины. В «Росслин Парк» возникла напряженка, и я пропустила последний автобус. А второй раз мне пришлось ждать, чтобы кто-нибудь согласился меня подвезти.

— Ты там не работаешь, — сказал Барри. — Тебя на эту работу никогда бы и не взяли.

— О'кей, я там не работаю, — легко согласилась она.

Ничто не могло испортить ее хорошего утреннего настроения. От нее еще пахло отличным бренди — это через столько часов! И все равно она была нежная, румяная, невинная, как девочка. Откинув покрывало, Кэрол уселась на кровати. Барри невольно зажмурился. На ней не было даже трусиков, а груди ее соблазнительно выпячивались.

— Если ты не будешь задавать вопросов, — сказала она, — мне не придется тебе врать. Ты еще более чужой мне, чем этот чертов Дэйв.

Фотография Дэйва удостоилась презрительного взгляда.

— Я не спрашиваю, где ты шатался, чем занимался. И результатов твоих занятий не вижу. Дэйву тоже надо было знать, чем я занимаюсь, где шляюсь. Надоедал мне до смерти. Но он хотя бы не торчал постоянно перед глазами, как ты.

Для Барри это было что-то новое. Раньше Дэйв почитался как святыня и был символом несчастья, постигшего Кэрол в юности. Барри жалел ее и сочувствовал, отчасти из-за героически исчезнувшего со сцены водителя грузовика Дэйва.

Ее голос становился все визгливее, а на скулах выступили красные пятна.

— Кэрол! — Он тоже повысил голос. — Ты провела эту ночь с тем парнем, который сделал тебе Джейсона? Признайся! Он богатый человек, не чета мне. И все подарки от него? Я угадал?

Кэрол соскочила с кровати и нагло, обнаженная встала перед ним. У нее на шее были видны следы засосов, а вдобавок и кровавые полосы на

теле, подобные тем, что когда-то он видел на худеньком теле Джейсона.

— Эй, ты! — приказала она. — Приготовь мне ванну и заткнись!

Ее командирский и издевательский тон не заставил Барри пошевеливаться. Как и ее голое тело, которое вызвало только отвращение. Он рассматривал ее белую нежную кожу с царапинами без всякой похоти, как нечто не живое, не теплое, а как экспонат, выставленный в биологическом музее.

— Он отец Джейсона? — повторил Барри свой вопрос.

Кэрол взорвалась.

— Хочешь знать, кто его папаша? Скажу! Их была дюжина или еще больше! Меня на всех хватало. А чье семечко дало плод, какое мне дело? За неделю я пропускаю по восемь-десять мужчин. Ты доволен тем, что я тебе призналась?

— Ведь это неправда, Кэрол? — с надеждой спросил Барри и положил руки ей на плечи.

— Дурак! Конечно, правда. Перестань меня тискать!

Он отпустил ее. Это был конец сказки. Дверь в какую-то иную красивую жизнь захлопнулась намертво. Он слушал, как Кэрол наполняет ванну, орудует с кранами, добавляя то горячей, то холодной воды, ощутил запах дорогой ароматической соли.

Барри стоял под дверью, несчастный, вновь возжелавший ее, потерявший всю гордость, все свое мужское достоинство.

Желание пересилило, и он постучал в дверь ванной.

— Что все-таки случилось? — крикнул он. — Ты мне наговорила кучу гадостей, но я все равно тебя люблю. Давай поженимся, Кэрол.

— Ты шутишь, — услышал он через дверь. — Кому ты нужен, негодяй? Только полиции. Ты убил моего Джейсона.

— Что?! — Удар был поистине подлый и жестокий. Барри не поверил своим ушам. — Что ты сказала?

— То, что слышал.

Будь Барри ребенком, подобное обвинение из ее уст свело бы его с ума. Но он все-таки был взрослым и привык получать удары и отвечать на них.

— Откуда ты это взяла? Кто тебе такое наплел? Джейсон был мне дорог. Я заменил бы ему отца. Зачем мне покушаться на него?

— Только он тебе мешал, — донеслось из-за двери ванной. — Я была слишком тупа и не догадалась об этом раньше.

Кэрол включила душ и принялась мыть волосы.

Дальнейший разговор стал невозможен из-за шума воды.

Барри ударил ногой в дверь, сбил задвижку. Она направила на него струю горячей воды, чуть ли не кипятка. Он отступил, закрывая лицо руками.

Дверь в ванную вновь затворилась.

Почти ежедневно встречаясь с Иэном, Бенет при каждом свидании собиралась выложить ему всю правду, исповедоваться, и пусть он осудит ее или будет к ней милосерден. Однако осторожный голос в глубине ее души нашептывал, что в таком случае уже двое будут знать ее тайну. Не только один Эдвард. А завтра к ним прибавится Кэрол Стратфорд — и образуется уже троица.

Конечно, Иэн немедленно посоветует ей отказаться от Джея и передать его полиции. Он относится к тому сорту людей, что не признают никаких махинаций. Он не станет смотреть сквозь пальцы на то, что творит она с собой и с чужим ребенком. Эдвард был полной противоположностью Иэну, но именно этим он был ей и противен и страшен.

Иэн находился на ночном дежурстве, и Бенет была отчасти этому рада. Все последние ночи она проводила без сна, а если засыпала, то тут же пробуждалась от жутких кошмаров.

Эдвард навестил ее в воскресенье вечером. Бенет застала его у себя в кабинете за чтением страницы из начатой рукописи.

— Как ты вошел?

Он улыбнулся и потряс перед ее лицом связкой ключей. Улыбка была не наглой и не угрожающей, а по-хозяйски спокойной — мужчина пришел к себе домой, отдыхает, и у Бенет нет повода гнать его прочь.

— Ты не очень хорошо выглядишь, Бенет.

Она молча пожала плечами.

— Нет никаких причин для тревоги. — Он потянулся обнять ее. Бенет не сопротивлялась, но оставалась неподвижной, словно замороженной.

— Если она скажет «да», то мы в деле. Если «нет», ничего плохого не случится. Ты окажешься в прежнем положении.

— Если она тебе откажет, то тут же обратится в полицию, — возразила Бенет.

— Люди вроде нее не очень-то стремятся общаться с полицейскими. Я прочел все газетные сообщения. Больше суток прошло, прежде чем она известила полицию.

— Я не хочу, Эдвард, чтобы ты с ней встречался, — заявила вдруг Бенет.

— Лучше исчезни и больше не вмешивайся. Мы переговорим с ней один на один. Если я решусь предложить ей деньги... Не воспринимай

меня как шантажиста. Я стараюсь ради нас обоих.

Бенет прошла в гостиную, достала из бара бокалы и бутылку виски, наполнила их почти до краев — один для него, другой для себя. Руки ее дрожали. Джей мирно спал наверху, двумя этажами выше, но даже здесь, внизу, она как будто слышала его ровное легкое дыхание.

«Я увезу его, — подумала она. — Увезу туда, где никто не найдет нас. Пусть это будет край света».

План Эдварда никогда не сработает, его доводы взяты с потолка. Ведь если Кэрол откажется, то Эдвард очутится под колпаком, и полиция через него выйдет на Джея. А если Кэрол согласится на выкуп, то Джей должен быть предоставлен ей живым и здоровым, и опять же, как она решит — не начнет ли сама шантажировать Бенет. Продажа ребенка — уголовное преступление.

Не пойдет ли Кэрол в полицию, получив солидный аванс, с заявлением, что ей предлагают похищенного ребенка за выкуп. Столько грязи выльется на Бенет, и чистота ее помыслов никем не будет принята во внимание.

Оставался один простой выход — исчезнуть самой вместе с Джейем, перечеркнуть свою прошлую биографию, прервать все связи, начать все сначала на оставшиеся у нее деньги.

«Я истрочу эти деньги, чтобы спрятать мальчика, а не покупать его», — решила Бенет, и словно камень свалился у нее с души.

Она даже чокнулась с Эдвардом, и после первого глотка у них обоих закружилась голова.

— Поступай, как тебе кажется правильным, — сказала она. — Предоставляю тебе свободу действий.

Он, к счастью, выразил покорность и не долго задержался у нее.

В одиночестве Бенет предалась размышлениям, какие превращения произошли с ней. Еще несколько месяцев назад она была законопослушной представительницей среднего класса, и ее контакты с полицией ограничивались предупреждениями за превышение скорости, и вот теперь она — похитительница ребенка, преступница, ей придется скрываться, и ее объявят повсюду в розыск.

Она, слегка пошатываясь от глотка спиртного, поднялась к Джейю и долго смотрела на него, спящего. Он вертелся во сне, был чем-то обеспокоен, стягивал с себя пижаму, обнажая худенькое тельце. Даже в полумраке она видела на его коже старые следы сигаретных ожогов. Бенет готова была в истеричном припадке схватить его и прижать к себе, и дать клятву Небесам, что с нею он будет счастлив. Однако Бенет сдержалась,

поправила на нем пижамку, укрыла и начала собирать чемоданы.

Первой проблемой, которая ее озаботила с раннего утра, — это паспорт Джея. Она совсем забыла, что не может покинуть страну с ребенком без соответствующего документа. Как достать его, она не решила и не знала, куда обратиться. Чемоданы были собраны в панике и спешке, без расчета на климат той страны, куда она попадет, — жаркой или холодной. Немыслимо было вообразить место, где все хорошо одновременно — и светит солнце, и льет освежающий дождь, и снег сверкает на вершинах гор под голубым небом.

За окном посыпал противный снег — мелкий и жесткий, как крупа. Бенет нашла свой старый паспорт и сунула его в сумку вместе с утаенным ею оригиналом свидетельства о рождении Джеймса. Вдруг это может пригодиться?

Джей проспал до позднего утра. Бенет одела его и принялась кормить завтраком.

— Снег, — произнес мальчик, прижавшись носом к стеклу. — Сделаем снеговика?

— Как-нибудь потом. А сейчас давай убежим от снега туда, где тепло.

Она закутала его в шерстяное пальто, обула в теплые ботинки, нахлобучила меховую шапку, обернула вязаным шарфом. Пока она загружала в машину багаж, мальчик забавлялся снегом, собирая в горсть крупинки и пуская их по ветру. От холода его лицо и носик покраснели, и это напомнило Бенет, что Эдвард так же мгновенно реагировал на мороз.

Мысль о том, что своим бегством она ставит Эдварда в двусмысленное, если не хуже, положение, не вызвала у Бенет раскаяния.

В понедельник утром Кэрол вновь не было рядом с Барри в кровати. А это был Валентинов день. Покупая Кэрол поздравительную открытку с днем рождения вскоре после их знакомства, Барри уже тогда думал о празднике влюбленных и купил открытку заранее и сочинил нежные и нестандартные слова. Его открытка ждала ее на прикроватном столике.

Почта же доставила на имя Кэрол изящный конверт без обратного адреса. Барри не постеснялся вскрыть его, рассчитывая прочесть имя Теренса Ванда. Но подпись заменяли игривые розовые крестики.

Снег все валил с неба и смешивался с городским смогом. К полудню округа напоминала настоящую полярную станцию. В окошко проникало отражение от этого снежного покрова и усугубляло чувство одиночества Барри.

Кэрол в последний раз он видел в субботу. Раз за разом он

прокручивал в мозгу ее слова, сказанные при расставании. Может быть, в ее биографии были десятки, даже сотни мужчин, но от такой жизни от нее не убудет, а вот ему следует подумать о себе. Подобное обращение с собой он не мог ей простить. И она еще обвинила его в том, что он убил Джейсона.

Он возненавидел ее именно за это. Не за ночи, проведенные неизвестно где, не за других мужчин, не за постоянную ложь, не за то, что он обслуживал ее как горничная, не получая благодарности. Только бы она верила в его любовь и не говорила тех страшных слов, что никогда не выйдет замуж за мужчину, убившего ее малыша. Но надежды его таяли с каждым днем, с каждой проведенной отдельно ночью.

Он ясно понимал, что сделал неверный выбор, что если не уйдет отсюда вовремя туда, где ждет его скромная жизнь в родительском доме, то произойдет убийство. И самоубийство, после того, как он убьет ее. Недаром он потратился на пистолет.

Но лишить себя жизни... или ее... разве это не ребяческий поступок? Он все-таки до конца хотел ощущать себя настоящим мужчиной, пусть и неудачно влюбленным.

Только сейчас Барри понял истинное значение Валентинова дня — праздника влюбленных. И то, что Кэрол не было рядом с ним, казалось оскорблением, которое перенести, стерпеть никак невозможно.

Он сидел неподвижно в их доме, вернее, в доме Кэрол, и отрицательная, пугающая энергия копилась в нем. Один раз Барри издал протяжный стон, тоскливый вой и устыдился себя, и обрадовался, что его никто не видит и не слышит, а затем крепко зажал рот ладонью.

Идти искать Кэрол по Лондону было нелепо. Он сидел и ничего не предпринимал. Плотный снежок ударил в окно, чуть не разбив стекло. К счастью, это был просто снежок, без начинки в виде камня внутри. Это забавлялись дети Изадорос или еще чья-то ребятня.

Другим было весело. Им нравился снег и нравился Валентинов день. Наверное, утром Кэрол явится — свежая или усталая — ему было все равно, но до утра он не выдержит.

Барри накинул куртку, проверил, надежно ли спрятан пистолет. И тут ожил телефон.

Барри поднял трубку. Он подумал, что звонит Кэрол, и затаил дыхание в надежде услышать ее голос, но ошибся.

Мужской, достаточно бесцеремонный голос попросил позвать ее к телефону.

— Ее нет дома.

— А она не в «Бахусе»?

До Барри не сразу дошло, что так называется бар, где было ее постоянное место работы.

— А ваша фамилия не Ванд? — внезапно вырвалось у Барри.

Ответом ему послужили короткие гудки.

По понедельникам смена у нее в баре кончается в три. Барри давно выучил наизусть ее расписание. Так где же она?

Пролив был застывшим и спокойным, словно прикрытым ледяной коркой. Бенет пожалела, что первое знакомство Джея с морем оказалось таким скучным. Но он, стоя на палубе и не видя земли, а лишь морской горизонт, смеялся и радостно заглядывал ей в лицо. Сколько новых открытий ему еще предстоит в жизни!

Они прибыли в Кале, где их встретил промозглый туман. На пристани и на вокзале, где скопилось множество опаздывающих пассажиров, она вдруг поняла, что ей некуда деться сейчас, кроме как только в испанскую деревушку к отцу и к сумасшедшей матери. Там есть соседи, которые знают, что у Бенет родился сын. Что может быть естественнее, если дочь решила показать бабушке и дедушке внука?

Британское королевство не имеет договора с Испанией об экстрадиции преступников. А если возникнут сложности, они коротким путем переправятся в Северную Африку.

Бенет коснулась плечика малыша, чтобы ободрить его, а он в ответ вдруг закричал:

— А когда опять будет море? Я хочу море!

И ей показалось, что в этом они солидарны. Океан ведь бесконечен и омывает всю землю, и взгляд на морскую даль очищает душу.

По прибытии в Париж она немедленно позвонила родителям в Испанию и предупредила, чтобы их ждали.

Она предпочла не ехать поездом и не брать машину, а выкупила случайно оставшиеся свободными билеты на чартерный авиарейс до Малаги.

Дом был погружен в темноту. Зайдя в арку, Барри мог поклясться, что видел свет в одном из узких окон левого крыла, но потом засомневался и подумал, что это было лишь отражение уличного фонаря.

Он собирался звонить в дверь Теренса Ванда хоть до бесконечности. Если Кэрол там с ним и они вместе нападут на него — двое на одного, — ему ничего не страшно. Ему было нужно только отыскать Кэрол,

посмотреть в ее лживые глаза и устроить очную ставку. Если понадобится, он припугнет их оружием.

К Теренсу Ванду он больше не испытывал ни ревности, ни ненависти, а был полностью равнодушен. Теренс мог быть отцом Джейсона, а мог им и не быть. Почему-то сейчас Барри абсолютно не интересовало, от какого мужчины Кэрол родила своего младшего сына.

Он нажал на звонок один раз, затем еще, а дальше уже не убирал палец с кнопки. Возможно, что только в его воображении существовали люди, которые прячутся там в доме. Изнутри не доносилось ни звука, никто не собирался откликаться на звонок. Попытка заглянуть в одно из окошек не принесла результата, но Барри заметил слабое свечение лампочки в холле, запрятанной под матовый абажур, кружок света на темном ковре и тусклые блики на какой-то бронзовой статуе.

Он обошел дом сзади и подобрался к окошку гаража. Машина стояла на месте. Он подергал ручку, но дверь гаража была на запоре.

Живые изгороди и каменные заборы стали белыми от налипшего снега. Температура резко упала. Там, где на мостовых были темные проплешины, где раньше снег подтаивал, образовались ледяные дорожки.

Барри направился обратно к станции метро. Можно было допросить Морин, а как худший вариант, обратиться к Айрис. Он знал, что ничего, кроме унижения, это ему не даст, но ноги сами несли его туда.

Преодолев Китайский мост, засыпанный снегом, глядя под ноги, чтобы не поскользнуться, и уже перестав считать окошки, как делал это раньше, он вдруг увидел, что дом Кэрол освещен. Его сердце дрогнуло, но не подпрыгнуло от радости, как бывало. Оно осталось на месте тяжелым свинцовым комком, и впервые в жизни Барри ощутил настоящую сердечную боль.

У него был пистолет, поэтому его не страшила темнота, возможность внезапного нападения и неравной драки. Перед тем как войти в темный проулок, особо скользкий в этот час, меж обледеневших заборов, Барри достал пистолет и сжал его обеими руками, как показывал Пэдди Джонс. Но никто не шагнул ему навстречу, и никто не вынырнул из-за спины.

Барри вышел из проулка на улицу и остановился. Никогда еще в доме Кэрол не горели огни так ярко. Свет из гостиной заливал весь дворик перед крыльцом. И вдруг он погас. Из дома вышла женщина. На какой-то момент Барри подумал, что это Айрис. Ее походка, манера запахивать на себе незастегнутую верхнюю одежду.

Но когда эта женщина торопливо миновала уличный фонарь, он тут же узнал Кэрол, ее натуральные светлые локоны. На ней почему-то было

надета шубка Айрис из искусственного меха и туфельки на очень высоких каблуках. Ей нравилось носить летнюю обувь даже зимой, она считала, что это придает особый шик, и часто Барри отогревал посиневшие от мороза ноги Кэрол ладонями и горячими губами.

Она бросила взгляд по сторонам, словно опасаясь чего-то или кого-то, кто мог бы следовать за ней. Барри не обладал столь высоким самомнением и не думал, что она боится столкновения именно с ним, но мог послужить ей защитой, и это подтолкнуло его на преследование. Мир вокруг Барри сузился до таких пределов, что ему уже не хватало там места и какого-нибудь более разумного дела, кроме как выслеживать свою подружку.

Постоянно оглядываясь, но не замечая Барри, Кэрол устремила на Бевин-сквер. Черная Красотка и Синеволосый занимали там привычные места у выхода из закусочной, откуда несло жирным теплом, и что-то жевали. Они оседлали свои мотоциклы, как ковбои мустангов, мешая посетителям. Но никто не решался изгнать их ради установления нормального порядка.

Барри так устроил под курткой свой пистолет, чтобы можно было легко извлечь его, но не снял с предохранителя. Один из парней бросил в его сторону какое-то оскорбление, но раз Барри его не расслышал, то и реагировать было необязательно.

Однако Кэрол решила, что грязные слова относятся к ней. Ее реакция была молниеносной. Она им выдала в ответ такую тираду, что парни чуть не свалились со своих седел. Барри восхитился ее храбростью.

Кэрол зашагала в направлении Лордшип-авеню.

Он следовал за ней, совсем не убежденный, что поступает правильно. Он опять подумал, что Кэрол идет в гости к Айрис — но зачем? Вернуть ей дрянную меховую шубку?

Но, пройдя два квартала, Кэрол замедлила шаг, словно выжидая, а потом остановилась на перекрестке. Что заставило ее идти по снегу, почти босоногой, в такой холод, одетой лишь в эффектную на вид, но на самом деле зябкую шубку, которую ветер то и дело пытался сдернуть с ее плеч?

Снег все сыпался с неба. Барри было холодно, а каково ей, Кэрол? В темном небе взрывались цветные ракеты в честь праздника, запускаемые молодыми бездельниками, но от них не становилось теплее.

Большая машина приблизилась к перекрестку на бешеной скорости, закрутилась при резком торможении, заехав на тротуар, и замедлила ход. Барри не видел, кто сидел рулем.

Кэрол бросилась к машине, словно подхваченная ветром, дверца приоткрылась, впуская ее, и тотчас захлопнулась. Автомобиль сразу же

набрал скорость, унося Кэрол в вожделенном тепле и роскоши.

Машина успела скрыться из виду, пока Барри выбежал на середину улицы. Он был слишком далеко, а другие прохожие ближе, и они уже заметили темное пятно, распластавшееся на бордюре у тротуара.

Одна женщина попятилась в испуге. Образовалась небольшая толпа, несколько машин притормозили, задели друг друга, началась перебранка. Выяснилось, что кто-то задавил черного добермана, принадлежавшего местному зеленцику. Однако никто не обратил внимания на номер машины, все только громко выражали возмущение.

Барри от вида превращенной в кровавое месиво собаки стало нехорошо. Он собирался идти пешком, но к остановке у ближайшего паба подкатил автобус. Барри пристроился на сиденье напротив женщины, которая с подозрением смотрела, как выпячивается его куртка из-за спрятанного на груди пистолета. Оружие, подготовленное к бою, действительно утыкалась ему чуть ли не под горло. Он осторожно опустил его пониже.

В баре ни Кэрол, ни ее спутника не было. Барри мог увидеть это через витрину. Клиентов обслуживала Алкими. Костас восседал за большим столом в компании греков примерно своего возраста. Деннис Гордон, уже пьяный, если не на все сто процентов, то явно на семьдесят пять, нависал над стойкой, цепляясь за нее руками. Барри все же вошел, и сразу привлек к себе его внимание. Гордон злобно уставился на него, правда, сразу же отвел глаза, посмотрев на часы с черным циферблатом на руке Костаса. Стрелки показывали без пяти восемь. Барри хотелось глотнуть чего-то крепкого, но он воздержался и покинул бар. Серебристо-голубой «Роллс» Денниса Гордона был припаркован на обочине там же, где и прошлой ночью — на площадке под фонарем. Ну и правильно, где ж ему еще парковаться?

Барри едва успел отойти на несколько шагов, как дверь бара распахнулась и тут же захлопнулась. Он не стал оглядываться. Инстинкт ему подсказывал, что Кэрол здесь нет, и надо подумать, где искать ее. Возможно, парочка вздумала развлечься в Вест-Энде, но там Барри их никогда не отыщет.

«Иди домой, Барри, пока есть силы и ноги держат, и ничего непоправимого не случилось. И лучше не встречайся с ней». Остатки здравого смысла направляли его именно этим путем. «Рано или поздно ты все равно с ней увидишься и выяснишь отношения. Зачем стремиться к этому сейчас, когда все так плохо и нервы напряжены до предела?»

Одинокий автобус выполз из-за угла, двухэтажный, ярко освещенный, гостеприимный, почти пустой и даже — или так ему показалось —

помигал Барри фарами — «мол, садись в меня дружок, я еду в твою сторону, туда, где твой родительский дом». Однако он пропустил этот автобус мимо. Ведь еще полно открытых пабов, и в любом из них Кэрол могла посиживать со своим дружком, позабыв, что на свете есть любящий ее парень по имени Барри. Поэтому он все крутился вокруг почти одного и того же места, выискивая припаркованную уже знакомую ему машину.

Уличное освещение было плохим, только на углах горели фонари. Впрочем, здесь Барри не грозила опасность. Тут не знали, кто он такой, а, судя по виду, грабить его было бессмысленно. Хотя двое парнишек, пристроившихся под козырьком одного из подъездов, были точной копией Хупи. На всякий случай Барри нащупал пистолет у себя под курткой.

Он вошел в круг света, отбрасываемого заманчивой вывеской очередного паба, когда услышал первый выстрел. Сначала у него в голове мелькнула безумная мысль, что это выстрелил его собственный пистолет, что он случайно нажал курок

Но затем последовала целая серия выстрелов, сопровождаемая диким женским визгом. Барри побежал на шум. Позади него распахнулись двери нескольких пабов и оттуда начали вываливаться посетители.

Барри бежал как заяц, петляя по заснеженным газонам, не уверенный, бежит ли он от выстрелов или прямо под пули. После короткой паузы раздался одиночный выстрел. Барри увидел Денниса Гордона — огромного, раскоряченного, как горилла, ростом с Кинг-Конга. Только пистолет в его руке был в половину меньше, чем оружие Барри, и направлял он его совсем в другую сторону.

И вот тут Барри увидел, как пуля пронзила сверкающее крыло дорогой машины, и он осознал, что именно на ней умчалась Кэрол. К машине кинулась толпа любопытных, но Барри, расталкивая всех, сумел пробраться вперед.

Передняя дверца была распахнута, и было видно, что все сиденье залито кровью. Кровь даже стекала на подножку.

Барри часто думал о том, что он почувствует и как поступит, увидев Кэрол в объятиях другого мужчины, к примеру, Теренса Ванда. Сейчас он видел это в реальности и был настолько шокирован, что не испытывал вообще никаких чувств. Невозможно было определить, обнимались ли они до того, как их застрелили, или уже мертвыми упали в объятия друг друга, и смерть сблизила их тела.

На золотистых локонах Кэрол не было крови. Пуля, убившая ее, проделала маленькое круглое отверстие как раз под мочкой левого уха, и свернувшаяся кровь образовала там подобие сережки в виде грозди темно-

красных камешков.

Барри выбрался из толпы, расталкивая зевак локтями.

Он шел вверх по холму, двигаясь, как робот.

Полицейские машины с сиренами и синими мигалками и бесполезная уже «скорая помощь» промчались вереницей мимо него. Звуки сирен заполнили ночь, перекрыли людские голоса.

А в глазах Барри были только локоны Кэрол, ее застывшее личико и ушко, к которому он несчетные разы прикладывался губами, украшенное теперь сережкой из запекшихся кровавых капелек.

В ритме его шагов бился, ударял по телу ненужный теперь пистолет. Взойдя на Китайский мост, он наклонился над водой и швырнул оружие через пролет в канал.

Круги еще расходились по воде, когда Барри догнал автобус, направлявшийся в Хорнси — родные места, которые он когда-то покинул ради большой любви.

Такси доставило Теренса в Голдерс-Грин. Дальше, ради экономии, он решил ехать на метро.

К собственному своему удивлению, он ощущал полную беззаботность и никакой тяжести на сердце. А тело его вообще стало невесомым. Он взвесился перед отъездом на весах Фреды и выяснил, что похудел после Рождества на одиннадцать фунтов.

Все заботы, как ему казалось, остались позади вместе с его никчемным прошлым. Он настолько расслабился, что даже купил газету в киоске на станции, чтобы почитать в дороге.

Спускаясь по ступеням на платформу, Теренс проглядел заголовки на первой странице. И тотчас все внутри у него сжалось и стянулось тугим узлом.

Если бы он не позвонил Кэрол вчера днем и не сказал, что помочь ей ничем не сможет, его, возможно, нашли бы рядом с ней в «машине смерти», как окрестили ее газетчики.

Итак, его нервное состояние оказалось полезным и спасло ему жизнь. Если б его слабые нервы не подсказали, что единственный способ уберечь себя от опасностей — это провести ночь одному в доме на Спринг-клоуз, наглотаться успокоительного и приналечь на алкоголь, он мог бы оказаться на месте убитого парня, имя которого Теренсу ничего не говорило.

Эдвард Гринвуд — кто это такой?

Теренс и Кэрол неоднократно проводили время в баре, и Ванду были известны имена всех ее ревнивых поклонников, которые и на него поглядывали косо, но про этого Эдварда он ничего не слышал.

Его рука, держащая чемодан, начала мелко дрожать, отчего одна из застежек раскрылась.

Конечно, жаль Кэрол, но ей суждено было погибнуть в гангстерских разборках. Слишком она была хороша собой и слишком многое себе позволяла. Наверное, прикончил ее тот упрямый парень, который появлялся пару раз по вечерам у дома Фреды. И звонил Ванду скорее всего он, и грубо говорил с ним.

Но, к счастью, на этот раз Теренс остался в стороне. Наверное, у него имеется свой верный ангел-хранитель.

Он вышел из вагона в Истоне и направился в маленький отель, где

заранее заказал номер на сутки, чтобы провести здесь остаток дня и вечер. И чтобы пересчитать деньги.

Две с лишним тысячи пятидесятифунтовыми купюрами не заняли бы много места, но банковский служащий не имел возможности выдать всю сумму крупными бумажками и чуть ли не половину составили двадцатки и десятки. В результате чемодан, позаимствованный когда-то у Джессики, оказался слишком мал, и поэтому отказывали замки.

Теренс не осмелился оставить деньги в номере даже на короткое время. Так, не выпуская чемодан из рук, он направился по Тоттенхэм-корт-роуд, где отыскал магазин, торговавший кожаными изделиями и сувенирами. Там он приобрел ремни, чтобы перетянуть чемодан, и, после некоторых раздумий, объемную нейлоновую сумку.

Вернувшись в отель, он занялся решением задачи, где и как разместить деньги. Теренс испробовал несколько способов и, наконец, решил сложить все деньги в сумку, прикрыв сверху бельем и туалетными принадлежностями. В салон самолета ему разрешат войти только с одним предметом ручной клади, а чемодан он сдаст в багаж.

Нейлоновая сумка была поистине чудом. В сложенном виде она помещалась в кармане, а если расстегнуть «молнию» и разложить ее, то вместить могла что угодно.

Денежная гора, вываленная сначала для подсчета на пол и поначалу приведшая своими размерами Теренса в отчаяние, на удивление быстро исчезла в недрах сумки. И сумка все равно была не слишком тяжелой. Теренс, можно сказать, будет путешествовать налегке, причем все деньги будут при нем.

После решения главной задачи его мозг освободился, и мысли возвратились к проблеме Голдшмидтов. О бедной Кэрол он уже забыл, а вот Голдшмидты беспокоили его.

Какие меры они предпримут, чтобы разыскать владельца мебели, которой заставлен купленный ими дом? Рано или поздно они узнают настоящую фамилию того, кто прикрывался именем почившего в бозе мистера Фиппса.

Теренс рассчитывал, что на это уйдет не менее недели. А пока стрелки часов неумолимо движутся вперед, багаж упакован и билет до Сиднея у него в кармане.

Детектив Лэтхем стал временным обладателем элегантной дорожной сумки, не кожаной, но на вид ничем не хуже — светло-коричневой подделки под свиную кожу. Он одолжил ее у коллеги, так как намеревался

провести двое суток в далеком Мельбурне.

Монти Дрискол, за которым послали инспектора, прохлаждался там уже почти три месяца, и если он там задержится еще чуть-чуть, никакого вреда для свершения правосудия не будет, а вот детектива Лэтхема было бы жестоко обрекать на два подряд суточных перелета туда и обратно без основательной разминки на твердой земле. Тем более что он ни разу не бывал нигде дальше Коста-дель-Сол.

Лэтхем собирался доставить себе удовольствие этой поездкой, причем с самого начала. Никакого метро. Ему разрешили воспользоваться служебной машиной и доставили прямо к третьему терминалу.

Подобно всем новичкам, для которых путешествие на самолете, — событие, он прибыл слишком рано и первым зарегистрировался на рейс, вылетающий в 21.45.

Оставалась уйма времени. Лэтхем выпил кофе и купил книжку в бумажной обложке. Не «Брачный узел», который был выставлен повсюду и прямо-таки лез в глаза. Нет, это чтение не для него. Он предпочел свежий сборник из дюжины «рассказов ужасов». Потом, так как заняться было нечем, он предъявил свой паспорт и прошел через ворота, как бы отделявшие воздушное пространство от земного.

Девушка была как раз того типа, какие нравились Теренсу — с наивным круглым личиком и искусно завитыми светлыми локонами. Вокруг нее громоздилось столько пакетов и сумок, что он с трудом представлял, как она с маленьким ребенком, который был скорее дополнительной помехой, чем помощником, сможет со всем этим багажом управиться.

На ней были джинсы и коричневый меховой жакет, вероятно, из крашеного кролика, и сначала Теренсу показалось, что она обладает выдающимся бюстом, слишком пышным для такой хрупкой фигурки. И только после того как он поболтал с ней минуту-другую — вернее, она сама затеяла с ним беседу, легко и непринужденно, в манере самостоятельных современных девушек, сразу объявив, что ее зовут Джейн — он уразумел, что это был младенец, которого она носила пристегнутым к груди. Когда Джейн слегка наклонилась вперед, Теренс разглядел крохотную, почти лысую головку там, где он ожидал увидеть соблазнительную ложбинку между грудей.

Двое детишек и весь этот багаж! Теренс не имел ни малейшего желания оказаться вовлеченным в подобные хлопоты, но отступить было уже поздно. Джейн успела прочитать ярлык на бывшем чемодане

Джессики, который он ставил на ленту транспортера. Там значился Сингапур и отель, куда чемодан следовало доставить.

Теренс увидел в ее глазах алчную радость, что ей удалось найти спутника и носильщика на ближайшие двадцать часов. Впрочем, Джейн могла как-то отвлечь его от навязчивых страхов насчет Голдшмидтов и тем принести пользу. А по прибытии в Сингапур... Чем черт не шутит?

— Билл не выберется из Пенанга до апреля... — произнесла она не без подтекста. — Но он наймет айю, чтобы избавиться от всей этой мороки и дать мне возможность вздохнуть свободно.

Теренс смутно представлял, кто такая «айя» — вероятно, нянька-туземка для присмотра за детьми, но сразу понял, что имеет шансы продолжить общение с их матерью после тягостного полета, чем вознаградит себя за хлопоты. Судьба явно будет благосклонна к нему, стоит только сейчас в полете проявить необходимую выдержку.

Старшее дитя, одетое в комбинезон из грубой хлопчатобумажной ткани и стриженное «под ежик», существо на вид бесполое, хотя и откликающееся на имя Миранда, вскарабкалось ему на колени и принялось забавляться «молнией» его сумки. Теренсу очень захотелось, чтобы айя из Сингапура волшебным способом перенеслась сюда, приземлилась на взлетной полосе, появилась в аэропорту и избавила его прямо сейчас от чрезмерно назойливой крошки.

Он нес три сумки и еще толкал ту, что была на колесиках. Нейлоновая сумка болталась на его левом запястье. Джейн несла малыша и еще две сумки, а Миранда цеплялась за подол ее жакета и хныкала. У столов для приемки багажа не крутились, как он боялся, полицейские, что оказалось для Теренса приятной неожиданностью.

Отправив чемоданы на движущуюся ленту транспортера, он испытал временное облегчение, которое тут же сменилось страхом перед просмотром ручной клади. Здесь и сейчас решалась его судьба.

Он уже подумал, что его пронесло, когда один из служащих попросил раскрыть сумку, а затем добавил вполне спокойно, что требуется расстегнуть «молнию» до конца, так что половина содержимого сумки вывалилась наружу.

Теренс остолбенел, но никто вокруг не произнес ни слова. Служащие вертели в руках пачки банкнот с таким же равнодушием, как до этого копались в горе памперсов и прокладок Джейн. Он увидел, что Джейн оглянулась и смотрит на деньги, но также держит рот на замке.

Они проследовали в магазин беспошлинной торговли, где Джейн приобрела флакон духов, а Теренс не купил ничего. Пройдет час, и ему уже

не понадобится даже виски, вкус которого он вообще не любил.

Они заказали кофе, а Миранде — пакет хрустящего картофеля. Сидя за столиком, они обсуждали предстоящую кормежку в самолете, когда громогласно объявили о начале посадки на рейс Бахрейн — Сингапур — Сидней. Это было лишь первое предупреждение, и времени оставалось еще уйма.

Джейн сказала, что ей лучше сейчас навестить туалет или комнату матери и ребенка, чтобы сменить памперсы малышу. Другой шанс может представиться не скоро. Каждый знает, что в таких полетах возле дверей туалетов образуются длинные очереди.

Теренс думал, что она возьмет Миранду с собой, но просчитался, и едва мать скрылась из виду, девочка неуклюжим взмахом руки опрокинула почти полную чашку кофе. Кофе потек на нейлоновую сумку Теренса. Он поспешил расстегнуть сумку, куда кофе стал просачиваться.

Испугавшись содеянного и полная раскаяния, плачущая Миранда кинулась к Теренсу и повисла у него на шее.

Пассажиры пришли в движение, направляясь на посадку, по пути с любопытством глядя на мужчину, плачущего ребенка и стол, залитый кофе.

Теренс тоже решил поторопиться. Пусть она катится к черту, эта Джейн, с ее детьми, пакетами, сумками и айей. Он попытался встать, хотя ему мешала Миранда, но когда с трудом освободился от ее цепких рук, то был вознагражден зрелищем инспектора Лэтхема.

Узнавание было взаимным и мгновенным.

Теренс тут же ощутил слабость в ногах и близость к обмороку, как при том давнем визите Лэтхема в дом на Спринг-клоуз. Лэтхем занимал столик поблизости, всего в трех-четыре ярдах. Он встал, аккуратно вернул стульчик на прежнее место и двинулся к Теренсу, плавно, как в замедленной съемке. Вглядевшись в Миранду попристальней, он спросил:

— Джейсон Стратфорд, я так полагаю?

Слова эти, вполне внятно сказанные, были услышаны Теренсом, но воспринимались им не более как разрозненные звуки, как фраза на незнакомом иностранном языке. Его нервы не выдержали разом, и каждый лопнул, словно чересчур натянутая струна, и бессильно повис. Теренс издал нечленораздельный вопль. Он отбросил от себя Миранду, схватил свою расстегнутую сумку и побежал. Сумка на ходу все сильнее раскрывалась, и в беспорядке выпадало ее содержимое — бритва, газета, майка, зубная паста и много, очень много денег — сто тридцать две тысячи фунтов.

Этим мартовским утром они пришли вернуть книгу. Держа Джея за руку, Бенет вошла в библиотеку в Уинтерсайте, протянула книгу через стойку и постаралась объяснить, как та оказалась у нее.

Хотя Бенет и занесена в списки читателей, но так случилось, что она зашла в библиотеку со своим маленьким сыном, и тот забрал книжку с собой, а она по рассеянности и из-за спешки не записала ее на свое имя.

Книга с картинками из жизни животных, громоздкая и безвкусно, аляповато оформленная, никакой особой ценности не представляла. Но в любом случае, библиотекаря была рада, что пропавшая книжка нашлась.

Бенет могла бы вернуть ее по почте. Она заставила себя прийти сюда, на скрещение Тоттенхэм-роуд, Лордшип-авеню и Уинтерсайд-роуд из-за ощущения, что если она не сделает этого сейчас, то никогда больше не наберется мужества, и впоследствии будет петлять, искать объездные дороги, когда возникнет необходимость пересекать эту часть Лондона.

Книга была поводом, чтобы привести ее на место, где так нелепо погибли Эдвард и Кэрол Стратфорд, и испытать приносящий боль, но необходимый шок...

Как и в прошлый свой визит, она оставила машину на Уинтерсайд-роуд.

День был солнечный, но кое-где еще искрился ледок Нарциссы еще только готовились вылезти из земли, на ветвях деревьев пока не завязались почки, в воздухе совсем не пахло весной.

Джей уже вырос из своего шерстяного пальтишка. Ему придется купить новое до того, как установится теплая погода. Она пристегнула его к детскому сиденью и поехала к гаражу Вудхауса заправиться.

Обслуживала ее молодая девушка. Бенет прошла с ней в офис, чтобы расплатиться чеком.

Том Вудхаус сидел за конторкой и говорил по телефону. Бенет посмотрела на него, раздумывая, стоит ли напоминать о старом знакомстве, и уже решила объявить кто она, когда Вудхаус закончит разговор, но потом забыла об этом, взглядевшись в него повнимательней.

Странное чувство — смесь удивления и мучительного неудобства — охватило ее. Это было почти как неожиданное и нежелательное столкновение где-нибудь в общественном месте с бывшим любовником.

Нет, конечно, Том Вудхаус никогда не был ее любовником. Зато он был

любовником Кэрл Стратфорд. В этом не было никакого сомнения.

Сходство было сверхъестественным, таким, что не поддается объяснению. У мужчины возле телефона был высокий лоб, глаза голубые, как море, длинный нос и продолговатый подбородок

Еще в первый раз, когда она увидела Джея, Бенет подумала, что он напомнил ей кого-то из ее давних знакомых.

Механически, не глядя, она поставила подпись. Вудхаус распрощался со своим телефонным собеседником, повесил трубку, что-то записал в блокноте и медленно поднял голову.

Бенет взяла приготовленный ей чек и поспешно покинула офис. Меньше всего на свете она хотела возобновить знакомство с человеком, который, без сомнения, был отцом Джея.

Она уже неделю не виделась с Иэном, а до отъезда в Канаду оставалось менее двух недель. Он позвонил в дверь ровно в семь, как раз когда она уложила Джея спать.

— Я не еду с тобой, — сказала она, тихонько высвобождаясь из его объятий. — Ты ведь давно об этом догадывался. Ты предчувствовал. Так ведь?

На его лице застыло выражение печали и усталости, словно у классической театральной маски. Он носил эту маску постоянно с тех пор, как Бенет призналась, что ей и в голову не пришло сказать ему о своем бегстве в Испанию, что она тогда просто забыла про него.

Она пробыла там три дня с отцом и Мопсой, пока до нее не дошла весть о гибели Эдварда.

И тут только Бенет вспомнила, что надо позвонить Иэну. Означало ли это, что она разлюбила его? Или просто страх оттеснил на задний план все другие чувства?

— Я знаю, что не едешь со мной, но не понимаю, почему.

Она собиралась солгать ему сейчас, чтобы не лгать в будущем. А любое будущее без лжи было для них невозможно, так как он никогда не примет того, что она сделала.

С другой стороны, будущее, построенное на вранье, когда она будет изобретать одну ложь за другой, чтобы объяснять ему присутствие при ней Джея, ничего хорошего не сулит. Добиться для мальчика легального статуса ей никогда не удастся. Кончится все тем, что Иэн перестанет верить ее замысловатым байкам, и их взаимоотношения рухнут.

Какой-то другой мужчина, если таковой появится в жизни Бенет, не будет посвящен в ее трагическую историю и примет на веру все, что она ему скажет. Ему не потребуется никаких объяснений.

Только один Иэн знает, что Джей не может быть Джеймсом Арчдейлом, как указано в его свидетельстве о рождении. Только Иэн знает, что Джеймс мертв и похоронен.

Таким образом, ей предстояло сделать выбор, и она этот выбор сделала. Иэн или Джей — выбирать было тяжело. А для начала пришлось солгать.

— Мне очень жаль, Иэн. Видимо, я не так сильно привязана к тебе, чтобы ехать за тобой на другой край света. Я думала, что люблю тебя, но почувствовала, что на такой поступок моей любви не хватает.

Иэн не мог сдаться без борьбы.

— Мы можем расстаться на полгода и проверить наши чувства. Ты сама решишь, изменилось ли твое отношение ко мне.

— Оно не изменится.

Бенет знала, что никогда больше не увидит его после этого вечера.

— Я буду покупать твои книги, — пообещал он. — Если я не могу быть для тебя кем-то еще, то хотя бы стану твоим постоянным читателем.

Она долго плакала после его ухода. Смешав себе напиток — побольше виски, поменьше содовой, — Бенет забралась в свой кабинет, как в гнездо, и с удовлетворением, не приносящим, однако, ни тепла, ни радости, праздновала то, что последнее препятствие убрано с дороги.

Она сама выбрала такой путь, сама начертила маршрут на карте собственной жизни и могла теперь смаковать долгожданный покой в холоде и одиночестве в полночном доме.

Джей проснулся и попросил пить. Она поднялась к нему, посадила на колени, дала попить воды из чашечки.

Он послушно вернулся в свою кровать и закрыл глазки еще до того, как Бенет успела снова укрыть его. С легкой печалью, но и с надеждой она смотрела на спящего мальчика. В памяти вдруг всплыли слова, сказанные Эдвардом вроде бы совсем по другому поводу.

— Что ж, Джей, — произнесла она вслух. — Кажется, у нас теперь с тобой общий бизнес.

Table of Contents

[Рут Ренделл Древо скорбных рук](#)

[Книга первая](#)

[1](#)

[2](#)

[3](#)

[4](#)

[5](#)

[6](#)

[7](#)

[8](#)

[9](#)

[10](#)

[Книга вторая](#)

[11](#)

[12](#)

[13](#)

[14](#)

[15](#)

[16](#)

[17](#)

[Книга третья](#)

[18](#)

[19](#)

[20](#)

[21](#)

[22](#)

[23](#)

[24](#)

[25](#)